СИМБИРСКИЙ ВЕСТНИК

1993

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ ЗАПОВЕДНИК
«РОДИНА В. И. ЛЕНИНА»

СИМБИРСКИЙ ВЕСТНИК

историко-краеведческий сборник

Выпуск I

Ульяновск
«Симбирская книга»
1993

ББК 63.3 (2р35—4Ул)
С 37

Под редакцией М. Х. ВАЛКИНА
Рецензенты: В. В. КАЗЮХИН, А. Л. КРУГЛИКОВ, В. А. ПЕРФИЛОВ

Симбирский вестник. Историко-краеведческий сборник.
С 37 Выпуск I.— «Симбирская книга», 1993.— 224 с.

Предпринимая настоящее издание, коллектив Государственного историко-мемориального заповедника «Родина В. И. Ленина» стремится внести посильный вклад в изучение истории дореволюционного Симбирска.

На страницах сборника предполагается также знакомить научную общественность с деятельностью заповедника, с проблемами сохранения исторических памятников.

ISBN 5—8426—0107—5

ББК 63.3 (2р 35—4Ул)
© «Симбирская книга», 1993.
© Государственный историко-мемориальный заповедник «Родина В. И. Ленина», 1993.

А. Н. ЗУБОВ

Заповедник «Родина В. И. Ленина»

В Большой советской энциклопедии (1972 г.) говорится, что «заповедник — участок территории (акватории), на котором сохраняется в естественном состоянии весь его природный комплекс. К заповедникам относят также музеи-заповедники, которые могут включать целый город или какую-либо его часть, усадьбу, парк, представляющие особую историческую, историко-художественную или мемориальную ценность». Именно ко второму типу заповедников относится Государственный историко-мемориальный заповедник «Родина В. И. Ленина» Министерства культуры РСФСР. Он был создан в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 2 октября 1984 года (№ 1032) и Совета Министров РСФСР от 16 ноября 1984 года (№ 474).

Создать его имелось ввиду как единый комплекс памятных ленинских мест, памятников истории и культуры, их исторической среды, как своеобразный градостроительный памятник внутри развивающегося города.

Постепенно функции заповедника расширились. И в настоящее время вся его деятельность посвящена бережному сохранению старого Симбирска, его неповторимого облика.

Конечно, заповедник в Ульяновске можно представить себе, как изолированные друг от друга временной застройкой, но бережно охраняемые подлинные памятники. А можно и в виде прекрасно выполненных бронзовых досок, мраморных стел. Но сопереживание,

атмосферу старого Симбирска, с его самобытной красотой может обеспечить только воссоздание, в том числе в мелочах, исторической среды на значительной территории.

Для решения возложенных на него задач заповедник осуществляет учет и пропаганду памятников истории и культуры. Организует работы по их исследованию, консервации, реставрации и музеефикации. Выполняет роль заказчика по ремонту и приспособлению объектов исторической среды, а также по благоустройству и озеленению территории. Заповедник координирует деятельность на своей территории туристско-экскурсионных организаций.

Деятельность заповедника осуществляется на основании утвержденной Генеральной схемы его развития. Генеральная схема разработана на основе проектных предложений по концепции развития заповедника и зон охраны памятников истории и культуры.

Заповедник обеспечивает разработку проектов реставрации, восстановления утраченных зданий и сооружений и приспособления их для функционального использования (под жилье, для размещения организаций, музеев и т. п.). Задача заповедника — не допустить разрушения сохранившихся памятников, поэтапно вести необходимые ремонтно-реставрационные работы.

Ульяновский заповедник уникален, с одной стороны, как мемориально-культурный центр, а с другой, как живое градостроительное образование.

Одной из сложных и важных задач заповедника является разработка концепций музеефикации отдельных его объектов, создание в них мемориально-тематических экспозиций.

До последнего времени особое внимание уделялось объектам заповедника, связанным с жизнью в Симбирске семьи Ульяновых. Как известно, работы по их мемориализации начались сразу после установления советской власти. Основными ее вехами были открытие в 1929 году Дома-музея В. И. Ленина, затем — сооружение к 1970 году Мемориала на месте его рождения, и, наконец, организация в 1984 году звповедника.

Наряду с работой по сохранению ленинских мест коллектив заповедника осуществляет выявление и реставрацию и других историко-мемориальных объектов. За последнее время выявлено и подготовлено к постановке на государственный учет более двадцати таких объектов.

Схема развития заповедника охватывает территорию (174 гектара) , на которой расположены памятники истории и культуры от основания города (1648) и до наших дней. Некоторые краеведы считают, что границы заповедника должны быть еще более расширены. Так, по мнению сотрудников краеведческого музея вся улица Гончарова должна быть объявлена не только охранной, но

и заповедной зоной. Опасения за судьбу исторического центра, конечно, оправданы. На наших глазах здесь выросли, ни с чем не сообразуясь, такие сооружения, как здания типографии и Дома быта. И где гарантия, что не вырастут новые? Поднимался также известный максималистский вариант, по которому заповедный район должен быть распространен до границ Симбирска восьмидесятых годов XIX века. При всестороннем обсуждении этот вариант не был поддержан.

В окончательном варианте схемы развития заповедника избран путь фрагментарного сохранения и воссоздания исторической среды в визуально-пространственных зонах влияния конкретных мемориальных объектов, что, в целом полноценно и достоверно представляет облик Симбирска второй половины XIX века.

При этом, для условий Ульяновска, где памятники и памятные места оказались активно включенными в структуру центрального района развивающегося города, принята ориентация на гармоничную увязку задач музеефикации с решением проблем оптимального общегородского функционирования сохраняемой исторической застройки.

По территориальному признаку заповедник условно разделен на 5 структурно-планировочных зон, соответствующих основным музейно-экспозиционным комплекса́м:

— Ленинский мемориальный квартал (4-я планировочная зона)

— Свияжский склон с комплексом Чувашской учительской школы (5-я планировочная зона)

— Ленинский Мемориал с зоной общественного центра (2-я планировочная зона)

— Историческая застройка района улиц Радищева, Карюкина, Пролетарской (1-я планировочная зона)

— Участок улицы Ленина от ул. Советской до ул. Железной Дивизии (3-я планировочная зона).

Каждая из перечисленных зон имеет свои особенности, в них поразному сохранились памятники и ценная историческая застройка. Исходя из этого, каждая зона имеет и свои специфические задачи. Остановимся на них более подробно.

Ленинский мемориальный квартал в отличие от других участков заповедника до настоящего времени сохранил ярко выраженный исторический характер, высокую степень сохранности застройки мемориального периода, чистоту фоновых отношений. Здесь находятся бывшая усадьба семьи Ульяновых, где в настоящее время размещается Дом-музей В. И. Ленина, три дома, в которых снимали квартиру Ульяновы, много зданий, связанных с их жизнью, с жизнью друзей и знакомых. Именно здесь начались комплексные ремонтно-реставрационные работы, направленные на воссоздание всей внешней исторической обстановки.

Вместе с тем, необходимо отметить задачи, требующие разрешения. К ним относятся недостаточно высокое качество реставрационных работ, несоответствие характера использования мемориальных объектов, нерешенность вопросов организации внутриквартальных пространств и благоустройства улиц.

Ландшафтный участок реки Симбирки, непосредственно примыкающий к Ленинскому кварталу, и играющий важную роль в воссоздании исторического образа данного района, почти полностью урбанизирован. Симбирка взята в трубу, ее пойма застроена гаражами, территория не благоустроена, оползневые склоны не закреплены растительностью. На правом склоне ветхие хозяйственные постройки (по улице Шевченко).

Учитывая особую значимость данного участка проектом предусматривается дальнейшая реставрация мемориальных объектов и их исторической среды, значительное повышение качества реставрационных работ. Планируется музеефикация ряда объектов. Имеется в виду воссоздание хозяйственных построек и исторического благоустройства. Намечено воссоздание на мемориальный период (60—80-е годы XIX века) всех элементов внешнего благоустройства наиболее ответственных участков улицы Ленина от улицы Железной Дивизии до Дома-музея В. И. Ленина и улицы Энгельса от музея «Народного образования» до бывшей 2-ой Полицейской части.

В системе квартала будут созданы объекты обслуживания на базе существовавших на мемориальный период (мелочная лавка, обувная мастерская и др.). Будет воссоздан исторический ландшафт поймы реки Симбирки, проведено благоустройство склонов, созданы видовые площадки.

В системе заповедника участок Свияжского склона обладает выраженным ландшафтным своеобразием, в основном сохранившим исторический характер. Главными мемориальными объектами зоны являются комплекс Чувашской школы, связанный с деятельностью просветителя чувашского народа И. Я. Яковлева, а также, расположенная на территории бывшего Покровского монастыря могила И. Н. Ульянова.

В целом, архитектурно-планировочное решение направлено на сохранение ландшафтного своеобразия Свияжского амфитеатра и активное включение всех выявленных мемориальных объектов и памятных мест в систему экскурсионного показа. С этой целью предусматривается:

— полная реставрация зданий бывшей Чувашской школы с созданием в доме И. Я. Яковлева (так называемый Верхний корпус) музея истории Симбирской чувашской школы с приспособлением остальных построек под культурный центр (например, училище культуры);

— оформление музеефицированных трасс, соединяющих ленинский мемориальный квартал с комплексом Чувашской школы, могилой И. Н. Ульянова и набережной реки Свияги;

— сохранение исторических красных линий застройки улиц Ленина и Л. Толстого с реставрацией и восстановлением домов традиционного типа.;

— снос малоценных построек по склону реки Свияги и разбивка парка общегородского значения с использованием в трассировке аллей исторически сложившихся направлений — спусков к реке и приспособлением ряда сохраняемых исторически ценных построек бывшего винокуренного завода для размещения общественных учреждений (в том числе для спорта).

При включении района улиц Радищева, Карюкина, Пролетарской в состав заповедника учитывалась оценка градостроительной значимости данного участка, его архитектурно-пространственного строения, создание мемориального комплекса. Кроме того, данный район имеет самостоятельное историко-культурное значение. Он включает отдельные мемориальные объекты, памятники архитектуры, также единственный сохранившийся в городе целостный фрагмент верхней набережной р. Волги (ул. Пролетарская). К сожалению, дошедшая до нас застройка квартала неоднородна, отличается по своей архитектурно-художественной ценности. Многие здания здесь утрачены. Архитектурно-планировочное решение направлено на дифференцированную реконструкцию квартала, сочетающую реставрацию наиболее ценных объектов исторической среды и их функциональное переосмысление. Учитывая наличие в этом районе активных современных сооружений проект схемы заповедника ориентируется на прием конкретного сопоставления с ними сохраняемых исторических фрагментов. Социально-градостроительная функция района видится в своеобразной демонстрации уникальной программы сохранения историко-мемориального наследия Ульяновска, сочетания старого и нового.

В ходе реставрационных работ в данном квартале проектом предусмотрено:

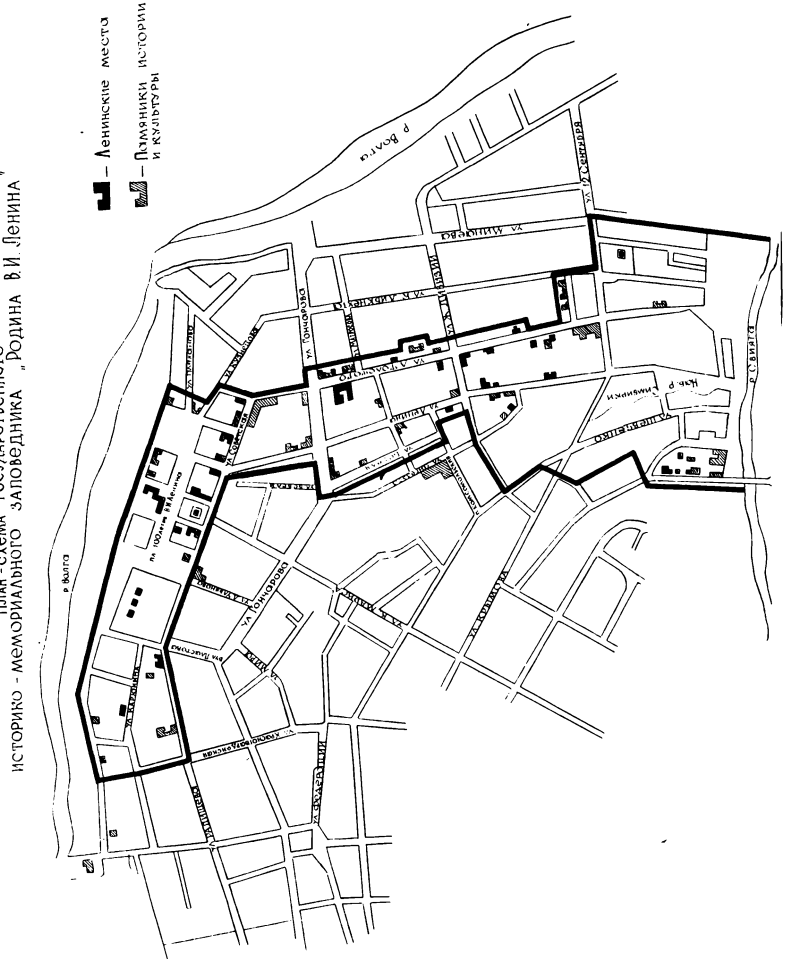
— активное использование внутриквартального пространства с организацией площади перед зданием областного Совета и оборудованием планировочных связей с Волгой посредством нескольких выходов на набережную;

— формирование фронта исторической застройки по улице Радищева (реставрация сохраняемых объектов и воссоздание утраченных);

— сохранение жилой функции на участках улиц Пролетарской, Карюкина, Красногвардейской и пер. Водников, с учетом строи-

тельства одно-двухэтажных жилых домов на месте утраченных и сносимых объектов.

Основанием для включения в состав заповедника участка улицы Ленина от улицы Советской до улицы Железной Дивизии, служит тот факт, что данный участок выполняет роль активной планировочной архитектурно-пространственной и экскурсионной связи ленинского квартала с зоной Мемориала. Здесь сохранилось до настоящего времени значительное количество памятников архитектуры, мемориальных объектов, целостных фрагментов исторической среды.



Застройка представлена в основном памятными зданиями второй половины XIX века. В то же время следует отметить, что историческая застройка в отдельных случаях разбавлена современным строительством, четырех-пятиэтажными жилыми домами.

Являясь важнейшим архитектурно-планировочным звеном заповедника, улица Ленина в новых условиях нуждается в функциональном изменении. В рамках задач, решаемых заповедником, здесь должна развиваться тема архитектуры и быта Симбирска второй половины XIX века, в связи с чем проектом придается большое значение архитектурно-художественному оформлению зоны. На этом участке схема развития заповедника предусматривает осуществление следующих мероприятий:

— реставрацию памятников истории и культуры, ориентированную на мемориальный период;

— воссоздание утраченных элементов исторической среды;

— дальнейшее благоустройство зоны.

В системе создаваемого заповедника ленинский мемориальный комплекс с зоной общественного центра занимает особое место. Он является своеобразной градостроительной доминантой, символом сформированного административно-культурного центра Ульяновска. В целом, зона общественного центра объединяет три группы разновременных сооружений: ансамбль общественных зданий первой половины XIX — начала XX века в районе Карамзинского сквера; площадь В. И. Ленина, сформировавшаяся в 50-е годы нашего столетия и сооружения, воздвигнутые к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Вся эта территория насыщена мемориальными объектами, памятниками архитектуры и монументального искусства. Необходимо отметить общую градостроительную завершенность всей зоны и высокий уровень ее современного благоустройства. В то же время следует отметить, что ряд мемориальных объектов и памятников архитектуры зоны до настоящего времени не реставрирован и не включен в систему экскурсионного показа. Имеются участки, где вопросы благоустройства требуют решений на реставрационном уровне.

На данном участке схема развития заповедника предусматривает:

— реставрацию всех памятников истории и культуры зоны с включением в состав музеефицируемых объектов зданий б. Губернского правления и Карамзинской библиотеки;

— фрагментарное воссоздание исторического благоустройства в районе Карамзинского сквера.

Решение задач, определенных Генеральной схемой развития заповедника, рассчитано на длительную перспективу.

Подводя некоторые итоги следует еще раз подчеркнуть основное направление деятельности заповедника, а именно сохранение старого Симбирска. Особо следует отметить, что заповедник практически является единственным органом, который на научной основе занимается вопросами сохранения памятников истории и культуры дореволюционного Симбирска, имея для этой цели необходимую материальную базу.

Между тем, большой урон состоянию памятников и объектов ценной исторической среды наносит ведомственная разобщенность. Наличие большого количества структур в городе (только при мэрии существуют такие структурные подразделения, как фонд имущества, комитет по управлению имуществом, городская архитектура, нотариальная контора, бюро технической инвентаризации и т. д.). Их разобщенность в условиях ведущейся приватизации может привести к массовой утрате памятников и особенно объектов ценной исторической застройки. Поэтому, городским законодательной и исполнительной властям следовало бы придать заповеднику, как государственному органу, координирующую функцию.

Работа по сохранению зданий обычно начинается с разработки научной документации, которую выполняет институт «Спецпроектреставрация». В настоящее время документация разработана практически на все памятники истории и культуры нашего города. Все эти разработки активно, целостно, системно претворяются в жизнь. Благодаря этому уже стал вырисовываться облик старого города.

Завершается реставрация домов по улице Ленина, в так называемом мемориальном квартале заповедника. В 1993 году планируется завершение реставрации домов по ул. Л. Толстого и их приспособление под жилье. В заповеднике сохранен весь жилой фонд. Вместе с домами в эксплуатацию сдаются и хозяйственные строения.

Конечно, в деятельности заповедника немало трудностей. Они связаны с недостатком квалифицированных кадров реставраторов. В реставрационных подразделениях нет таких важных цехов, как сушильные и пропиточные камеры. Все это не может не отражаться на качестве ведущихся работ.

Особая забота заповедника — это тщательное исследование, качественная реставрация памятников, имеющих республиканское значение. Здесь хотелось бы остановиться на тех объектах, которые уже завершены.

Огромная работа проделана по восстановлению комплекса бывшей симбирской чувашской учительской школы. За два года были полностью восстановлены и приспособлены для училища культуры 5 корпусов зданий.

Много усилий было затрачено на реставрацию и создание музея Симбирской Карамзинской библиотеки. Сейчас она восстановлена именно в таком виде, в каком возникла более 100 лет назад.

Восстановление исторической среды в заповедной зоне равнозначно созданию впечатляющего музея под открытым небом. Мало восстановить фасады. Необходимо заглянуть внутрь хотя бы отдельных домов заповедного квартала и увидеть, как же жили симбиряне в дореволюционное время.

Большую помощь коллективу заповедника оказывают член Ученого Совета, известный краевед, доцент пединститута С. Л. Сытин, начальник главного управления архитектуры и градостроительства администрации области И. Х. Сибгатуллин, главный архитектор города В. И. Некрасов, генеральный директор акционерного общества «Ульяновскгражданпроект» В. В. Полиевец, директор филиала Средневолжского института «Спецпроектреставрация» Б. А. Чеченев, главный инженер проектов этого института Ю. В. Козлов и другие.

В августе 1990 года Ученый Совет определил основные принципы и направления музеефикации заповедника.

Важным событием в жизни города было открытие в апреле 1990 года музея бывшей мужской симбирской классической гимназии. История гимназии связана с именами выдающихся людей, широко известных как в нашей стране, так и за ее пределами: В. И. Ульянова (Ленина), Н. А. Рынина, В. П. Филатова, С. А. Бутурлина, В. В. Хлебникова, И. В. Курчатова, с именем отца А. Ф. Керенского, директора гимназии — Ф. М. Керенского и многих других.

В так называемом «Верхнем корпусе» Чувашской школы сейчас ведется активная подготовка к открытию мемориального музея И. Я. Яковлева — выдающегося просветителя чувашского народа. Уже сейчас собраны и отреставрированы многие подлинные вещи И. Я. Яковлева. Установлены связи с его родственниками, выпускниками школы.

На очереди открытие музея метеорологической станции в Симбирске (ул. Л. Толстого, 67).

Одна из серьезных проблем в работе заповедника это повседневная охрана памятников истории и культуры, контроль за новым строительством на заповедной территории. К сожалению, за прошедшие десятилетия совершено немало непоправимых ошибок и преступлений. На местах снесенных старых зданий возведены архитектурные монстры, от которых мы уже не можем избавиться.

Решением вопроса реконструкции центральной части Ульяновска, которому придан статус исторического города, дело непростое, оно требует особой осмотрительности и ответственности в выборе

градостроительных решений. Здесь должна действовать заповедь врача «Не навреди!» Проектанты, реставраторы, строители, организации заказчика и хозяин города — городской Совет, должны согласованно действовать именно по этому принципу. Только при этом условии можно воссоздать облик старого Симбирска, сохранить бесценные памятники истории культуры города.

Вносить свой вклад в осуществление этой благородной цели стремится коллектив заповедника «Родина В. И. Ленина».

Ю. В. КОЗЛОВ.

Керенские в Симбирске

О жизни и деятельности Александра Федоровича Керенского в последние годы появилось немало материалов, в том числе и мемуары самого главы Временного правительства России, переведенные с английского Г. А. Шаховым и опубликованные в журнале «Вопросы истории». В них довольно подробно освещены зрелые годы крупного политического деятеля. Однако детство и юность его осталась как бы «за кадром», если не считать отдельных публикаций ташкентского исследователя Е. Н. Данилова и ульяновского историка Ж. А. Трофимова. Объясняется это как скудностью сведений о той далекой поре, так и известным идеологическим подходом к «этой жалкой, ничтожной личности», который автоматически распространялся и на его близких. Автору этих строк удалось обнаружить в фондах ульяновского и других архивов новые материалы, на основе которых и написана данная статья.

* * *

В одном из июньских номеров «Симбирских губернских ведомостей» за 1879 год появилась небольшая заметка: «В Симбирск прибыл 4 июня новый директор классической гимназии Фед. Мих. Керенский, известный начальству Казанского учебного округа как отличный педагог. С приездом нового директора можно надеяться,

что для Симбирской гимназии настанет новая жизнь и лучшая педагогическая деятельность, а вместе с этим изменится и та завидная репутация в учебном деле, которой гимназия пользовалась в Министерстве народного просвещения»[1].

На кого же симбиряне возлагали столь большие надежды и оправдались ли их пожелания?

Федор Михайлович родился в 1837 году в семье дьякона Троицкой церкви из села Керенки* Городищенского уезда Пензенской губернии[2]. Его фамилия, как и название селения, происходило от имени речки Керенки, протекавшей в той местности. Свое образование, как и старшие братья Григорий и Александр, Федор Керенский начал в Пензенском духовном уездном училище, а затем поступил в Пензенскую духовную семинарию. Окончив полный курс семинарии, Федор Михайлович начал службу в качестве учителя географии, арифметики и славянской грамматики в Нижнеломовском духовном уездном училище. А спустя четыре года Керенский в том же училище удостоился места второго учителя греческого языка, священной и русской истории[3].

Казалось бы, если что и могло изменить его судьбу, то лишь поступление в духовную академию или принятие сана приходского священника по примеру братьев. Однако летом 1863 года Федор Михайлович решил уйти из духовного ведомства и стать учителем русского языка в каком-либо светском училище. Попечитель Казанского учебного округа допустил его к испытанию по русскому языку комиссией гимназических преподавателей. После сдачи экзамена он был исключен из духовного звания и определен учителем русского языка в Наровчатское уездное училище. Там Керенский прослужил два года и поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, считавшегося одним из лучших в России. 30 мая 1869 года он успешно окончил университет со степенью кандидата[4].

Федор Михайлович защитил диссертацию на тему: «Вопрос о связи русских отреченных верований, и в особенности астрологических, с такими же верованиями других народов и с календарем Брюса».

Руководство учебного округа отметило способного выпускника университета назначением преподавателем словесности в Казанскую первую классическую гимназию, основанную еще в 1758 году при участии М. В. Ломоносова. Керенскому также доверили вести уроки педагогики и словесности в Родионовском институте благородных девиц и Мариинской женской гимназии[5].

---

*В некоторых публикациях, включая и мемуары А. Ф. Керенского, местом рождения его отца ошибочно указан уездный город Керенск Пензенской губернии (ныне рабочий поселок Вадинск Пензенской области).

В Казанской Мариинской женской гимназии Федор Михайлович познакомился со своей будущей женой Н. А. Адлер. Надежда Александровна была одной из его учениц, окончила гимназию с золотой медалью. Она являлась дочерью начальника топографического отделения при штабе Казанского военного округа подполковника А. А. Адлера, потсдамского немца по происхождению, а по материнской линии — внучкой крепостного крестьянина, который, выкупившись на свободу, стал в Москве процветающим купцом. В 1874 году Керенский женился на двадцатилетней девушке, а через год в молодой семье появился первый ребенок, дочь Надежда[6].

В сентябре 1876 года жена надворного советника Надежда Александровна Керенская и ее младшая сестра Анна Александровна Адлер получили от попечителя Казанского учебного округа свидетельства «на право обучения в частных домах»[7].

Педагогические успехи Федора Михайловича были замечены и по достоинству оценены. В 1874 году он удостоился должности инспектора Казанской первой классической гимназии, то есть стал вторым лицом после директора. Немаловажное значение для столь быстрого повышения сыграло то обстоятельство, что Керенский перед повышением сдал экзамен и получил право преподавания латыни — одного из главных предметов. А через три года его служебное усердие было вознаграждено назначением на пост директора Вятской классической гимназии. Наряду с управлением гимназией Федор Михайлович преподавал словесность и латинский язык. За примерную педагогическую деятельность он был награжден орденами святой Анны 2-й степени и Станислава 2-й степени[8]. В 1877 году у Керенских родилась вторая дочь, Елена. А спустя два года появилась на свет Анна[9].

5 мая 1879 года коллежский советник Ф. М. Керенский по приказу министра народного просвещения был перемещен на должность директора Симбирской мужской классической гимназии. Федору Михайловичу было выдано 300 рублей «на покрытие расходов по переезду его из Вятки на настоящую должность»[10]. Собрав пожитки, Керенские отправились на пароходе к новому месту службы главы семейства.

В ту пору в Симбирске насчитывалось около 30 тысяч жителей. Широкие улицы и площади, блеск куполов многочисленных церквей, возвышавшихся над городом, зеленые скверы и бульвары, фруктовые сады, спускавшиеся по склону к Волге, — все это придавало Симбирску своеобразный живописный облик. В городе не было высших учебных заведений. Мужская классическая гимназия являлась всесословным средним учебным заведением с 8-летним курсом обучения, для которого характерно преподавание древних языков и право окончивших гимназию на поступление в университет.

Гимназия располагалась в каменном двухэтажном здании на Дворцовой улице, неподалеку от губернаторского дома. В нижнем этаже с левой стороны от входа помещалась квартира директора, состоявшая из четырех жилых комнат и кухни[11]. Здесь-то и поселились Керенские.

Новый директор мужской гимназии энергично взялся за переустройство учебной и воспитательной работы. По его настоянию в гимназию были присланы хорошо подготовленные учителя: преподаватель словесности П. С. Тихановский, истории и географии — Н. С. Яснитский, греческого языка — А. И. Веретенников, латинского языка — П. В. Федоровский[12]. С их прибытием гимназия недостатка в учителях уже не испытывала, их работало здесь около тридцати человек. Выросло и количество учащихся. Если в 1879 году насчитывалось 358 гимназистов, то спустя два года их число возросло до 407, а еще через пять лет — до 449[13]

В младших классах Керенский старался совмещать в руках одного учителя преподавание русского и латинского языков для лучшего усвоения их грамматических форм. Особое внимание директор обращал на старшие классы, где взял на себя преподавание словесности и логики. Федор Михайлович был строг, но справедлив в отношениях с учениками, и они его любили.

«Года за 2—3 до моего окончания курса был переведен из Вятской гимназии в Симбирскую новый директор Ф. М. Керенский, — вспоминал Михаил Крылов, один из выпускников гимназии. — Высокого роста, немного полный, с открытым симпатичным лицом, сразу произвел приятное впечатление на воспитанников. Преподавал он русскую словесность. Быстро познакомил нас как с древней, так и новой литературой. Особенное внимание обращал Федор Михайлович на исполнение домашних сочинений; обязательно требовал при исполнении заданных тем пользоваться литературными источниками, что очень важно было для развития учеников. Как чтец, Ф. М. Керенский был замечательный; до сих пор осталось в памяти его выразительное, отчетливое чтение, особенно из древней русской литературы, как например, былин»[14].

Много внимания уделял Федор Михайлович, среди прочих предметов, преподаванию истории, справедливо считая, что «нельзя любить Отечества без знания того, что в нем происходило прежде, без восприятия умом и сердцем великих заслуг виновников его могущества и славы, без живой веры в промысл Божий, охранявший Россию от врагов внешних и внутренних в самые тяжелые годины»[15].

Большую роль отводил Керенский деятельности педагогического совета, который только в 1880 году провел 27 заседаний[16]. На одном из заседаний педсовет, к примеру, постановил: «Домашние письменные работы назначать посильные для учеников менее

даровитых и менее успевающих, чтобы они, не затрудняясь самостоятельным исполнением задач, достигали лучших успехов, при этом не назначать ученикам одного класса для подачи в назначенный день более одного домашнего упражнения; для лучшего уравновешивания домашних и классных занятий не иметь в один день в одном и том же классе более одного письменного классного упражнения; обращать, как было и прежде, особенное внимание на учеников менее даровитых и менее прилежных и частым спрашиванием доводить их до усвоения уроков»[17].

Ни в одной из гимназий Казанского учебного округа не было таких строгих требований к знаниям учащихся, какие были в Симбирской гимназии во время директорства Керенского. А примером в этом для преподавателей служил сам Федор Михайлович, который заставлял учащихся переписывать сочинения по нескольку раз, добиваясь грамотного письма и опрятного оформления работ. Разбирая сочинения по русской словесности, выполненные учениками Симбирской гимназии на аттестат зрелости в 1882 году, доцент Казанского университета Архангельский писал:

«Г. преподаватель предмета директор Керенский ни одну работу не оценил высшим баллом 5, ... но работы написаны правильно и свидетельствуют об умении учеников владеть своим языком и мыслями... Нисколько не выше работ учеников Симбирской гимназии стоят работы учеников гимназий Астраханской, Вятской и Саратовской, хотя средний вывод экзаменационных комиссий в них намного выше»[18].

Керенский требовал от преподавателей и сам всячески заботился о «классной дисциплине, без надлежащего охранения которой усиленное преподавание не дает положительных результатов»[19]. За поведением учащихся как в гимназии, так и вне ее был установлен довольно строгий надзор. Иногородние гимназисты могли снимать квартиры только у тех домохозяев, которые были вполне благонадежны в религиозно-нравственном отношении, не бедны и имели хорошую репутацию у гимназического начальства. Классные наставники и сам директор систематически навещали эти квартиры и при этом обязательно просматривали все имевшие там книги.

Во время одного из таких обходов Федор Михайлович обнаружил у гимназиста А. Леймана тридцать книг, не имевших ничего общего с программами курса. Это была часть нелегальной библиотеки, которую гимназисты собрали из легально изданных в свое время книг и журналов, но изъятых из обращения в публичных библиотеках согласно вышедшим в 1884 году «Временным правилам». Все эти книги директор гимназии конфисковал, сделав юноше соответствующее внушение, но ничего не сообщая жандармам. После окончания гимназии Лейман получил от него хорошую

характеристику и уехал на учебу в один из университетских городов[20].

Как директор, Федор Михайлович руководствовался в своей деятельности указаниями министерства народного просвещения, требовавшего всемерного воспитания религиозно-нравственного чувства как у учителей, так и у учащихся. Согласно гимназическим правилам учащиеся обязывались посещать богослужения и каждый торжественный акт начинался с молебна. При гимназии имелась Сергиевская церковь. Престол этой церкви был освящен во имя преподобного Сергия Радонежского в 1867 году. Великий князь Сергей Александрович пожертвовал в гимназическую церковь запрестольную икону «Спасителя, благословляющего детей», которая была привезена в Симбирск местным помещиком М. А. Исаковым[21].

При церкви действовало братство преподобного Сергия Радонежского, созданное в 1868 году, чтобы «заботиться о нуждах и благолепии гимназического храма и оказывать пособия ученикам Симбирской гимназии, заслуживающим того по успехам в науках и поведению»[22]. Помощь учащимся оказывалась в различных видах: взносом платы за учебу, выдачей учебных пособий, снабжением одеждой, лечением во время болезни. Председателем совета братства ежегодно избирался директор гимназии. Средства братства составлялись из ежегодных взносов братчиков (не менее 3 рублей) и добровольных пожертвований. Подавая пример благотворительности, Федор Михайлович пожертвовал в пользу братства сорок рублей, а его супруга — восемнадцать[23].

Керенский в одном из отчетов писал: «Словом и примером наставники и воспитатели стараются развить в воспитанниках благородные стремления, в силу коих в их будущей деятельности выразились бы — беззаветная любовь к Государю и Отечеству, почтение к начальствующим и старшим, трудолюбие, правдивость, вежливость, скромность, благопристойность, добрые отношения к товарищам, уважение к чужой собственности и другие похвальные качества...»[24].

Таким образом, за несколько лет напряженной деятельности Керенский добился того, что Симбирская гимназия по постановке учебно-воспитательной работы заняла ведущее место в Казанском учебном округе. В стенах гимназии под началом Федора Михайловича обучались известный в будущем поэт, публицист и этнограф А. А. Коринфский и видный драматург, прозаик и театральный критик Ю. Д. Беляев. В те годы здесь начинали свой путь в науку такие крупные ученые, как С. А. Бутурлин, М. Н. Гернет, Н. А. Рынин, В. П. Филатов, С. А. Фокин и другие.

«В 1879 году, — писал впоследствии А. А. Коринфский, —

директором гимназии был назначен, сменив дореформенного одряхлевшего «генерала» И. В. Вишневского, Федор Михайлович... Наш молодой директор внес первую освежающую струю в затхлую атмосферу симбирского рассадника «классического» просвещения. Это была, действительно, «новая метла»; и притом — метла, вознамерившаяся «чисто мести». Живой, энергичный педагог... Как сейчас вижу его... Крепко сбитая, крупная фигура... Типично семинарские размашистые манеры... Звонкий, бодрящий голос, отчетливая речь.., несколько углубленный взгляд... Весь этот человек — олицетворенная энергия, ходячий труд, негаснущая лампада перед иконою взятого им на свои могутные плечи ответственного дела...»[25].

Уже в начале 70-х годов Симбирская мужская гимназия была переполнена. Керенский не раз докладывал губернатору Н. П. Долгово-Сабурову и постоянно упоминал в своих отчетах о тесноте гимназического здания, рассчитанного на 200 учеников, а вмещавшего их в два раза больше. Выступал Федор Михайлович по этому поводу и в дворянском собрании, так что незавидное состояние гимназии начало беспокоить симбирское дворянство. Вопрос о нелегком положении классической гимназии также неоднократно обсуждался в губернском земстве. Наконец, при помощи казны, губернского земства и городской думы, были изысканы средства, чтобы «сделать такой же пристрой, как и сама гимназия, к зданию с восточной стороны и переделать старое помещение, дабы придать постройке солидность и удобство»[26].

В ходе строительства к двухэтажному каменному зданию гимназии был сделан двухэтажный каменный пристрой, коридоры соединены в единую систему, классные комнаты расширены. К зданию был подведен водопровод, оборудованы туалетные комнаты, реконструировано отопление. К ноябрю 1883 года строительные работы были завершены и после освящения здания в нем начались занятия. В результате этой перестройки здание Симбирской мужской гимназии стало «самым большим из всех гимназий Казанского учебного округа»[27].

К тому времени Керенский также возглавил и Симбирскую Мариинскую женскую гимназию, которая относилась к ведомству учреждений императрицы Марии, основанному Марией Федоровной, женой Павла I, и являлась средним учебным заведением. В июле 1883 года канцелярия по учреждениям императрицы Марии уведомила Федора Михайловича, что «Государыня Императрица... соизволила на назначение Вас на должность Начальника Симбирской Мариинской женской гимназии, с оставлением в занимаемой должности Директора мужской гимназии...»[28].

По объему даваемых знаний женская гимназия стояла ниже

мужской, в ней древние языки не преподавались, а программы по математике, словесности и другим предметам были менее насыщенными. Мариинская гимназия была 7-классной, высшим считался первый класс. Окончившие полный курс получали аттестат на звание учительницы начальных школ.

В том же 1883 году коллежский советник Керенский получил очередной чин статского советника[29]. Нелегко было Федору Михайловичу управлять двумя гимназиями одновременно. Тем не менее благодаря его заботам и Симбирская Мариинская женская гимназия вскоре заняла одно из первых мест среди 29 мариинских женских гимназий России.

* * *

В годы жизни Керенских в Симбирске произошли большие перемены. В 1879 году усилиями отставного штабс-капитана М. Ф. Прянишникова на углу Московской и Спасской улиц, напротив гимназического пансионата, был построен каменный театр. 23 октября спектаклем «Бедность не порок» там открылись представления[30]. По утверждению современников, это был самый большой и удобный из всех провинциальных театров. Ведущее место в репертуаре театра заняли трагедии У. Шекспира, драмы И. Шиллера и А. Н. Островского, комедии А. С. Грибоедова и Н. В. Гоголя, оперы Д. Верди, П. И. Чайковского и А. Г. Рубинштейна, имевшие большой успех у симбирского зрителя. Федор Михайлович и Надежда Александровна Керенские старались не пропускать ни одной театральной премьеры.

В те годы в губернском городе ставились и любительские спектакли. Так, 9 марта 1880 года в зале Дворянского собрания в пользу воспитанников гимназии любителями драматического искусства была поставлена пьеса В. Александрова «Так на свете все прекрасно»[31]. В этом спектакле принимала участие супруга Керенского. Надежда Александровна и позднее не раз «участвовала в спектаклях и концертах любителей в пользу гимназистов»[32].

К началу 80-годов большую популярность среди симбирян приобрела Карамзинская общественная библиотека, открытая еще в 1848 году в здании Дворянского собрания на Венце. В 1879 году библиотека насчитывала более 26 тысяч томов, которыми пользовались около двух с половиной тысяч читателей[33]. Большая часть ее книжного фонда была создана из личных библиотек сына российского историографа Н. М. Карамзина — В. Н. Карамзина, братьев Языковых, поэта-партизана Д. В. Давыдова. А в 1881 году библиотека пополнилась за счет личной библиотеки И. А. Гончарова, уроженца Симбирска.

Карамзинской библиотекой управлял комитет из двенадцати действительных членов во главе с председателем А. П. Языковым. «Самыми исполнительными» членами комитета были директор гимназии Ф. М. Керенский и ректор семинарии, протоиерей Н. В. Охотин[34]. Федор Михайлович поддерживал библиотеку денежными членскими взносами, участвовал в комплектовании ее фондов и обсуждении годичных отчетов. Естественно, что Керенские одними из первых в городе узнавали о поступлении новинок в библиотеку и поэтому имели возможность довольно быстро знакомиться с ними.

В 80-е годы жителями Симбирской губернии выписывалось около 1200 экземпляров газет и более 700 журналов[35]. В губернском городе издавались «Симбирские губернские ведомости» и «Симбирская земская газета», в них кроме официальных материалов помещались статьи исторического и этнографического характера, рассказы местных литераторов. Очевидно, среди их подписчиков был и Керенский, живо интересовавшийся периодической печатью.

Федор Михайлович и сам неплохо владел пером. Одной из его первых работ была статья, посвященная жизни и деятельности А. Г. Волковой, начальницы Казанской Мариинской женской гимназии, и опубликованная в 1875 году в одном из поволжских изданий[36]. А годом раньше в трех номерах «Журнала Министерства народного просвещения» была напечатана научная работа Керенского «Древнерусские отреченные верования и календарь Брюса»[37]. Переплетный оттиск этой работы он передал в Карамзинскую библиотеку с дарственной надписью на заглавном листе: «В симбирскую Карамзинскую общественную библиотеку от автора. 17 ноября 1879 года».

В Симбирске семья Керенских значительно выросла. Весной 1881 года супруга подарила Федору Михайловичу долгожданного сына. «22 апреля — рожден, 6 июня — крещен. Имя родившегося — Александр. Родители — коллежский советник Федор Михайлович Керенский и его законная жена Надежда Александровна, оба православные. Восприемники — полковник Александр Алексеевич Адлер и дочь полковника девица Анна Александровна Адлер. Таинство крещения совершил священник Василий Сарогальский с диаконом Добровольским», — такая запись сохранилась в метрической книге Тихвинской церкви[38]. А 17 июня 1883 года у Керенских появился второй сын, нареченный Федором[39].

16 августа 1885 года в Симбирскую Мариинскую женскую гимназию поступила старшая дочь Керенских Надежда, а ровно через год и вторая дочь Елена[40]. Они обучались в гимназии бесплатно, поскольку их отец состоял на службе в ведомстве императрицы Марии. Основными предметами здесь являлись закон

божий, русский, французский и немецкий языки, история, география, естествоведение, математика, педагогика. Кроме того, гимназисток обучали рисованию, пению, рукоделию.

Жили Керенские по-прежнему на казенной квартире. «Длинный коридор делил наш дом надвое — на мир взрослых и мир детей, — вспоминал Александр Керенский. — Воспитанием двух старших сестер, которые посещали среднюю школу, занималась гувернантка-француженка. Младшие же дети были отданы на попечение няни, Екатерины Сергеевны Сучковой. В детстве она была крепостной и не научилась грамоте. Обязанности ее были такими же, как и у всякой няни: она будила нас утром, одевала, кормила, водила на прогулку, играла с нами... Перед сном она рассказывала нам какую-нибудь сказку, а когда мы подросли, вспоминала порой дни своего крепостного детства. Она и жила с нами в нашей просторной детской. Ее угол был любовно украшен иконами, и поздними вечерами слабый свет лампадки, которую она всегда зажигала, отражался на аскетических ликах особенно почитаемых ею святых»[41].

В повседневных занятиях и играх Надежда Александровна была значительно ближе к детям, чем Федор Михайлович, постоянно занятый служебными делами. Отец почти никогда не вмешивался в жизнь детей. В сознании братьев он стоял где-то в стороне как высшее существо, к которому няня и мать обращались при крайней необходимости. Обычно стоило произнести всего одну угрозу: «Вот подожди, отец проучит тебя!» и все становилось на свои места, хотя отец никогда не прибегал к физическим наказаниям и ограничивался лишь разговором, стараясь растолковать им суть дурного поступка.

Мать следила за учебой старших детей, давала им наставления и выслушивала их тайны. Она интересовалась делами младших и при необходимости журила за тот или иной проступок. Мать любила посидеть с малышами за завтраком, когда они пили молоко. Вечерами она тоже заходила в детскую, чтобы перед сном перекрестить их, поцеловать и пожелать доброй ночи. С ранних лет дети всегда молились по утрам и перед сном.

«После утренней прогулки с няней мама часто звала нас в свою комнату,— писал впоследствии Александр.— Повторять приглашение дважды никогда не требовалось. Мы знали, что мама будет читать нам или рассказывать разные истории, а мы будем слушать, уютно примостившись у ее колен. Она читала не только сказки, но и стихи, былины, а также книги по русской истории. Эти утренние чтения приучили нас не только слушать, но и читать. Не помню, когда мать начала читать нам «Евангелие». Да и чтения эти не носили характера религиозного воспитания, поскольку мать никогда не стремилась вбивать в наши головы религиозные догмы. Она просто читала и рассказывала нам о жизни и заповедях Иисуса Христа»[42].

Симбирск был центром обширной епархии во главе с архиепископом, преосвященным Варсонофием. В городе находилась духовная консистория, духовное училище, духовная семинария и женское епархиальное училище, действовали мужской Покровский и женский Спасский монастыри, 14 соборов и церквей, лютеранская кирха, католическая каплица, татарская мечеть, еврейская синагога. Кроме того, имелось 13 «домовых» церквей, оборудованных в архиерейском особняке, учебных заведениях, тюрьмах, больнице. Ежедневно в Симбирске раздавался перезвон многочисленных колоколов, призывающих верующих на молебны. С особой торжественностью проводились крестные ходы. Самый многолюдный из них был в середине мая — по случаю встречи древней «чудотворной иконы Казанской Божией Матери», приносимой из Жадовской пустыни, а через месяц — по поводу ее проводов из города[43].

«Мы с братом Федей очень любили религиозные праздники, — писал позднее Александр Керенский. — С нетерпением ждали мы дня Благовещения, когда во имя духовного родства всего сущего на земле в дом приносили клетки с птицами, которых затем выпускали на волю. Ибо, согласно старинной русской поговорке, «в этот святой день даже птицы отдыхают от трудов и не вьют гнезда себе». На Великий пост торжественная тишина опускалась на город, сменив безудержное веселье только что закончившейся масленицы. В семь лет нам впервые разрешили присутствовать на пасхальной заутрене, поразившей наше воображение. Но особенно запомнилась мне торжественная служба, когда совершалось святое причастие детей, и нас с братом, одетых в белые курточки с красными галстучками под белыми стоячими воротничками, подвели к батюшке. Позади нас стояли рядами старшие ученики в аккуратных форменных синих костюмах с серебряными пуговицами и среди них, должно быть, стоял и примерный ученик Владимир Ульянов...»[44].

Ф. М. Керенский находился в дружеских отношениях с отцом «примерного ученика» И. Н. Ульяновым, директором народных училищ Симбирской губернии. Как люди одного положения, семья Федора Михайловича обменивалась традиционными визитами с семьей Ильи Николаевича в пасхальные и рождественские праздники. При встречах часто вспоминали Казань и Пензу, где было немало общих знакомых, так как Ульянов в молодости тоже обучался в Казанском университете, а затем учительствовал в Пензенском дворянском институте. Надежда Александровна, как и Мария Александровна Ульянова, любила музицировать на рояле. Для гостей, под собственный аккомпанемент, она «пела глубоким контральто прелестные песни»[45].

В семье Ульяновых росли шестеро детей — три сына и три

дочери, самая младшая из которых, Мария, родилась 6 февраля 1878 года, еще до появления Керенских в Симбирске[46]. Ввиду большой разницы в возрасте между детьми Ульяновых и детьми Керенских вряд ли могли быть дружеские отношения. Судя по заметкам Александра Керенского, он ближе всего знал среднюю из сестер Ульяновых, Ольгу[47]. Видимо, во время встреч она, самая общительная из Ульяновых, угощала Сашу какими-нибудь сладостями, интересовалась его игрушками и т. п.

В январе 1886 года, когда И. Н. Ульянов вдруг скоропостижно скончался, Керенские пришли проводить его в последний путь и выразить соболезнование вдове. «Все сослуживцы покойного, учащие и учащиеся в городских народных училищах, г. вице-губернатор, директор и многие учителя гимназии, кадетского корпуса и духовной семинарии и все чтители памяти покойного (а кто в Симбирске не знал и не уважал его), и огромное число народа наполнили дом и улицу около квартиры покойного, — отмечалось в некрологе. — Высшие лица симбирского духовенства... совершили краткую литию. Гроб с останками покойного был принят на руки его вторым сыном, ближайшими сотрудниками и друзьями...»[48].

Как известно, через год семью Ульяновых постигло новое несчастье: в Санкт-Петербурге по обвинению в подготовке цареубийства был арестован старший сын. «И хотя Александр Ульянов был связан с моей жизнью лишь косвенно, в детском воображении он оставил неизгладимый след не как личность, а как некая зловещая угроза, — вспоминал Александр Керенский. — При одном упоминании его имени в моем сознании сразу же возникала картина мчащейся по ночному городу таинственной кареты с опущенными зелеными шторками... Раскрытие в Санкт-Петербурге тайного заговора и арест сына видного симбирского чиновника послужили основанием для арестов в городе, которые, как правило, проводились по ночам. Тревожные разговоры взрослых об этих ужасных событиях проникли в нашу детскую, а тесные отношения нашей семьи с семьей Ульяновых привели к тому, что мы скоро узнали о казни их высокоодаренного сына»[49].

Казнь старшего брата совпала по времени со сдачей Владимиром и Ольгой Ульяновыми выпускных экзаменов на аттестат зрелости. Тем не менее, оба успешно сдали все экзамены, получив высшие баллы. Решением педагогической конференции Симбирской Мариинской женской гимназии под председательством Ф. М. Керенского пятнадцатилетняя Ольга была представлена к награждению золотой медалью[50]. Возглавляемый Федором Михайловичем педагогический совет Симбирской мужской классической гимназии постановил «за отличное прилежание и успехи» наградить семнадцатилетнего

Владимира золотой медалью[51]. Об этом, а также о прекрасной и объективной характеристике директора гимназии, обеспечившей Владимиру Ульянову поступление в университет, уже достаточно написано А. Л. Карамышевым, Ж. А. Трофимовым и другими исследователями. Хотелось бы лишь подчеркнуть, что последние факты как нельзя лучше говорят о порядочности Ф. М. Керенского, ведь медали давались сестре и брату государственного преступника, казненного за покушение на императора.

В Симбирске Федор Михайлович поддерживал дружеские отношения, помимо И. Н. Ульянова, также с инспектором чувашских школ Казанского учебного округа И. Я. Яковлевым, которого знал еще по Казани. «Я был уже тогда женат,— писал Иван Яковлевич.— Мы познакомились семьями и бывали друг у друга»[52].

Позднее между ними произошел конфликт из-за упомянутой выше пристройки к гимназии, поскольку Яковлев предполагал вместо расширения существующей гимназии открыть в Симбирске прогимназию, но не получил поддержки у начальства. В воспоминаниях, написанных спустя много лет после описываемых событий, Яковлев отмечал: «У Керенского была несимпатичная черта — стремление втираться в высшее общество Симбирска. Так, он влез в дружбу к тогдашним директорам Симбирского кадетского корпуса генералам Альбедилю и Якубовичу, стремился играть роль представителя главного местного учебного заведения, старался поддерживать отношения с губернатором Долгово-Сабуровым, с вице-губернатором Тройницким и другими видными местными бюрократами»[53].

Следует отметить, что в мемуарах Яковлева встречается немало ошибок. Например, Ф. М. Керенский никак не мог быть знаком с первым директором Симбирской военной гимназии полковником Ф. К. Альбедилем, так как последний еще 17 мая 1878 года был назначен директором Киевской военной гимназии и покинул Симбирск[54]. Вместо него Симбирскую военную гимназию возглавил Н. Я. Якубович, бывший инспектор Нижегородской военной гимназии [55]. Вот с Николаем Андреевичем действительно находился в дружеских отношениях Федор Михайлович. Жизнь в небольшом губернском городе, довольно бедном общественными учреждениями, невольно сближала людей, равных по развитию и общественному положению.

В 1879 году в Симбирской военной гимназии, которая располагалась в специально выстроенном трехэтажном здании в Троицком переулке, насчитывалось 245 воспитанников всех сословий. Под руководством генерал-майора Якубовича их обучали математике, физике, геометрии, русскому, французскому и немец-

кому языкам, истории, географии, закону Божьему, рисованию, гимнастике. В июне 1882 года военная гимназия была преобразована в кадетский корпус[56]. По просьбе директора корпуса сюда прислали опытных и высокообразованных преподавателей. Воспитанники хорошо знали художественную литературу, играли на музыкальных инструментах, участвовали в спектаклях, в соревнованиях по фехтованию и бегу на коньках. Все приезжавшие в Симбирск музыкальные знаменитости давали в корпусе бесплатные концерты. Для младших в корпусе регулярно устраивали елки, а для старших — балы. Симбирское общество очень любило посещать эти вечера. Не раз бывал на этих балах и Ф. М. Керенский с супругой и дочерьми.

Благодаря заботам Николая Андреевича в 1887 году неподалеку от Симбирска, в Поливне, оборудовали летний лагерь для кадетов. За одно лето там построили деревянные бараки, лазарет и столовую, возвели и освятили церковь. Когда прибывший из столицы генерал-лейтенант Граве закончил осмотр лагерных занятий кадетов, то уезжая, сказал директору корпуса: «Я ничего подобного никогда ни видал, — это не казенное заведение, а большая семья»[57].

Симбирские кадеты были дружны и отзывчивы к чужому горю. В июне 1888 года во время большого пожара в Симбирске кадеты спасали детей и имущество погорельцев, за что городская дума выразила им благодарность. Видимо, недаром в приказе от 7 сентября 1898 года по поводу 25-летия существования Симбирского кадетского корпуса Н. А. Якубович отмечал, что «военный человек должен обладать находчивостью, решительностью, мужеством и отвагою и вместе с тем быть скромным, уступчивым и снисходительным в частном быту»[58]. Кадеты любили своего директора и ночью, после юбилейного вечера в Троицкой гостинице, несли его до самой квартиры на руках под звуки марша «Под двуглавым орлом».

Якубович возглавлял Симбирский кадетский корпус четверть века, до 1903 года, а потом написал воспоминания, которые под заголовком «Летопись и мысли старого педагога» были опубликованы в популярном журнале «Русская старина»[59].

Как уже отмечалось, Керенский «старался поддерживать» добрые отношения с высшими должностными лицами губернии. Когда Федор Михайлович прибыл в Симбирск, должность симбирского губернатора занимал действительный статский советник Николай Павлович Долгово-Сабуров, а вице-губернатором был коллежский советник Владимир Александрович Тройницкий[60]. В ту же пору губернским предводителем дворянства являлся статский советник Михаил Николаевич Теренин, который в 1887 году был повышен в чине и занял пост губернатора[61]. А председателем

губернской земской управы и управляющим Симбирским отделением дворянского банка являлся статский советник Николай Дмитриевич Пазухин. «Отличаясь тонким умом, большим образованием, — отмечал все тот же Яковлев, — он выказал себя как энергичный земский деятель»[62]. Пазухин состоял почетным попечителем Симбирской мужской классической гимназии и оказал немаловажную помощь ее директору при строительстве нового гимназического корпуса и разрешении других вопросов.

Среди симбирских друзей Федора Михайловича были и священнослужители. «Я до сих пор помню старого протоиерея нашего кафедрального собора, — писал много лет спустя Александр Керенский, — который приходил по воскресеньям к нам к чаю и давал мне читать популярные религиозные брошюрки с толкованием важнейших религиозных праздников»[63]. Этим протоиереем был П. И. Юстинов. Петр Иванович в течение многих лет исполнял должность старшего законоучителя мужской гимназии, без него не решались ни учебные, ни воспитательные дела[64]. Этот образованный и добропорядочный человек являлся также членом губернского статистического комитета, духовной консистории, епархиального училищного совета и совета городского «Александровского попечительного общества о бедных»[65].

Петр Иванович вместе с супругой Александрой Николаевной и детьми проживал в собственном доме на Московской улице[66]. На усадьбе Юстинова позади большого деревянного дома с мезонином находился сад с беседкой. Вероятно, Керенские не раз, бывая в гостях у Юстиновых, пили чай в уютной беседке.

Саше Керенскому шел шестой год, когда вдруг все — родители, няня, сестры, друзья дома — стали проявлять к нему особую нежность и заваливать подарками. Время от времени к Саше приходил доктор и осматривал бедро и голень. А как-то вечером в детскую зашла мать и тихо объявила, что они отправятся на тройке с колокольчиками в Казань. Вскоре Надежда Александровна с сыном отправилась в путь в закрытом возке, куда для обогрева поставили жаровню. По приезде в Казань мать повела Сашу на прием к профессору Студенскому, известному специалисту по костным заболеваниям, который поставил диагноз: туберкулез бедренной кости. На следующий день с больной ноги сняли мерку, а еще через день ее затянули в металлический бандаж, похожий на сапог выше колена. Мальчик не мог согнуть ногу и завопил благим матом. А мать, стараясь успокоить его, сказала: «Если не хочешь до конца остаться хромоногим, то веди себя разумно. Когда вернемся домой, придется тебе полежать немного в кровати»[67].

Саша был живым и подвижным ребенком, занимался танцами, и лежать в постели было для него сущее наказание. Бороться со

скукой ему помогали книги. «Я всегда любил книжки, но отнюдь не желал читать их сам, — отмечал он много лет спустя. — Но однажды во время болезни, устав от бесконечного лежания и хандры, взял со столика какую-то книгу. И это положило конец скуке и тоске. Не помню сейчас ни названия, ни автора книги, но именно с этого мгновения чтение стало основной привычкой всей моей жизни. Я позабыл обо всем на свете, не замечал тяжести отвратительного кованого сапога. Я проглатывал книги и журналы, исторические романы, описания путешествий, научные брошюры, рассказы об американских индейцах и жития святых. Я познал обаяние Пушкина, Лермонтова и Толстого, не мог оторваться от «Домби и сына» и проливал слезы над «Хижиной дяди Тома»[68]. Саша провел в постели около шести месяцев. К лету 1887 года болезнь отступила и Керенские всей семьей отправились в деревню.

Жизнь потекла по прежним канонам. Сыновья Керенских купались в речке, играли в лапту с босоногими деревенскими ребятишками, а случалось, и дрались. Вернувшись в город, Саша и Федя обычно пропадали на гимназическом дворе или на плацу возле Николаевского сада. В их играх нередко принимал участие Ванюшка Маркелычев, сын гимназического дворника. По словам последнего, если старший из братьев провинится в каком-нибудь деле, то в качестве наказания на него надевали штаны и лапти Ванюшки. Это было для Саши самое большое наказание[69].

Гимназия, где проживали Керенские, находилась в какой-то сотне сажень от Венца, любимого места отдыха симбирян. На Венце был устроен бульвар, с которого открывался великолепный вид на Волгу с ее отмелями и живописными островами, на заливные луга и необъятные заволжские дали. По приглашению городской думы на бульваре дважды в неделю играл военный оркестр и Керенские часто там гуляли. Иногда они спускались вниз, к Волге, по Смоленскому спуску. На полпути к реке возвышалась белокаменная Смоленская церковь, одна из самых старых в городе. Самой главной достопримечательностью этой церкви являлась Смоленская икона Божией Матери, почитаемая не только жителями Симбирска и окрестных сел, но и других местностей[70]. Священником при Смоленской церкви состоял старший брат Федора Михайловича А. М. Керенский.

Александр Михайлович родился 6 ноября 1835 года в вышеупомянутом селе Керенке. В 1857 году по окончании Пензенской духовной семинарии он, по прошению, был переведен из Пензенской в Симбирскую епархию и рукоположен в священники Троицкой церкви села Куроедова Карсунского уезда, где и прослужил свыше двадцати лет. За примерную деятельность в 1878 году был удостоен благословения Святейшего Синода, награждался набедренником, скуфьей и камилавкой. В январе 1881 года Керенский-старший был

переведен в симбирскую Смоленскую церковь, где и служил на протяжении шестнадцати лет. Одновременно с церковной службой Александр Михайлович многие годы являлся законоучителем в женском и мужском приходских училищах, неоднократно избирался членом правления Симбирского духовного училища и членом различных комиссий духовного ведомства[71].

«В скромном домике дяди, особую прелесть которому придавали герань, всевозможные кактусы и другие растения, нас бесконечно баловали, закармливая домашним вареньем и всевозможными сладостями, — писал впоследствии старший сын Федора Михайловича. — Мы всегда принимали нежную заботу тети как должное. И, само собой разумеется, никто никогда не говорил нам о разнице в положении двух братьев. Но, сравнивая непритязательный прицерковный домик с нашим просторным домом, мы, дети, чувствовали разницу и делали свои собственные выводы»[72].

Действительно, А. М. Керенский со своей семьей проживал в построенном в 1873 году небольшом деревянном флигеле, где также «было отведено помещение» и для псаломщика[73]. Содержание причта Смоленской церкви, священника и псаломщика, даже начальством духовного ведомства признавалось «посредственным». «Кроме пользования за требоисправления, какое переходит в большинстве случаев за 1000 руб., — отмечалось в документах тех лет, — причт получает еще проценты с капитала, хранящегося в Симбирском городском общественном банке и положенного жертвователями вкладом на вечное время по билетам банка, всего на сумму 502 руб.»[74]. Недостаточное содержание побуждало священнослужителей к занятию садоводством, благо земля при церкви имелась, и по весне там пышно цвели яблони, вишни, груши. Семья Федора Михайловича была обеспечена гораздо лучше семьи его брата. Так, в 1888 году он получил жалованья 1200 рублей, столовых — 800 рублей, за уроки — 720 рублей и дополнительно по гимназическому пансиону 285 рублей[75]. Еще в январе 1887 года Высочайшим приказом Ф. М. Керенский был произведен в действительные статские советники, то есть в штатские генералы[76]. Продвигаясь по служебной лестнице, он был наделен сначала правами личного, а потом и потомственного дворянства.

Весной 1889 года Ф. М. Керенский узнал, что ему предстоит покинуть Симбирск и перебраться в далекий и незнакомый Ташкент. 2 мая последовал Высочайший приказ о том, что «Директор Симбирской гимназии, Действительный Статский Советник Керенский назначен Главным Инспектором училищ Туркестанского края»[77]. А 5 июня Федора Михайловича уведомили, что согласно прошения императрица «соизволила на увольнение» его с должности начальника Симбирской Мариинской женской гимназии[78]. И он от-

правился в Казань к известному ориенталисту, профессору Казанского университета Н. И. Ильминскому, с которым познакомился еще будучи студентом. Николай Иванович был большим знатоком Туркестанского края и три дня посвятил тому, чтобы ознакомить Керенского с той обстановкой, в которой ему предстояло работать[79].

В то время как в Симбирске, так и в Ташкенте еще не было железной дороги. Поэтому вначале надо было плыть вниз по Волге, затем пересечь на пароходе Каспийское море, потом сесть в поезд, а последнюю часть пути преодолеть в конном экипаже. Перед отъездом Федор Михайлович в Симбирской казенной палате получил «в полуторные прогоны от Симбирска до Ташкента на семь лошадей — 800 р. 49 к. и в первую половину не в зачет годового оклада жалованья по настоящей должности в 2250 р., с удержанием из сих последних денег 10% вычета в пользу инвалидов»[80].

«Утром в день отъезда нас посетили самые близкие друзья, чтобы попрощаться и, как это водится на Руси, вместе посидеть и помолиться перед дорогой, — вспоминал Александр Федорович Керенский. — Затем все поднялись, перекрестились, обнялись и отправились на речной причал. У всех стояли в глазах слезы, и мы, дети, взволнованные до глубины души, чувствовали, что происходит что-то необратимое. На причале нас поджидала большая толпа знакомых. Наконец прозвучал пронзительный гудок парохода, сказаны последние отчаянные слова прощания, подняты на борт сходни. Застучали по воде колеса, и люди на берегу закричали и замахали белыми носовыми платками. Еще один гудок, и Симбирск, где я провел счастливейшие годы своей жизни, начал постепенно удаляться, становясь частью далекого прошлого»[81].

Десять лет жизни в Симбирске оставили глубокий след в душе Ф. М. Керенского, его жены и детей. Заметный след на здешней ниве просвещения оставил и сам Федор Михайлович, проявив недюжинный талант педагога и организатора. И спустя двадцать лет после отъезда из Симбирска, 12 декабря 1909 года в Ташкенте он получил телеграмму: «Собравшись в день столетнего юбилея Симбирской гимназии, бывшие ваши воспитанники шлют своему любимому директору сердечную благодарность за вложенные твердые начала и желают Вам многих хороших дней»[82].

Александр Михайлович Керенский и после отъезда младшего брата еще долгие годы учил симбирян добру и смирению. В 1897 году он был переведен из Смоленской церкви в Спасский женский монастырь и произведен в протоиереи, то есть старшие священники[83]. Протоиерей Керенский избирался членом комитета по управлению Симбирским епархиальным свечным заводом, являлся действительным членом православного Кирилло-Мефодьевского

братства при церкви Симбирского духовного училища. Ему доверяли читать проповеди в кафедральном соборе.

13 октября 1907 года, «в день пятидесятилетнего служения в священном сане» Керенского в Спасском монастыре архиепископ Симбирский и Сызранский Иаков совершил литургию «в сослужении» четырех протоиереев и четырех священников, а по окончании литургии благодарственное молебствие «в сослужении» городского духовенства[84]. А спустя пять лет, в сентябре 1912 года Александр Михайлович скончался[85]. По отзывам современников, он был кроткого нрава, добросердечным и отзывчивым к нуждам других человеком. Его сын, кандидат богословия, Сергей Александрович Керенский, преподавал русский и славянский языки в Симбирском епархиальном женском училище[86].

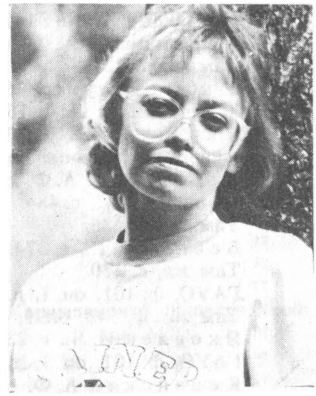
В заключение следует отметить, что приводимые в данной статье факты из жизни Керенских в Симбирске не раскрывают полностью эту тему. Необходимы дальнейшие архивные поиски.

Примечания

[1] Симбирские губернские ведомости, 1879, 23 июня.
[2] Трофимов Жорес. Керенские и Ульяновы. — Ульяновская правда, 1992, 17 октября.
[3] Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. 81, оп. 1, д. 664, л. 1.
[4] Михайловский А. И. Преподаватели, учившиеся и служившие в императорском Казанском университете. Казань, 1904, ч. 1, вып. 2, с. 619.
[5] Трофимов Жорес. Керенские и Ульяновы.
[6] Симбирский курьер, 1991, 16 июля.
[7] Циркуляр по Казанскому учебному округу, 1876, № 9, с. 328.
[8] Васильев М. История Вятской гимназии за 100 лет ее существования. Вятка, 1911, с. 169—172.
[9] Симбирский курьер, 1991, 16 июля.
[10] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 101, оп. 1, д. 286, л. 10.
[11] Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ЦГИА Ленинграда), ф. 1488, оп. 3, д. 1227, л. 8.
[12] Карамышев А. Л. Симбирская гимназия в годы учения В. И. Ленина. Ульяновск, 1958, с. 55.
[13] Безгин И. Г. Симбирская губернская гимназия. Санкт-Петербург, 1888, с. 277—280.
[14] Агринский А. С. Симбирская гимназия (1809—1909 гг.). Симбирск, 1909, с. 17.
[15] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 483, л. 17.
[16] Карамышев А. Л., с. 55.
[17] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 282, л. 35.
[18] ГАУО, ф. 101, оп. 2, д. 1, л. 63.
[19] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 341, л. 3.
[20] Трофимов Ж. А. Демократический Симбирск молодого Ленина. Саратов, 1984, с. 80.

[21] Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898, с. 140.
[22] Там же, с. 234.
[23] Безгин И. Г., с. 329.
[24] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 501, л. 34.
[25] Коринфский Аполлон. Игры судьбы. — Вечернее слово, 1918, 1 июня.
[26] Безгин И. Г., с. 360.
[27] Там же, с. 364.
[28] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 455, л. 3.
[29] ЦГИА Ленинграда, ф. 14, оп. 3, д. 36311, л. 5.
[30] Край симбирский. Саратов, 1989, с. 174.
[31] Безгин И. Г., с. 313.
[32] Там же, с. 329.
[33] Пятидесятилетнее существование Симбирской Карамзинской общественной библиотеки (1848—1898 гг.). Симбирск, 1898, с. 34.
[34] Там же, с. 102.
[35] Край симбирский, с. 163.
[36] Циркуляр по Казанскому учебному округу, 1875, № 3,с. 15.
[37] Журнал Министерства народного просвещения, 1874, № 2—4.
[38] ГАУО, ф. 134, оп. 22, д. 63, л. 121 об.
[39] Центральный государственный архив Узбекской ССР (ЦГА Узбекской ССР), ф. 47, оп. 1, д. 2551, л. 5.
[40] ГАУО,ф. 148, оп. 1, д. 413, л. 19 об., 20 об.
[41] Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. — Вопросы истории, 1990, № 6, с. 117, 118.
[42] Там же.
[43] Мартынов П., с. 146, 147.
[44] Керенский А. Ф. с. 119.
[45] Там же, с. 120.
[46] ГАУО, ф. 134, оп. 22, д. 63, л. 3 об.
[47] Кудрин В. А. Керенский: путь к прозрению. — Аргументы и факты, 1988, № 45, с. 5.
[48] Семья Ульяновых. Второе издание. Москва, 1984, с. 76.
[49] Керенский А. Ф. с. 117.
[50] Семья Ульяновых, с. 257.
[51] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ), ф. 4, оп. 1, д. 9, л. 126.
[52] Яковлев И. Я. Воспоминания. Второе издание. Чебоксары, 1983, с. 229.
[53] Там же, с. 232, 233.
[54] Симбирские губернские ведомости, 1878, 27 мая.
[55] Там же.
[56] Рязанов А. И. Материалы для истории Симбирского кадетского корпуса за первые 25 лет его существования. Симбирск, 1900, с. 123—127.
[57] Там же, с. 122.
[58] Халютин А. П. Празднование 25-летия существования Симбирского кадетского корпуса. Симбирск, 1898, с. 20.
[59] Русская старина, 1913, № 8, с. 35—60.
[60] Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1880 год. Симбирск, с. 110.
[61] Мартынов П., с. 384, 385.
[62] Яковлев И. Я., с. 121.
[63] Керенский А. Ф., с. 119.
[64] Карамышев А. Л., с. 88.
[65] Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 год. Симбирск, 1889, с. 196, 213, 215, 216.

[66] ГАУО, ф. 137, оп. 34, д. 1732, л. 1—3.
[67] Керенский А. Ф., с. 120.
[68] Там же, с. 121.
[69] Симбирский курьер, 1990, 17 ноября.
[70] Мартынов П., с. 137, 138.
[71] Яхонтов А. Историко-археологическое описание церквей г. Симбирска. — Симбирские епархиальные ведомости, 1897, № 12, с. 492.
[72] Керенский А. Ф. с. 121.
[73] Яхонтов А., с. 484.
[74] Там же, с. 485.
[75] Безгин И. Г., с. 374.
[76] Там же, с. 270.
[77] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 681, л. 1.
[78] Там же, ф. 148, оп. 1, д. 444, л. 1.
[79] Яковлев И. Я., с. 233.
[80] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 681, л. 5.
[81] Керенский А. Ф. с. 121.
[82] Данилов Евгений. Керенские в Туркестане. — Союз, 1991, № 46, с. 18.
[83] Симбирские епархиальные ведомости, 1897, № 12, с. 492.
[84] Там же, 1907, № 21, с. 463.
[85] Там же, 1912, № 21, с. 283.
[86] Там же, 1904, № 12, с. 170.



Е. К. БЕСПАЛОВА

Род и предки И. И. Дмитриева

История дворянского рода Дмитриевых в генеалогической литературе никогда не рассматривалась. Да и в других изданиях биографического характера сведений о предках известного поэта, баснописца, друга Н. М. Карамзина, уроженца Симбирской губернии Ивана Ивановича Дмитриева (1760—1837 гг.) мы не находим.

В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона отмечается: «Дмитриевы — русские дворянские роды. Один из них — ветвь смоленских князей, того же происхождения, как и Дмитриевы — Мамоновы, но отделившаяся от общего корня еще в XV веке. Из этого рода происходили Иван Иванович и Михаил Александрович Дмитриевы. Этот род внесен в VI часть родословной книги Симбирской и Нижегородской губерний»[1]. Небольшое пояснение к последнему предложению. В каждой губернии России на память будущим поколениям составлялись дворянские родословные книги, которые разделялись на 6 частей. В каждую из них вносились дворяне строго определенного разряда: в первую часть — жалованные или действительные, во вторую — военные, в третью — те, кто приобрели дворянство по службе, в четвертую — иностранные, в пятую — отмеченные титулами. В шестую часть родословных книг, как правило, заносились дворяне, принадлежащие к древним благородным дворянским родам.

Некоторые уточнения относительно происхождения этой дворянской фамилии находим в том же словаре в статье «Дмитриевы-Мамоновы», где указывается, что этот род происходит «от князя Константина Ростиславовича Смоленского, внук которого Александр Юрьевич Нетша был родоначальником Дмитриевых, Дмитриевых-Мамоновых и Даниловых»[2].

Из приведенных выше цитат становится очевидным, что И. И. Дмитриев принадлежал к древнему русскому дворянскому роду, ведшему свое происхождение от смоленских князей. Этими фактами ограничиваются сведения о генеалогии известного русского поэта-баснописца.

Результаты научных изысканий в архивах России значительно проясняют вопрос о происхождении и истории данного рода. В фондах Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ, г. Москва) автором выявлены ранее не публиковавшиеся материалы. Это — «Выпись о происхождении и службах Дмитриевых, учиненная Государственной Коллегией Иностранных дел в Московском архиве по прошению Тайного Советника и Орденов Святого Александра Невского и Святой Анны I класса Кавалера И. И. Дмитриева и выданная 9 января 1817 года»[3].

История данного документа прослеживается по имеющимся в этом же архивном деле письмам. Первое из них — письмо министра юстиции генерала князя Д. И. Лобанова-Ростовского к герольдмейстеру от 29 июля 1818 года[4]. Второе письмо, без даты (вероятно, июль-август 1818 года), адресовано И. И. Дмитриеву. Автор его — герольдмейстер Павел Мансуров[5].

Из них узнаем следующее. Еще в 1816 году И. И. Дмитриев начинает хлопотать об изменении родового герба внесением в него княжеских регалий: короны и мантии. Для подтверждения княжеского происхождения своего рода он подает прошение в Московский Архив Государственной Коллегии Иностранных дел о выдаче ему «надлежащего свидетельства о службе предков его». После получения подтверждающих документов, 14 июня 1818 года, проект измененного герба поступает на рассмотрение вначале министру юстиции князю Д. И. Лобанову-Ростовскому, а затем, 6 июля, в Комитет Министров, где принимается решение поднести данный проект к Высочайшему утверждению. 19 июля 1818 года на проекте герба дворян Дмитриевых император Александр I собственноручно написал: «Быть посему».

Одобренный императором новый герб Дмитриевых был внесен в Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, в X-ую его часть, где в I отделении под № 23 следует его изображение и описание.

«Щит, разделенный горизонтально на две части, имеет верхнюю малую, а нижнюю пространную, из коих в верхней в серебряном поле

изображена пушка на золотом лафете с райскою птицею. В нижней части, диагонально разделенной на три поля: красное, золотое и голубое, из коих на среднем, означенном наподобие возвышенной пирамиды находится дерево натурального цвета, а на крайних полях изображены белый одноглавый орел коронованный и серебряная луна, обращенная в правую сторону. Щит покрыт мантиею и шапкою, принадлежащими Княжескому достоинству, которые дворянскому роду Дмитриевых присвоены потому, что род сей происходит от князей Смоленских, как ниже сего означено»[6].

Прежде чем обратиться к самому документу, на основании которого была внесена в герб Дмитриевых княжеская корона, следует указать, что «Выпись о происхождении и службе Дмитриевых» была составлена на основе имевшихся в Московском архиве старинных рукописных книг, содержащих в себе княжеские и дворянские родословия.

Рассматриваемая нами поколенная роспись дворян Дмитриевых весьма полна, заключает в себе не только перечень имен, но и указание на исторические события, участниками которых были представители сего рода. Поэтому данный архивный документ дает возможность проследить за службой его предков на протяжении нескольких столетий.

В начале «Выписи...» указывается, что род Дмитриевых ведет свое происхождение от князей Смоленских через Ростислава Мстиславовича (умер в 1167 г.), внука Великого Князя Киевского Владимира Мономаха (умер в 1125 г.).

В начале XIV века последний из князей Смоленских (VIII поколение от Владимира Мономаха) — Александр Юрьевич (в некоторых источниках — Федорович), прозванный Нетшею — вследствие притеснений Литвы вынужден был уехать в немецкую землю, где прожил несколько лет. Только в Великое княжение Ивана I Калиты (1328—1340 г.г.)[7], когда, как писал Н. М. Карамзин, «мир и тишина воцарились в Северной России», он возвратился в Московское государство, и определившись на службу к Великому князю Ивану Даниловичу, перестал более носить княжеский титул и положил начало новому дворянскому роду — роду Дмитриевых.

Название же фамилии происходит по имени его среднего сына — Дмитрия, от которого и ведут свое поколение Дмитриевы. Имея трех сыновей — Ивана, Дмитрия и Семена,— Александр Нетша за несколько сот лет оставил многочисленное потомство. Некоторые из потомков последнего Смоленского князя, в свою очередь, сделались родоначальниками новых дворянских фамилий: Даниловых, Внуковых, Дмитриевых-Мамоновых.

Один из выводов, к которому приходишь, читая «Выпись...», заключается в том, что Дмитриевы, благодаря своей родовитости и знатности, занимали довольно высокие должности в государ-

ственной и военной службах. Это относится не только к предкам И. И. Дмитриева по прямой линии, но и к другим однородцам поэта, сведения о которых имеются в поколенной росписи.

Например, один из внуков Дмитрия Александровича (основателя рода) — Григорий Андреевич Дмитриев, прозванный Мамоном, был с 1500 по 1510 год у Ивана Грозного окольничим. А его сын Иван Григорьевич в «1500 году послан был в Литву к Великой Княжне Елене с убеждением от Государя Родители ее, Великого князя Иоанна Васильевича (Ивана Грозного — прим. автора), чтобы она, не взирая ни на льстивые обещания супруга своего Великого князя Литовского Александра, ни на самые мучения, не отступала от греческого православия и не склонялась бы ни на какие прельщения к католической вере»[8]. В 1500—1502 г.г. и затем в 1515 году он был послом в Крыму. Правда, второй его визит в Крым, длившийся более года, не был успешным. Там он, «претерпевая многие притеснения», скончался в 1516 году.

Михаил Семенович Дмитриев (прапрапраправнук Дмитрия Александровича) в 1601 году находился при посольстве, отправленном в Польшу для принятия от короля Сигизмунда III грамоты, подтверждающей перемирие на 20 лет Польши с Россией. В 1604 году был в Рязани воеводою. А за участие в военных действиях против поляков 4 мая 1616 года получил от Царя Михаила Федоровича (1613—1645 г.г.) жалованную грамоту на 400 четвертей вотчинной земли.

Его сын — стольник Михаил Михайлович — при первом бракосочетании государя Алексея Михайловича (с М. И. Милославской) был чашником и «носил перед ним вино».

Брат последнего — стольник Василий Михайлович Дмитриев — 24 ноября 1681 года «в числе выборных людей подписался собственноручно под соборными деяниями об уничтожении местничества». В 1687 году он упоминается в разрядных записках воеводою. Стольником был их третий брат — Афонасий Михайлович. Они просили у царя Петра I дозволения прибавить к своей фамилии название «Мамоновы». И с 1689 года от них ведут свое поколение Дмитриевы-Мамоновы.

Служба Отечеству предков И. И. Дмитриева была не менее значительна. Начало ее можно отнести к XIV столетию. Как уже сказано выше, сам родоначальник Дмитриевых нес службу в Москве при Иване I Калите. Известно, что его внуки — Андрей и Иван Дмитриевичи — также состояли на государственной службе при дворе Московского Великого Князя Семена Ивановича Гордого (1340—1353 г.г.) боярами. Это значит, что имея чин «боярин» (высший чин в служебной иерархии Московского государства), они получали право занимать место в Боярской Думе — верховном

совещательном органе при царе и высшем органе управления в его отсутствии. Все наиболее важные указы принимались царем по совету с Думой. Родовитость была очень важным критерием при получении боярства.

Вероятно, боярином был и правнук Михаила Дмитриевича (родного брата бояр Андрея и Ивана Дмитриевичей) — Василий Иванович Дмитриев, находившийся на службе при дворе Ивана Грозного (1547—1584 г.г.). «В 1566 году он собственноручно подписался под приговорною грамотою Государя царя Иоанна Васильевича (Ивана Грозного — прим. авт.) об отказе присланным от Польского короля Сигизмунда II послам в заключении с ним перемирия и об объявлении Польше войны»[19].

Василий Иванович имел трех сыновей: Арефия по прозванию Нехороший, Ермолая и Алексея. Можно предположить, что два его старших сына — Арефий и Ермолай — вступили в службу, примерно, в 1604 году. Доказательством этого служит тот факт, что их имена указаны в списках окладчиков, составленных в этом году, в числе «новиков». Так назывались до Петра I молодые люди из служилого сословия, недавно вступившие в обязательную государственную службу при дворе[10]. Там же под их фамилиями значится, что они «верстаны по Арзамасу поместным и денежным окладами». Об Арефии Нехорошем, прапращуре И. И. Дмитриева, в списках окладчиков в 1622 году отмечено следующее: «Собою средний и поместье за ним обычное, на государевой службе будет на коне, сайдак и сабля»[11]. Его же имя можно найти в городовом списке, составленном в 1631 году по указу царя Михаила Федоровича и отца его патриарха Филарета о пересмотре на лицо всех служилых людей по России. Арефий Нехороший указан во второй статье этого списка среди городовых дворян, т. е. среди тех, кто несли военную службу по наряду. За ним показано, что верстан поместьем в 400 четвертей по Арзамасу и получает годового жалования 20 рублей.

Весьма любопытна фигура прапрапрадеда поэта — Константина Арефьевича Дмитриева (умер до 1684 г.). Во время многолетней Русско-польской войны (1654—67 годов) он «в 1654 и 1655 г. находился в Литовском походе в числе Кокшайских детей Боярских с означением, что состояло тогда с ним поместья 300 четвертей»[12].

В 1660 году Константин Арефьевич уже значится «между прочими начальными людьми в Государевой службе состоящими, за отличность в список Московских Дворян включенными»[13].

Таким образом, если в 1654—55 годах он занимал самую нижнюю ступень в порядке прохождения дворянами службы — «дети боярские», то уже к 1660 году[14] он смог продвинуться до более высокого чина — «московский дворянин», который давал ему право быть занесенным в Боярскую книгу и занимать командные

должности в армии. Очевидно, храбрость, отвага или какие-то другие выдающиеся качества, проявленные им во время походов в Литву, позволили ему так успешно продвинуться по службе. Есть основания считать, что К. А. Дмитриев до участия в Литовских походах исполнял обязанности головы г. Тагая. «Книга строельная города Синбирска» дает такие сведения. В 1653—54 годах «подле Синбирского земляного вала и Синбирской черты городов» велись работы по возведению укрепленного пограничного вала для защиты от набегов калмыков, татар и других инородцев. Начало строительства было положено еще в 1648 году согласно указу Великого князя Алексея Михайловича. Руководить работами поручено «стольнику и воеводе Петру Андреевичу Измайлову да Роману Ефимову». В помощь им для надсмотрения за работой «подымовных русских и ясашных людей разных городов», призванных на строительство, были назначены «Иван Арцыбышев, да с ним головы: Синбирский и казачий и стрелецкий голова Алексей Романов, Тагаевский голова Константин Дмитриев...»[15]

Следовательно, с именем прапрапрадеда И. И. Дмитриева связано появление его рода на территории Симбирского края, и относится оно к середине XVII века. На это указывает и то, что в Боярских книгах, хранящихся в Московском архиве и содержащих списки всех лиц, находившихся на государственной службе, с обозначением их чинов, должностей и получаемых окладов, под именем Константина Арефьевича Дмитриева отмечено: «Из Курмышан, а в памяти из Казанского Дворца оклад ему поместный 400 четвертей, а денег 12 руб. из четьи».

Значительное увеличение земельных владений Дмитриевых в Симбирской губернии происходит во второй половине XVII века при сыне К. А. Дмитриева Семен Константинович — прапрадед И. И. Дмитриева — оказался непосредственным участником крупных событий в истории России на рубеже XVII—XVIII вв., за что «неоднократно награждаем был от государей Царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича придачами к окладу его поместному и вотчинному»[16].

Так, 16 февраля 1684 года С. К. Дмитриев за службу отца своего получает в награду из поместья в вотчину (т. е. в наследственное пользование) 240 четвертей земли. За участие в «походах против турков и татар» (вероятно, имеются в виду походы в Крым князя В. В. Голицына в 1687—89 годах) и за храбрость, проявленную в них, дано ему в поместье 146 четвертей в поле.

Следующее награждение землей связано с событиями 1689 года, с началом царствования Петра I. Обратимся к истории. В этом году оканчивалось регенство Софьи — фактической правительницы государства при двух своих малолетних братьях: Петре

Алексеевиче и Иване Алексеевиче. Тогда она, чтобы удержать власть в своих руках и устранить братьев, решает пойти по пути повторения событий весны 1682 г., вызвав волнения среди преданных ей стрельцов. При первом известии о волнениях Петр спешит в Троицкий монастырь близ села Воздвиженское и призывает на свою защиту дворянское войско, обвиняя приверженцев Софьи в злоумышлении против себя. Одним из первых со своим полком к Троицкому монастырю на защиту юных Ивана и Петра прибывает Семен Константинович Дмитриев. В результате, «за охранение царских особ при бывшем в Москве мятеже и за неотлучное его пребывание при государях в селе Коломенском, Савине монастыре, в селе Воздвиженском, Троицком-Сергиеве монастыре, дано ему из поместья в вотчину 73 четверти в поле»[1].

В 1704 году, 27 февраля, когда Семен Константинович был уже стольником[18], Петр I вновь наградил его вотчинным окладом в 600 четвертей земли. Пожалование следовало, как записано в жалованной грамоте, «за службы предков его и отца его и за его собственные, ... за ратоборство и храбрость, а также мужественное ополчение, проявленное в прошедшую войну в Коруне Польской и в Княжестве Литовском» (1654—67 г.г.)[19].

Эти факты приводят к выводу, что С. К. Дмитриев являлся богатым симбирским помещиком, обладателем нескольких тысяч десятин земли.

Но чтобы завершить рассказ о нем, следует еще отметить, что им в своем поместье, в селе Дмитриевском-Троицком, Семеновка тож (Сызранский уезд), в 1700 году была построена церковь в честь Живоначальной Троицы[20]. А в 1712 году в 27 верстах к югу от г. Сызрани он основал мужской монастырь, который получил название «Симоновский». В этом монастыре он провел свои последние годы жизни. В 1725 году Семен Константинович скончался в глубокой старости. Здесь же был погребен[21]. Однако, Симоновский монастырь недолго просуществовал: в 1764 году его упразднили, а церковь обратили в приходскую.

О прадеде поэта — Якове Семеновиче Дмитриеве — стало известно, что в 1721 году ему было «46 лет, крестьян в Симбирском уезде 29 дворов, у него сын Гавриил осьми лет»[22]. Таким образом удалось установить, что родился он в 1675 году и имел земельные владения в Симбирском уезде. В 1727 году по решению Сената был назначен воеводою в г. Сызрань. Яков Семенович имел брата Ивана Семеновича и после его смерти наследовал все родовое выслуженное и купленное недвижимое имение.

О его сыне — Гавриле Яковлевиче Дмитриеве — мы знаем лишь то, что родился в 1713 году, а 6 апреля 1793 года ему выдан патент на чин секунд-майора[23].

Благодаря архивным документам мы получили ранее неизвестные сведения об отце И. И. Дмитриева. Иван Гаврилович Дмитриев (1739—1819 г.г.) вступил в военную службу в 1753 году, дослужился до капитанского чина и в 1778 году был назначен в г. Сызрань воеводским товарищем. После открытия в 1780 году Симбирского наместничества «на него была возложена должность городничего» (т. е. начальника полиции, управляющего уездным городом), а «за тщательное исполнение оной в 1784 году был произведен в надворные советники»[24]. В 1791 году Иван Гаврилович подал прошение об увольнении от службы в виду болезни, которое в скором времени было удовлетворено. В 1793—95 годах сызранское дворянство избирало его своим предводителем. В Сызранском уезде Симбирской губернии находилось родовое имение Дмитриевых — село Богородское.

Этими сведениями об отце поэта заканчивается «Выпись о происхождении и службе Дмитриевых».

Несколько слов о родственных связях Дмитриевых. Родная сестра Ивана Гавриловича Дмитриева — Евдокия Гавриловна — была мачехой историографа Н. М. Карамзина. Когда в 1769 году умерла мать Николая Михайловича — Екатерина Петровна, урожденная Пазухина,— его отец, отставной капитан Михаил Егорович Карамзин, в следующем же году женится на Евдокии Гавриловне (умерла в 1774 г.)[25]. О ней никаких сведений больше не сохранилось. Но во многом благодаря ее весьма значительным родственным связям будущий историограф сумел получить хорошее образование и стать именно тем, кем мы его знаем.

Сам Иван Гаврилович женат был на Екатерине Афанасьевне Бекетовой (1740—1813 г.г.), дочери богатого помещика, полковника Афанасия Алексеевича Бекетова, который в 1729—31 г.г. был симбирским воеводой. О их женитьбе Михаил Александрович Дмитриев писал: «Катерина Афанасьевна Бекетова вышла замуж за моего деда вот по какому случаю. Во время придворной жизни ее брата (Никиты Афанасьевича Бекетова — прим. авт.) ее хотели взять ко Двору, она была еще очень молода, лет шестнадцати, и красавица!— Отцу очень этого не хотелось: он боялся придворных нравов. Вскоре присватался к ней мой дед: ей было уже 17 лет, а ему 18. Отец и рад был этому случаю, отдать дочь за хорошего человека и богатого дворянина хорошей фамилии, чтобы только отклонить ее принятие ко Двору»[26].

Интересные воспоминания об Иване Гавриловиче и Екатерине Афанасьевне оставили их сын и внук[27]. Из этих записок, богатых весьма ценными биографическими материалами, узнаем некоторые бытовые подробности из жизни Дмитриевых. Оба мемуариста в своих воспоминаниях отмечают их высокую образованность.

«Это было исключительным явлением,— пишет М. А. Дмитриев — что мой дед говорил по-немецки и понимал по-французски, и что моя бабка умела писать и читала книги»[28].

Более того, именно благодаря своей матери, любительнице произведений Ломоносова и Сумарокова, И. И. Дмитриев еще мальчиком впервые познакомился с русской поэзией. «Матушка любила стихотворения А. П. Сумарокова,— вспоминает И. И. Дмитриев.— Живучи в Петербурге, она лично знала его. Поэт был в коротком знакомстве с родным братом ее, Никитою Афанасьевичем Бекетовым. Не считая трагедий «Гамлета», «Хорева», «Синава и Трувора» и «Аристоны», полученных ею в подарок от самого автора, она знала наизусть многие из других его стихотворений»[29].

Екатерина Афанасьевна Дмитриева была сестрой известного фаворита императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761 г.г.) Никиты Афанасьевича Бекетова (1729—1794 г.г.). Воспитанник шляхетского корпуса, адъютант графа Алексея Григорьевича Разумовского, полковник, во время Прусской войны в битве при Цорндорфе был взят в плен, в котором пребывал до 1760 года. При Екатерине II (1762—1796 г.г.) был назначен в 1763 году губернатором в г. Астрахань, где за 10 лет своей службы сделал очень многое для устройства этого края. В молодости он сочинял стихи, имевшие успех, и даже написал трагедию, оставшуюся неизданной[30].

«Воспитанник любви и счастия богини,
Он сердца своего от них не развратил;
Других обогащал, а сам, как стоик, жил,
И умер посреди безмолвныя пустыни!»

Этими строками почтил память Н. А. Бекетова И. И. Дмитриев[31].

Второй дядюшка поэта, Петр Афанасьевич Бекетов, был женат на симбирской миллионерше, племяннице основателя горнозаводской промышленности в Оренбургской губернии И. Б. Твердышева, Ирине Ивановне Мясниковой (1743—1823 г.г.). Она и ее сестры: Аграфена Дурасова, Екатерина Козицкая и Дарья Пашкова — получили в наследство все громадное богатство горнозаводской компании братьев Твердышевых и И. С. Мясникова. Все эти фамилии, с которыми были в родстве Дмитриевы, представляли собой богатейшие дворянские семейства России, владевшие тогда громаднейшим состоянием.

Иван Иванович Дмитриев был дружен с детьми П. А. и И. И. Бекетовых, своими двоюродными братьями: Платоном, Иваном и Петром. С Платоном Петровичем Бекетовым (1761—1836 г.г.) И. И. Дмитриев вместе учился в частных пансионах Симбирска и Казани, а потом служил в гвардии, в Семеновском полку. Кстати, когда П. П. Бекетов обучался в знаменитом

московском пансионе Шадена, то его товарищем был Н. М. Карамзин, его дальний родственник. После получения отставки в чине премьер-майора полностью посвятил свою жизнь собиранию и изданию портретов и книг. Занятия иконографией, предполагающие в известной степени знание истории и археологии, создали Бекетову такую репутацию учености, что в 1811 году он был избран председателем только что основанного тогда «Общества истории и древностей российских». Целых 12 лет П. П. Бекетов занимал председательское кресло и, по словам Строева, был «его душою и двигателем»[32].

Двоюродная сестра И. И. Дмитриева — Екатерина Петровна Бекетова — была замужем за сенатором Сергеем Сергеевичем Кушниковым (1765—1838 г.г.), отец которого, чебоксарский помещик, был женат на Екатерине Михайловне Карамзиной — родной сестре историографа.

Дядя матери И. И. Дмитриева — гитенфервальтер Леонтий Иванович Бекетов — был женат на Пелагее Андреевне Тургеневой. А ее племянник — известный масон, член новиковского Дружеского ученого общества, директор Московского университета с 1796 по 1803 годы, Иван Петрович Тургенев — отец декабриста Николая Ивановича, литератора и друга А. С. Пушкина Александра Ивановича, дипломата Сергея Ивановича и поэта Андрея Ивановича Тургеневых.

Карамзины, Бекетовы, Тургеневы, Дмитриевы принадлежали к числу лучших людей своего времени. Они оставили заметный след в истории не только Симбирской губернии, но и всей России.

Примечания

[1] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб, 1893г., т. X-а, с. 783.

[2] Там же, с. 783.

[3] ЦГАЛИ, ф. 1060. Дмитриев И. И., опись 1, ед. хр. 4.

[4] Там же, л. 1—1об.

[5] Там же, л. 3—3об.

[6] Общий Гербовник Дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году, ч. X, 23. СПб, 1836г.

[7] Здесь и далее в скобках указываются годы правления великокняжеских и царских особ.

[8] ЦГАЛИ, ф. 1060, оп. 1, ед. хр. 4.

[9] Там же.

[10] Энциклопедический словарь Ф. Павленкова СПБ. 1905 г., с. 1505.

[11] ЦГАЛИ, ф. 1060, оп. 1, ед. хр. 4 Сайдак-оружие, состоящее из лука со стрелами.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] В «Алфавитном указателе фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства Юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях» (М. 1853г., с. 115) о К. А. Дмитриеве имеется следующая запись: «Чин или должность: дворянин московский. Годы чина или должности: $\frac{7166}{1658}$, $\frac{7176}{1668}$». Таким образом, К. А. Дмитриев уже в 1658 г. состоял на службе в чине московский дворянин.

[15] Книга строельная города Синбирска. Изд-ние Симбирской Губернской ученой архивной комиссии под ред. П. Мартынова. Симбирск, 1897г. стр. 91—93.

[16] ЦГАЛИ, ф. 1060, оп. 1, ед. хр. 4.

[17] Там же.

[18] В «Алфавитном указателе фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах»... (М. 1853 г., с. 115) указывается, что С.К. Дмитриев в $\frac{7189}{1679}$ г. имел чин московский дворянин.

[19] ЦГАЛИ, ф. 1060, оп. 1, ед хр. 4.

[20] Красовский В. Э. Хронологический перечень событий Симбирской губернии. Симбирск, 1901г., с. 32.
Здесь же под «1731 годом» записано: «Построенная каменная церковь в честь Св. Неразделеной Троицы с приделами Покрова Пресвятой Богородицы и во имя св. Апостола Иоанна Богослова в селе Дмитриевском-Троицком, Семеновка тоже, Сызранского уезда, основанном в начале XVIII века стольником Семеном Константиновичем Дмитриевым». (с. 39).

[21] Там же, с. 35.
«Семен Конст-ч в старости построил на Волге в Симбирской губернии Богоявленый монастырь, прозванный по его имени Симоновский, где был пострижен в монашество и кончил жизнь там в 1725г.» — в кн. Статистическое описание соборов, монастырей и домовых церквей. Симбирск, 1903г.

[22] ЦГАЛИ, ф 1060, оп. 1, ед хр. 4.

[23] «Именной список дворянам Симбирской губернии». Рукопись л. 107.

[24] В «Именном списке дворянам Симбирской губернии» приводится другая дата: «20 января 1785г. выдан ему патент на чин надворного советника» (л. 107).

[25] «В 1770 году ... отец его (Н. М. Карамзина — прим. авт.), Симбирский помещик, отставной капитан Михайла Егорович, соединился тогда вторым браком с родною сестрою моего родителя, воспитанною по ее сиротству в нашем семействе». (И. И. Дмитриев. «Взгляд на мою жизнь». — в кн. Сочинения И. И. Дмитриева, т. III, СПб. 1893г.

[26] Дмитриев М. А. «Мелочи из запаса моей памяти» М. 1869г.

[27] Имеются в виду следующие издания: И. И. Дмитриев «Взгляд на мою жизнь», 1826г., М. А. Дмитриев «Мелочи из запаса моей памяти». М. 1869.

[28] Дмитриев М. А. «Мелочи из запаса моей памяти». М. 1869, с. 17—18.

[29] Дмитриев И. И. «Взгляд на мою историю» — в кн. Сочинения И. И. Дмитриева т. II. Ежемесячное приложение к журналу «Север» за сентябрь 1893г. с. 6.

[30] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона СПб. 1891г., т.III, с. 339.

[31] Дмитриев И. И. «Надпись к портрету Н. А. Бекетова» (1794г.).
И. И. Дмитриев. Сочинения. М. 1986г., с. 228.

[32] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб. 1891г. т. III, с. 341.

И. В. СМИРНОВА

Симбирские корни Анны Ахматовой

История Симбирского края богата известными именами.

Думается, в этот ряд можно внести еще одно — Анна Андреевна Ахматова. Архивные находки последних лет позволили нам установить, что несколько поколений предков великого русского поэта жили на Симбирской земле.

Почитателям таланта Анны Ахматовой известно, что псевдоним свой она связывала с происхождением своего рода от последнего хана Золотой Орды Ахмата. Именно это семейное предание Анна Андреевна не раз рассказывала своим друзьям, а в стихотворении «Имя» писала:

«Татарское, дремучее,
Пришло из никуда,
К любой беде липучее,
Само оно беда»[1].

Действительно, последним ханом Золотой Орды был Ахмед или Ахмат. В 1465 и 1472 годах он предпринимал походы на русскую землю, окончившиеся неудачей[2].

Верно ли семейное предание или нет, но род Ахматовых и в самом деле очень древний, он внесен в 6-ю часть дворянских родословных книг, куда вносились только древние, «благородные» дворянские роды.

В царствование Ивана Грозного Ахматовы были крещены и из поколения в поколение несли военную службу, участвуя в военных походах, расширении границ русского государства.

За верную службу они получали земли и крестьян, и, как отмечено в словаре Брокгауза и Ефрона, в 1699 году шесть Ахматовых владели населенными имениями[3].

Одним из них был далекий предок А. А. Ахматовой Степан Данилович Ахматов. Жил он в г. Алатыре Нижегородской губернии (в 1780 году Алатырь вошел в состав Симбирского наместничества), имел владения в Сергачском уезде, а когда началось заселение земель вокруг Симбирска, приобрел имения в Симбирском и Карсунском уездах.

В 1670 году в Симбирском уезде на реке Бирюч получил земли Яков Степанович Чириков, а несколько лет спустя к нему прибыл брат Никита, получивший здесь также поместную землю. Оба брата поселили на этих землях крестьян и в 1678 году существовало уже село Знаменское (Чириково)[4].

В 1676 году Яков Степанович Чириков женился на дочери Степана Даниловича Ахматова Пелагее. В государственном архиве Ульяновской области удалось обнаружить любопытный документ «Сговорную рядную запись помещика С. Д. Ахматова о выдаче замуж за Я. С. Чирикова дочери Пелагеи и о приданом за ней»[5]. Это столбец, исписанный скорописью, в некоторых местах чернила почти выцвели, но все-таки прочитать его удалось практически полностью.

Документ гласит: «Степан Данилович Ахматов зговорил за Якова Степановича Чирикова дочь свою девицу Пелагею Степановну. Благословляю зятя своего и дочь свою Божию милосердному с образом всемилостивого Спаса в окладе... да образом пресвятой Богородицы Казанской оклад серебряный с золотом да с образом пресвятой Богородицы Владимирской оклад серебрянный с золотом да образ великого чудотворца Николая в окладе серебрянном золоченом... Да приданого даю за дочерью своей мониста цепью серебряно позолочено и на ней пять крестов серебряных золоченых шапка низана жемчугом шапка верх атласный голубой с кружевом окованые ожерелья жемчужные пуговицы золотые и серебряные да серьги серебряные же в золоченом да шапка низана жемчугом. С позолотою локти червчаты кафтан вокруг шитье по червчатому бархату шубка накладная червчата шуба атласная червчата мех лисий кружева серебряные кованые пуговицы серебряные позолоченные шуба тафтяная с атласом шуба дорожная желтая пуговицы серебряные салоп атласный цветной кружева золоченые салоп тафтяной желтый пуговицы серебряные золоченые... да даю за дочерью своей Пелагееей в приданое Мишку Трифонова с дочерью да две девки к ларцу Санютку Яковлеву дочь да Акульку Савелову

дочь... Фадейская жена Иванова сама четверта с сыном Федором да с Катюшкою да с Авдюшею... Записи свидетели стольник и воевода князь Степан Васильевич Долгоруков да воевода Василий Федорович Юрлов (?) да Василий Андреевич Строев да Данила Степанович Хомуцков. Договорную запись писал солдатский площадной подьячий Савелка Луховцев лета 1676 мая в 16 день. К сговорной записи вместо стольника дворовый князя Степана Васильевича Долгорукова Никита Мертваго руку приложил».

Из «Сговорной записи...» видно, что Пелагея Ахматова была богатой невестой и партией весьма завидной. Вскоре после свадьбы Я. С. Чириков купил дом в Симбирске на Свияжской улице, где, вероятно, и поселились молодые супруги.

Интересно, что внучка Пелагеи и Якова Чириковых Мария выйдет замуж за Василия Яковлевича Анненкова и станет прабабушкой Павла Васильевича Анненкова — известного литературного критика и мемуариста, биографа и издателя А. С. Пушкина. Село Чириково станет родовым имением Анненковых.

В Государственном архиве Ульяновской области нами обнаружен документ, касающийся сына Степана Даниловича Ахматова — Ивана Степановича. Это — «Опись о взятии в казну по предписанию Семеновской канцелярии и по наказу темниковского воеводы Ахматова оброчных и других денег с крестьян д. Дракино Темниковского уезда»[6]. Из него следует, что в 1704 году Иван Степанович служил воеводой в г. Темникове Тамбовской губернии. В 1722 году он был уволен от службы в чине капитана[7]. В 1723 году мы находим его одним из владельцев деревни Безводовки Карсунского уезда[8].

Сын Ивана Степановича Иван также дослужился до чина капитана[9]. У Ивана Ивановича и жены его Анны Яковлевны было трое сыновей: Иосиф, Антон и Федосий[10]. Они дали начало трем ветвям симбирских Ахматовых.

Майор в отставке Иосиф Иванович Ахматов был женат на Варваре Петровне Пазухиной, двоюродной сестре Николая Михайловича Карамзина. Таким образом Ахматовы породнились с известными родами Пазухиных и Карамзиных.

Антон Иванович Ахматов дослужился до чина капитана, в 1762 году был уволен от службы и зажил помещиком[11].

Но более всего нам интересна линия третьего брата — Федосия Ивановича, прадеда Анны Андреевны Ахматовой. К сожалению, именно о нем не найдено никаких сведений. Имя его встречается только в родословной Ахматовых, составленной, вероятно, кем-то из потомков Антона Ахматова между 1895—1917 годами по просьбе Симбирской ученой архивной комиссии[12]. По всей вероятности судьба его складывалась так же как и у братьев: военная служба, отставка, женитьба, занятия хозяйством.

Из той же родословной известно, что дочь свою Прасковью он выдал замуж за артиллерии поручика в отставке, симбирского помещика Егора Николаевича Мотовилова. Семья Мотовиловых безвыездно жила в своем имении в Цильне. Было у них более тысячи душ крестьян, крепкое, налаженное хозяйство.

Старший сын Мотовиловых Николай окончил курс университета, затем поступил на военную службу. Андрей дослужился до чина поручика, в 1847—49 годах избирался Сенгилеевским уездным предводителем дворянства[13]. О третьем сыне Иване сведений обнаружить не удалось. Было у Мотовиловых и три дочери: Варвара, Анна и Александра[14].

В 1832 году в Симбирск прибыл новый жандармский штаб-офицер Эразм Иванович Стогов. Происходил он из старинной, но обедневшей дворянской семьи. Всего в своей жизни он добился сам благодаря незаурядным личным качествам: сильной воле, необыкновенной жизнестойкости, живому уму.

Окончив Морской кадетский корпус, он вызвался поехать служить на Камчатку и провел там 12 лет. Но на жалованье капитан-лейтенанта жить было трудно, и, вернувшись в Петербург, Э. И. Стогов добился перевода в корпус жандармов и вскоре получил назначение в Симбирск. Он прослужил в Симбирске более пяти лет. О своей службе Э. И. Стогов пишет в своих «Записках...» так: «В Симбирске я был по праву первым и мое слово имело вес и значение. В Симбирске я был доверенное лицо от государя, от моего такта зависела моя сила, т. е. общественное доверие и уважение, без этого я простая кукла, марионетка... Я все знал, что творилось в Симбирске, но никто не знал, что я знаю, и поэтому принимали меня радушно, Жизнь моя в Симбирске устроилась по моему желанию, я был любимым членом общества, верили, что я не мелочный доносчик, но вместе с тем верили, что и затронуть меня очень опасно, я прощать не умел, но никого и не трогал»[15].

Служившему в 1834—35 годах секретарем симбирского губернатора А. М. Загряжского будущему романисту И. А. Гончарову запомнилась колоритная фигура деда Анны Ахматовой. Позже в воспоминаниях «На родине» И. А. Гончаров выведет его под фамилией Сигов и посвятит ему несколько страниц. Вот часть этой зарисовки: «Мне, юноше, были тогда новы если не все, то многие «впечатления бытия», между прочим и жандармы, то есть их настоящее, новое, с николаевских времен, значение. Это значение объяснил мне, тоже шепотом, Якубов (крестный отец И. А. Гончарова Н. Н. Трегубов — И. С.), а всю глубину жандармской бездны раскрыл мне потом губернатор... От губернатора я в первый раз услыхал и о важности шефа их, графа Бенкендорфа, и о начальнике штаба, тогда еще полковнике Дубельте,— и обо всем, что до них

касается, а более о том, что они сами до всего касаются. Я тогда стал большими глазами смотреть на губернского полковника Сигова. Я думал, что он будет во все пристально вглядываться, вслушиваться и даже записывать, что от него все должны бегать и прятаться. Но, к удивлению моему, я видел его окруженного толпой и мечущего банк в некоторых домах, в приемные вечера, обыкновенно в особой задней комнате, в облаках табачного дыма.

— Как же так?— спрашивал я, невинный юноша, в недоумении у губернатора,— ведь его обязанность, вы говорите, доносить о беспорядках, обо всем вредном, запрещенном — так как он цензор нравов — стало быть и об азартных играх; а он сам тут играет и прячется?

— Оттого он тут и везде в толпе, чтобы все смотреть и слушать: иначе как же он будет знать и о чем доносить?— был ответ»[16].

Ко времени приезда в Симбирск Эразму Ивановичу шел 36-й год, пора было подумать о женитьбе. По его собственным словам, он навел справки обо всех «великодушных», то есть имеющих более ста душ приданого симбирских невестах и выбор свой остановил на Анне Мотовиловой. С присущей ему решительностью Э. И. Стогов отправился в Цильну, сделал предложение, которое после семейного совета было принято. Брак, заключенный по расчету, оказался удачным. Стоговы прожили в мире и согласии более сорока лет. Уже глубоким стариком Эразм Иванович писал в своих «Записках...»: «Симбирск много дал мне счастливых дней, дал мне милую и ангела душою жену...»[17].

Здесь в Симбирске родились старшие дочери Стоговых — Ия 19 декабря 1833 года и Ираида 26 февраля 1938 года, о чем сохранились записи в метрической книге Симбирского Спасского собора[18].

Воспреемниками обеих девочек стали брат и сестра Анны Егоровны Мотовиловой-Стоговой Андрей Егорович Мотовилов и Александра Егоровна Гельшерт.

В марте 1838 года Э. И. Стогов был переведен в Киев правителем канцелярии генерал-губернатора Д. Г. Бибикова. С Украиной будет связана вся дальнейшая жизнь семьи Стоговых, здесь родятся дочери Алла, Зоя, Анна и самая младшая Инна — мать Анны Андреевны Ахматовой. В 1852 году Эразм Иванович Стогов вышел в отставку и поселился в своей деревне в Летичевском уезде Волынской губернии.

Анна Андреевна Ахматова не знала своего деда и бабушку. Они умерли задолго до ее рождения (Э. И. Стогов в 1880 году, а жена его еще раньше). Но она получила имя своей симбирской бабушки и кольцо, завещанное ею — «перстень черный». Об этом кольце она пишет в первой части стихотворения «Сказка о черном кольце»:

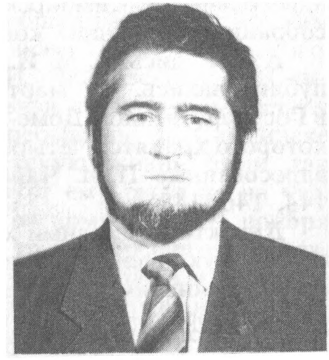
Мне от бабушки-татарки
Были редкостью подарки;
И зачем я крещена,
Горько гневалась она.
А пред смертью подобрела
И впервые пожалела
И вздохнула: «Ах, года!
Вот и внучка молода».
И, простивши нрав мой вздорный,
Завещала перстень черный.
Так сказала: «Он по ней,
С ним ей будет веселей»[18].

Борис Васильевич Анреп, художник-мозаист, близкий знакомый Анны Андреевны, человек, которому был посвящен целый ряд ее стихотворений, в том числе и «Сказка о черном кольце», вспоминал, что кольцо было золотое, ровной ширины, снаружи было покрыто черной эмалью, но ободки оставались золотыми. В центре черной эмали был маленький брильянт. Анна Андреевна всегда носила это кольцо и приписывала ему таинственную силу[19].

По свидетельствам близких Анне Андреевне людей, она хорошо знала свою родословную, семейные предания волновали ее воображение. И когда ей потребовалось выбрать себе псевдоним, она нашла его в своих симбирских корнях и вошла в историю мировой культуры АННОЙ АХМАТОВОЙ.

Примечания

[1] Ахматова А. Стихотворения. Петрозаводск, 1989, с. 193.
[2] Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. СПб., 1905, с. 164.
[3] Брокгауз и Ефрон. СПб., 1890, т. 2а, с. 534.
[4] Мартынов П. Селения Симбирского уезда. Симбирск, 1904, с. 157.
[5] ГАУО, ф .732, оп. 3, д. 143.
[6] ГАУО, ф. 732, оп. 3, д. 645.
[7] Именной список дворянам Симбирской губернии (рукопись). Симбирск, 1829, с. 90. Дворец книги им. В. И. Ленина.
[8] Холмогоров В. Материалы для истории Симбирского края до второй половины XVIII века. Симбирск, 1898, с. 118.
[9] Именной список дворянам Симбирской губернии (рукопись). Симбирск, 1829.
[10] ГАУО, ф. 732, оп. 2, д. 373.
[11] Именной список дворянам Симбирской губернии. Симбирск, 1829, с. 90.
[12] ГАУО, ф. 732, оп. 2, д. 373.
[13] ГАУО, ф. 732, оп. 2, д. 356.
[14] Именной список дворянам Симбирской губернии. Симбирск, 1829, с. 37.
[15] Записки Э. И. Стогова. «Русская старина», 1903, № 1.
[16] Гончаров И. А. «На родине». М., 1987, с. 264.
[17] Записки Э. И. Стогова. «Русская старина», 1878, № 7—8.
[18] Ахматова А. Стихотворения. Петрозаводск, 1989, с. 133.
[19] Анреп Б. «О черном кольце». «Звезда», 1989, № 6, с. 56.



С. Б. ПЕТРОВ

Модест Чайковский в Симбирске

Летом 1870 г., после окончания Училища правоведения в Петербурге, в Симбирск прибыл и приступил к работе в палате гражданского и уголовного суда Модест Ильич Чайковский (1850—1916) — младший брат великого русского композитора П. И. Чайковского (1840—1893). В зрелые годы он стал видным деятелем отечественной культуры — либреттистом, драматургом, переводчиком. Им написаны либретто опер «Пиковая дама», «Иоланта», «Ундина», балета «Щелкунчик» П. И. Чайковского, опер «Дубровский» Э. Ф. Направника, «Франческо да Римини» С. В. Рахманинова, «Наль и Дамаянти» А. С. Аренского, «Альманзор» Ю. С. Сахновского и другие. Значительным успехом пользовались его драматические пьесы «Борцы», «Лизавета Николаевна», в которых блистательно играли знаменитые актеры К. А. Варламов и П. А. Стрепетова, выступавшие и на симбирской сцене, а также пьеса «Симфония», получившая положительный отзыв А. П. Чехова. Велики заслуги М. И. Чайковского в сохранении и издании творческого наследия старшего брата и в создании Дома-музея П. И. Чайковского в Клину[1]. Но все это было в будущем, а в 1870 г. Модест был двадцатилетним легкомысленным и впечатлительным молодым человеком, нуждавшимся в наставлениях отца, старшего брата и других родственников, писавших ему строгие и даже резкие письма в Симбирск. Сохранилось 635 писем

Петра Ильича М. И. Чайковскому, некоторые из них были адресованы в Симбирск и частично опубликованы в «Полном собрании сочинений» композитора[2].

А вот письма М. И. Чайковского из Симбирска никогда не публиковались. В марте 1992 г. автор этих строк побывал в Государственном Доме-музее П. И. Чайковского в Клину, в архиве которого хранятся четыре письма М. И. Чайковского из Симбирска, адресованные П. И. Чайковскому (ГДМЧ, Ф1, оп 3, инв. № 143, 144, 146, 148)[3].

Директор и главный хранитель музея любезно разрешили снять с них рукописные копии[4]. Из писем композитора в Симбирск и родственникам в другие места следует, что Модест написал ему из нашего города более пяти писем, но не все из них сохранились. В письме от 17 сентября 1870 г. П. И. Чайковский требовал от младшего брата писать ему из Симбирска два раза в неделю[5]. Кроме того Модест писал с первого в жизни места службы другим родственникам и друзьям. Где находятся эти письма установить пока не удалось.

В июле 1870 г. П. И. Чайковский писал Модесту из Швейцарии: «Я вернусь в Россию в конце августа. Ты уже будешь в Симбирске; ради Бога, приехав туда, не предавайся тоске. В денежном отношении я тебе помогу...»[16] Петр Ильич выполнил это обещание и сделал брату в Симбирск несколько денежных переводов, прислал к ноябрю бобровый воротник стоимостью 55 рублей, снисходительно посмеиваясь при этом над тщеславным желанием Модеста выглядеть в Симбирске модником из Петербурга[7]. В письме от 4 сентября 1870 г. А. И. Чайковскому Петр Ильич с огорчением сообщал: «Я чрезвычайно недоволен Модестом; выманив у Папаши[8] 500 рублей,— он их все прокутил; вместо Тамбова, где он в обществе Карцовых[9] нашел бы себе значительную нравственную поддержку, он поехал в Симбирск, чтобы жить с пьяницей Валуевым[10] и играть с ним с утра до вечера на биллиарде. На второй же день своего приезда он уже навалял Папаше отчаянное письмо о безнадежности своего служебного положения»[11]. Эти и ряд других писем позволяют считать начало августа временем прибытия М. И. Чайковского в Симбирск.

Письма П. И. Чайковского в Симбирск насыщены не только интимно-семейной информацией и наставлениями. Композитор одновременно рассказал в них Модесту о пребывании в Швейцарии, Франции, Германии, посещении оперных театров и концертов, работе над увертюрой «Ромео и Джульетта», оперой «Опричник», о решении писать музыку к балету «Сандрильона»[12]. Из писем М. И. Чайковского из Симбирска мы узнаем, что симбиряне с интересом расспрашивали его о П. И. Чайковском. Не будет

слишком смелым предположить, что общительный и словоохотливый Модест, гордившийся старшим братом, сообщал своим симбирским знакомым содержание адресованных ему писем П. И. Чайковского. Последнее из сохранившихся писем М. И. Чайковского из Симбирска датировано 21 ноября 1870 г. В связи с закрытием палаты гражданского и уголовного суда его пребывание в Симбирске завершалось, но траты Модеста на светскую жизнь были так непосильно велики, что выехать в Петербург ему было не на что. П. И. Чайковский в письме А. И. Чайковскому от 29 ноября 1870 г. сообщал: «Что касается Модеста, то он перещеголял всех. Такого безумного швыряния я даже не ожидал; Папаша мне пишет, что он в Петербурге оставил долгов много, а в Симбирске наделал их еще больше»[13]. Финансовая помощь и на этот раз поступила от старшего брата. П. И. Чайковский 7 декабря 1870 г. телеграфировал в Симбирск Модесту: «Если денег не достало, телеграфируй. Через 4-ре дня пришлю еще. В данную минуту нет»[14]. Из письма П. И. Чайковского сестре А. И. Давыдовой от 20 декабря 1870 г. можно узнать: «Третьего дни приехал ко мне проездом в Петербург Модя»[15]. Следовательно, М. И. Чайковский отбыл из Симбирска в Москву около 15 декабря. В публикуемых далее письмах М. И. Чайковского опущены повторения и немногочисленные не поддавшиеся расшифровке строки. Опущенные места отмечены многоточиями, заключенными в скобки (...).

№ 1

9 сентября 1870 г., Симбирск

Милый Петинька!

Ужасно был обрадован, увидев твою руку, когда распечатывал мною так давно ожидаемое письмо из дому. Очень благодарю за разговоры обо мне с Адамовичем[16]. Из Симбирска уезжать я решительно не желаю, ибо чувствую себя здесь больше чем счастливым. В самом деле, город этот не обладая никакими удобствами в обычном смысле слова, содержит в себе бездну прелестей: 1) множество людей самого милого свойства, 2) товарищами, которых очень люблю, 3) дешевизну и, наконец, я так здесь хорошо устроился и везде так мило принят, что если не Петербург, то и знать не хочу ничего другого, но во всяком случае очень благодарю за твои заботы обо мне и умоляю не забывать писать почаще. Живу я вместе с Валуевым, квартира у нас до сих пор даровая, так как она принадлежит товарищам прошлого года, большинство из которых еще не приехало. Человек у нас общий; платим ему мы 14 рублей с его харчами, своим порядочным вином и (...) он приводит меня в восторг. Обеды здесь мы имеем в лучшей гостинице города за 12 рублей в месяц каждый, свойствами они обладают необыкновенно

хорошими, состоят из трех блюд всегда (...) и отлично приготовленных и имеющих одно чудесное качество, а именно, совершенно не имеют вид трактирного произведения. Знаком я со всеми в городе и почти всегда есть куда поехать; в случае, если такого случая нет, то еду в клуб, которого я член, и который удобством и красотой своего помещения не уступает петербургскому Дворянскому собранию. Там или читаю, или встречаюсь с кем-нибудь из знакомых. Провожу время в разговорах или слежу как играют. В палату хожу ежедневно и уже написал много докладов, хотя все-таки занимаюсь лениво и один вид палаты[17] наводит на меня тоску. С мнением Адамова[18] насчет председателя [19] не совсем согласен, ибо поступки его со мною не особенно говорят в его пользу. Выдать мне все жалованье сполна зависит совершенно от него (...) что и сделал Валуеву, приехавшему только двумя неделями раньше. Я ему говорил, что рассчитывал получать 150 рублей и поэтому приехал без копейки, и хоть ради этого он отлично мог обойти все формальности, вместо того принял меня крайне сухо и нелюбезно и на мое вышеупомянутое замечание отвечал (...) сочувственной улыбкой. Я не говорю, чтобы он придирался или притеснял, но говорю, что действительно добрый и порядочный человек этого бы не сделал[20]. Помимо всех этих обстоятельств и денежного положения, я чувствую себя здесь отлично и почти не желаю ничего лучшего. Изредка однако грущу по Петербургу и по родным, которые не очень то щедро меня дарят письмами, а если и дарят, то письмами, исполненными совершенно незаслуженных упреков в расточительстве. Из 75 рублей, взятых у Саши на дорогу, мне не очень то легко бы было привезти что-нибудь в Симбирск (...). В Симбирске слыву за необыкновенного музыканта ради имени, которое ношу, и которое здесь очень известно. Вопрос — не брат ли я известного музыканта — очень льстит моему самолюбию и повторяется при каждом знакомстве. Играю и занимаюсь музыкой очень часто, так как живу с (...), обладающим большими способностями к последней. Вообще я очень счастлив всем и доволен своей судьбой. Прощай, мой голубчик, целую тебя крепко-крепко. Не забывай. Любящий тебя М. Поклонись Бибикову[21] и скажи ему (...) кланяется Бычкова[22] (...) Несмотря ни на что хлопочу переходить в Министерство внутренних дел[23].

№ 2

19 октября 1870 г.

Только что получил присланный тобою воротник и спешу поблагодарить тебя, мой дорогой Петруша. О себе ничего нового сообщить не могу, все та же сумасшедшая жизнь, теже люди и тоже если хочешь веселье. Я не могу передать до чего это однообразие

провинции мне наскучило, в продолжении двух месяцев ни одного родного человека и ничего нового. У меня времени также мало, как и прежде, если не меньше, теже развлечения, теже разговоры со всеми, так что на каждое лицо приходится по предмету разговора. С одним непременно разговор о Училище, с другим о тетрах, с третьим о службе и с большинством сплетничаю. Ах, Петруша, если бы только знал до чего я тоскую по Петербургу (...) Ты спрашиваешь меня о службе и удивляешься, что я тебе мало о ней пишу. Но дело в том, что она до того незначительна и такую малую роль играет в моей жизни, что я сам позабываю о ней и мне большого труда стоит представить себе, что я служу и приношу пользу Отечеству. В настоящее время я (...) занимаюсь в архиве (...) на службу хожу ежедневно и сижу в архиве с 12-ти до 2-х. Вообще в служебном отношении ничего хуже Симбирска представить невозможно. Благодаря нашему милому председателю, столь восхваляемому Адамовым, двое из моих сожителей выходят в отставку, и если бы я имел в виду какое-нибудь место в Министерстве внутренних дел, я не замедлил бы совершить тоже самое (...) Поцелуй от меня Бибикова и передай ему, что на днях с Бестужевым[24] пьем его здоровье.

№ 3

Симбирск, 10-е число ноября 1870 г.

Пишу тебе, милый Петруша, под влиянием самой томящей тоски и грусти. Так что ты не взыщи за содержание письма... Я знаю твою не любовь к моим письмам, но мне до того хочется поделиться (...) Виновником всего этого, во-первых, однообразие симбирской жизни, во-вторых, скука по Петербургу и тысяча других причин (...) Дома постоянно целый ряд отвратительных сцен с Валуевым. В гостях все тоже и все теже, в театре, что вчера, то и завтра, на улице пустота, ну до того скучно и гадко (...) Только и утешаюсь той мыслью, что не вечно же это будет продолжаться, и что когда-нибудь я попаду же в Петербург (...) согласился бы век свой есть корку хлеба, только бы удрать отсюда и забыть (...) Отпуск ранее января не возможен и если мне только удастся вырваться отсюда, то употреблю последнее усилие, чтобы никогда уже больше не возвращаться. Жизнь веду ту же, что и прежде, такое же множество приглашений, также часто, если не чаще еще, бываю у Языковой[26] и Галаховой[27]. Дома (...) устроился довольно мило, купил мебель и драпировки. Лакей наш с Валуевым оказался мошенником и я никак не могу собраться с духом, чтобы отказать ему. Письма от родных получаю очень редко. Денег трачу много и при всем этом ничего особенного не делаю. Товарищи еще не приехали и мы с Валуевым одни. Кончаю потому, что приехали за мной от Языковой. Прощай, родной мой. Целую тебя крепко[28].

№ 4

21 ноября 1870 г.

(...) Теперь же я только что возвратился из уезда, куда был послан еще исполнять должность товарища прокурора на мировом сходе, и прежней меланхолии много поубавилось. Путешествие в Буинск, находящийся в 100 верстах от Симбирска, несмотря на бездну мною совершенно не ощущаемых материальных неудобств, как-то: отвратительнейших дорог и холодом и проч., оставило (...) необыкновенно благостное впечатление. Во-первых, новизна этого рода путешествия (на перекладных), затем ночевание в дороге сначала в избе татарина, а потом у русского, разговоры с ямщиками и питье с ними чая (...) трехдневное пребывание в уездном городе в сравнении с которым Каменка[29] — столица, потом мой дебют (по отзывам председателя) очень удачный на судебном поприще при довольно большом стечении публики, визиты тюрем, где я очень напоминал Государя, посещающего Училище, и знакомство с братьями Терениными, двумя необыкновенно милыми людьми, один из которых здесь председатель съезда[30] (...) если кто-нибудь в Буинске купит себе стеариновых свечей, то считается первым мотом и вечером окна у которого зашторены... Я возвратился из Буинска совсем обновленным (...) До какой степени существование в Симбирске мне дорого я тебе опишу (...) только я приехал, как мне объявляют оставшиеся товарищи, что я должен заплатить десять рублей за бал, устраиваемый в Дворянском собрании.

Еду из дому делать визиты, в одном доме требуют 3 рубля в пользу бедного актерика С-го, у которого умерла мать. Вечером на балу подходит дама и требует еще три рубля за то, что она записала меня в члены общества раненых. На другой день пребывает депутация звать на обед, устраиваемый по случаю открытия Окружного суда в честь Шаховского[31] и берет еще десять рублей. На другой день приезжает наш общий приятель (...) и умоляет взять кресло на его концерты, и так до бесконечности, потом прими также в соображение, что поездку в Буинск совершить был вынужден (...) на свой счет (...). На днях здесь происходило огромное торжество по случаю открытия нового суда и закрытия палаты, к которой мы и были прикомандированы (...) Оставлены за штатом. Таким образом, мы все теперь не более и не менее как состоящие при Департаменте чиновники, нечаянно попавшие в Симбирск и ожидающие назначение к какому-нибудь из новых Окружных судов. Я попросил губернатора[32] поговорить о нас с Шаховским и последний обещал написать об моем желании возвратиться в Петербург в Министерство. Все это было писано вчера (...) обстоятельства переменились, ибо я получил бумагу из Министерства, где меня спрашивают желаю ли я оставаться в Симбирске

кандидатом без жалованья или ехать в Петербург (...) ты сам поймешь мой ответ (...) и боюсь только страшно моих долгов, которые выросли до страшных размеров (...)[33].

Примечания

[1] Яковлев В. В. Модест Ильич Чайковский — автор оперных трудов // Яковлев В. В. Избранные труды по музыке.— Т. 1.— М., 1964.— С. 417—481; Музыкальная энциклопедия.— Т. 6.—М., 1982.— С. 171—172; Петров С. П. И. Чайковский и Симбирск // Ульян. правда.— 1990.— 24 марта; Дом-музей П. И. Чайковского в Клину.— М., 1990.

[2] В письмах П. И. Чайковского Симбирск упоминается неоднократно, особенно часто в 1870 г., см.: Чайковский П. И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка.— Т. 5.— М., 1959.— С. 219, 220, 228, 230, 231—232, 235, 239, 240—241, 244, 245.

[3] Государственный Дом-музей П. И. Чайковского в Клину (ГДМЧ), Ф. 1. оп. 3, № 1090(а[4] № 5049—5055), инв. № 130—148.

[4] Выражаю за это благодарность директору музея Г. И. Белонович и главному хранителю П. Е. Вайдман.

[5] Чайковский П. И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка.—Т. 5.— М.—1959.— С. 232.

[6] Там же.— С. 222.

[7] Там же.— С. 239—240.

[8] Папаша — отец братьев Чайковских И. П. Чайковский.

[9] В Тамбове с семьей проживала А. П. Карцова — двоюродная сестра братьев Чайковских.

[10] Валуев Алексей Алексеевич (1849—1904), товарищ М. И. Чайковского по Училищу правоведения. В 1870 г. служил в симбирской палате гражданского и уголовного суда, в дальнейшем мировой судья Дисненского округа.

[11] Чайковский П. И. Полное собрание сочинений... Т. 5.— М., 1959.— С. 230.

[12] Там же.— С. 228, 332, 234.

[13] Там же.— С. 243.

[14] Там же.— С. 244.

[15] Там же.— С. 244.

[16] Адамович. Видимо, описка. Далее речь идет об Адамове.

[17] Палата гражданского и уголовного суда располагалась в здании присутственных мест на Венце (ныне корпус сельхозинститута).

[18] Адамов Владимир Степанович (1838—1877), товарищ П. И. Чайковского по Училищу правоведения, с 1872 по 1877 г.— директор департамента Министерства юстиции.

[19] Имеется в виду Родионов Владимир Петрович, председатель симбирской палаты гражданского и уголовного суда.

[20] В. П. Родионов был недоволен М. И. Чайковским в связи с его опозданием на службу и требовал от него свидетельства о болезни, на которую сослался последний.

[21] Бибиков — московский знакомый П. И. Чайковского.

[22] Бычкова Александра Кировна — симбирская помещица и домовладелица, председатель совета Общества христианского милосердия и попечительства детского приюта. В 1870 г. ей было 44 года. Умерла после 1908 г. Сообщил С. Л. Сытин.

[23] ГДМЧ, инв. № 143.

[24] Род симбирских дворян Бестужевых был многочисленным и разветвленным. В данном случае, предположительно, речь идет о Бестужеве Михаиле Петровиче, губернском секретаре, мировом посреднике.

[25] ГДМЧ, инв. № 144.

[26] Имеется в виду Языкова Прасковья Ивановна, жена В. П. Языкова, или ее сестра Языкова Александра Ивановна, жена А. П. Языкова. В любом случае речь идет о родственниках поэта Н. М. Языкова.

[27] В 1870 г. в Симбирске проживали дворянки Галахова Софья Петровна и Галахова Александра Павловна. Сообщил С. Л. Сытин.

[28] ГДМЧ, инв. № 146.

[29] Каменка — село в Киевской губернии, где располагалось имение родной сестры Чайковских А. И. Давыдовой. В Каменке М. И. Чайковский задержался, опоздав на службу в Симбирск.

[30] Братья Теренины. Теренин Александр Николаевич, председатель Буинского уездного мирового съезда. Теренин Михаил Николаевич, действительный статский советник, камергер высочайшего двора, в 1871—1887 гг. симбирский губернский предводитель дворянства.

[31] Шаховский Михаил Николаевич, князь, сенатор, тайный советник, старший председатель Казанской судебной палаты. По повелению императора Александра II был командирован в Симбирск для открытия окружного суда.

[32] Еремеев Дмитрий Павлович, действительный статский советник, симбирский губернатор в 1869—1873 гг.

[33] ГДМЧ, инв. № 148.

[34] Церемония открытия Окружного суда в Симбирске состоялась 15 ноября 1870 г. и была подробно описана в газете «Симбирские губернские ведомости». В отчете сообщалось о банкете, устроенном в зале Дворянского собрания, в котором приняли участие известные в Симбирске лица и прибывший из Казани князь М. Н. Шаховской. С банкета в столицу была отправлена следующая телеграмма: «Петербург. Его Императору Высочеству Принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому. По случаю открытия в Симбирске Окружного суда правоведы и лицеисты пьют здоровье Вашего Императорского Высочества».

Подписи: сенатор М. Н. Шаховский, А. П. Языков, П. А. Ермолов, Муравьев, К. Ф. Филиппов, А. А. Валуев, М. И. Чайковский, Ю. С. Хованский. ((Об открытии судебных установлений в Симбирской губернии)) Симбирские губернские ведомости. Орган неофициальный.—1870. 17 ноября).

Принц Ольденбургский был основателем и попечителем Училища правоведения, выпускники которого систематически распределялись на службу в Симбирск. Отметим, кстати, что сам П. Г. Ольденбургский в 1857, 1858, 1861, 1869 и 1874 гг. приезжал в Симбирск для ревизии учебных заведений ведомства императрицы Марии.

Мартынов П. Л. Город Симбирск за 250 лет его существования.— 1898.— С. 52. См. также: Папков А. Жизнь и труды принца П. Г. Ольденбургского. Ко дню 50-я Императорского Училища правоведения.— СПб., 1888; Чешихин В. Отголоски оперы и концерта.— СПб., 1896.— С. 136.

Ж. А. ТРОФИМОВ

Губернатор Загряжский

Пушкиноведов и гончароведов давно интересует личность Александра Михайловича Загряжского, являвшегося в 1831—1835 годах симбирским губернатором. Ведь у него, дальнего родственника своей жены, Натальи Николаевны, в сентябре 1833 года, проездом из Петербурга в Оренбург останавливался первый поэт России. Что касается И. А. Гончарова, то он около года служил в канцелярии того же губернатора.

Замечу сразу, что в исследовательской литературе имеются неоднозначные оценки Загряжского как человека и администратора, но преобладают все же негативные, причем несмотря на то, что оба великих писателя не дали для этого прямых поводов. Выяснение истины целесообразнее всего начать с краткого изложения жизненного пути Александра Михайловича до приезда в Симбирск.

Выходец из старинного и знатного московского рода, он после домашней подготовки учился в частном институте Виллерса (дававшем среднее образование), а пятнадцати лет, в 1811 году, надел форму портупей-прапорщика Одесского пехотного полка.

Во время нашествия Наполеона был ординарцем командира дивизии, а в боях под Смоленском, оказавшись в одном из полков, храбро сражался, вывел оставшихся в живых сотню воинов к своим и, в поощрение за отвагу, был переведен в знаменитый лейб-гвардии Преображенский полк. За отличия в боях под Бауценом, Кульмом

и Лейпцигом и при взятии Парижа молодой офицер удостоился ордена святой Анны IV степени и прусского знака Железного креста, а позже — серебряной медали в память 1812 года и особо — бронзовой медали в память того же 1812 года[1].

В 1816 году 20-летний гвардеец-подпоручик вышел в отставку, но в следующем году вернулся в Преображенский полк. Однако Фортуна не очень-то благоволила к нему: за последующие семь лет дослужился только до капитана. Александр Михайлович уже обдумывал вопрос об окончательном уходе с военной службы, когда произошло восстание 14 декабря 1825 года, круто изменившее его судьбу в благоприятную сторону.

Симбирский жандармский полковник Э. И. Стогов, рассказывая в своих воспоминаниях о Загряжском (он называл его «губернатором Z»), обрисовывал картину его возвышения так: «14 декабря он явился к дворцу. Государь несколько раз посылал Якубовича образумить бунтовщиков и убедить их, чтоб покорились. Якубович шел к мятежникам, и Z за ним. Якубович вместо убеждения говорил: «Ребята, держись, наша берет, трусят, ура! Константин!» И бунтовщики кричат: «Ура, Константин и супруга его Конституция!» ...Так было несколько раз, и Z каждый раз ходил и один раз перевязывал ногу платком, прихрамывая, будто ударили его по ноге.

Государь не забывал усердия и сказал великому князю Михаилу Павловичу: «Я видел усердие Z, спроси его, чего он хочет! Великий князь Михаил спросил Z: «Чего ты хочешь?» Z, не задумавшись, отвечал: желаю быть губернатором.

— Не много ли это будет?

— Для государя все возможно!

И вот Z через разные метаморфозы — губернатор в Симбирске»,— подытожил свой рассказ жандармский полковник на страницах столичной «Русской старины» в декабрьском номере за 1878 год.

В первой книжке этого же журнала за 1879 год А. М. Загряжский опроверг эту клеветническую выдумку Стогова публикацией «Аттестата» о своей службе. Из этого официального документа видно, что Александр Михайлович в день восстания еще служил в Преображенском полку и был уволен с военной службы 26 января 1826 года, с переименованием из капитана сразу в коллежские советники (минуя чин надворного советника).

В это же время Загряжский, согласно своей просьбе, получил вакантное место чиновника обер-прокурорского стола в Правительствующем сенате. Некоторое время спустя «за усердную службу в комиссии о коронации императора Николая Павловича» он стал кавалером ордена Святой Анны 2-й степени.

Николай I явно благоволил к бывшему капитану-гвардейцу, но

тем не менее только через три года назначил его на самостоятельную ответственную должность — исполняющего обязанности управляющего Тамбовской удельной конторой. Здесь, в глубокой глуши, Александр Михайлович провел два года, пока министр внутренних дел России не назначил его чиновником особых поручений своей канцелярии. И только 2 июля 1831 года, то есть через пять с половиной лет после восстания декабристов, статский советник А. М. Загряжский был определен исполняющим должность гражданского губернатора в Симбирске[2].

Документы свидетельствуют, что служба на новом месте складывалась для него удачно. Уже в 1832 году царь благодарит симбирского губернатора «за успешное взыскание податей и недоимок» и кроме того «за отлично усердную службу и благоразумные распоряжения при заготовке хлеба» для винокуренного завода награждает его орденом святого Станислава 2-й степени со звездою[3]. При Загряжском была учреждена симбирская епархия, открыты дворянский пансион при гимназии и первое городское приходское училище[4], а также после 20-летней волокиты возобновилась постройка Гостиного двора, заканчивалась отделка каменных флигелей для чертежной, типографии и архива (фонды которого сгорели в 1827 году в здании присутственных мест).

Александр Михайлович поддерживал дружеские отношения с отставным генерал-майором П. Н. Ивашевым (сын которого Василий, декабрист, томился в Сибири). Загряжский бывал у него как в городском доме, так и в имении Ундоры. Когда летом 1833 года Ивашев и состоявшие с ним в родстве Языковы, Хованские и Бестужевы выступили с ходатайством об увековечении в Симбирске имени Н. М. Карамзина постройкой в его честь общественной библиотеки, начальник губернии сразу же поддержал этот почин и направил все необходимые документы министру внутренних дел.

Как только о благородной инициативе стало известно в Петербурге, И. И. Дмитриев, П. А. Вяземский, А. С. Пушкин, И. А. Крылов, Д. В. Давыдов и другие видные литераторы внесли свою лепту в капитал на устройство в Симбирске Карамзинской библиотеки. А через полтора месяца, 9 сентября 1833 года, Пушкин, собиравший во время поездки по Поволжью материалы для «Истории Пугачева», появился в Симбирске в доме Загряжского.

У него, как и ожидал Александр Сергеевич, оказалось письмо от жены, Натальи Николаевны. От Загряжского, выполняя просьбу приятеля-литератора В. Ф. Одоевского — поэт разузнал о благополучном исходе дела его отчима П. Д. Сеченова (помогавшего 22-летней Варваре Кравковой бежать из имения родителей в Симбирский женский монастырь). При содействии губернатора Александр Сергеевич совершил поездку в село Языково для

свидания с поэтом Николаем Михайловичем (но тот оказался в отъезде), а по возвращении в город оставался у Загряжских еще несколько дней до отъезда в Оренбург. В кибитке поэта появился памятный подарок губернатора: карта Екатеринославской губернии издания 1821 года, на которой Пушкин сделал помету: «Карта, принадлежавшая Императору Александру Павловичу.— Получена в Симбирске от А. М. Загряжского 14 сент. 1833»[5].

В письмах к жене, написанных на симбирской земле, поэт сообщал о посещениях дома Загряжских, но рассказ о своих впечатлениях от общения с ними отложил до личной встречи в столице. И только в письме к князю В. Ф. Одоевскому, извещая о выполнении его деликатного поручения узнать о результатах расследования по делу отчима, Александр Сергеевич счел возможным заметить: «...будучи в Симбирске, видел я скромную отшельницу, о которой мы с Вами говорили перед моим отъездом. Недурна. Кажется, губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, нежели губернаторша... Дело ее, кажется, кончено»[6]. В действительности же, в этом полушутливом письме иносказательно, со слов Загряжского, сообщалось, что отчим Одоевского не будет привлечен к ответственности за содействие в побеге Кравковой от родителей.

Подытоживая связи Александра Сергеевича с Загряжским (в столицах и Симбирске), можно сказать, что между ними были если не дружеские, то приятельские отношения. Известно, например, что в 1836 году Александр Сергеевич с женой бывал на даче у Загряжских, под Петербургом. В свою очередь, Загряжские интересовались жизнью и творчеством великого поэта, были в курсе трагических событий, приведших его к гибели и остро переживали ее[7]. Примечателен и тот факт, что на Елизавете — дочери губернатора, с которой Пушкин станцевал несколько туров в Симбирске, спустя десять лет женится его младший брат Лев Сергеевич.

Менее чем через год после пребывания Пушкина в Симбирске, сюда, после окончания Московского университета, прибыл 22-летний Иван Гончаров. Уступая настояниям своего крестного отца, отставного офицера-моряка Н. Н. Трегубова, многоопытного в житейских делах, молодой человек вместе с ним нанес визиты вежливости влиятельным сановникам города и, конечно, губернатору.

Службу будущего автора «Обломова» в канцелярии симбирского губернатора довольно подробно рассмотрел в своей книге «Гончаров и родной край» доцент ульяновского пединститута П. С. Бейсов. Руководствуясь мнением А. И. Герцена, что после разгрома декабристов «все передовое и энергичное» было «вычеркнуто из жизни, а дрянь александровского поколения заняла первое место»,

краевед причислил к этой «дряни» и Загряжского, выведенного в мемуарных очерках «На родине» Гончаровым под именем Углицкого. Это уничижительное суждение П. Бейсов проиллюстрировал пересказом известной версии жандарма Стогова об обстоятельствах назначения Загряжского губернатором (за усердие в день 14 декабря 1825 года), а также указанием на то, что в «Симбирской хронике» содержатся сведения об Александре Михайловиче «как о виртуозном взяточнике, щеголе и ловеласе»[8].

Убедительных доказательств в пользу этой оценки в книге не приводится, тем не менее, коснувшись созданного Гончаровым в очерках «На родине» образа губернатора, П. Бейсов заявил, что «он несомненно идеализирован писателем. Вместе с тем,— продолжал П. Бейсов,— Гончаров не отказывается и от сатирического изображения его, особенно в сценах, характеризующих Углицкого как «просвещенного» администратора, «искоренителя» взяточничества»[9].

Однако современники не случайно сравнивали очерки «На родине» с «Пошехонской стариной» М. Е. Салтыкова-Щедрина — оба великих автора создали не просто воспоминания, а художественные произведения, в которых за главными персонажами хотя и скрывались реальные лица, но первых отнюдь нельзя отождествлять со вторыми.

На тщетность попыток рассматривать его воспоминания «На родине» как исторический источник настойчиво указывал сам И. А. Гончаров. «Это не мемуары какие-нибудь, где обыкновенно описываются исторические лица, события и где требуется строгая фактическая правда,— писал он во вступлении к очеркам,— Фон этих заметок, лица, сцены большею частию типически верны с натурой, а иные взяты прямо с натуры... Напрасно было бы отыскивать в моих лицах и событиях то или другое происшествие, то или другое лицо... Другими словами, я желал бы, чтобы в них искали не голой правды, а **правдоподобия,** и буду доволен, если таковое найдется»[10].

Однако секрет той особой тщательности в выписывании Гончаровым внешнего облика Углицкого кроется несомненно в высокой степени сходства его с губернатором Загряжским, образ которого цепкая память писателя сохранила до мелочей. Вот каким запечатлел романист своего бывшего начальника: «красивые правильные черты лица, живые карие глаза с черными бровями, прекрасно очерченный рот с тонкими губами. Взгляд беглый, зоркий, улыбка веселая, немного насмешливая. Стройные, красивые руки с длинными прозрачными ногтями. Дома, в утреннем наряде, с белыми, как снег, манжетами, он смотрел франтом»[11].

Благоприятное впечатление у автора очерков осталось и о лич-

ности губернатора в целом: «Он бегло говорил по-французски, а русской речью владел мастерски, без книжного красноречия. Она свободно лилась у него, умно, блестяще, с искрами юмора, с неожиданными ловкими оборотами, остроумными сравнениями, антитезами. Я, да и другие тоже,— продолжал Гончаров,— заслушивались его рассказами: он был виртуоз-рассказчик. Он отлично пользовался — не приобретенными систематическим путем, а всячески нахватанными знаниями почти во всем и обо всем... У него в памяти, как у швеи в рабочем ящике, были лоскутки всяких знаний, и он быстро и искусно выбирал оттуда нужный в данную минуту клочок... У него развился взгляд и вкус и в литературе и в искусствах, особенно в живописи»[12].

Воздавая должное уму и способностям своего бывшего начальника, писатель тем не менее отмечал, что, несмотря на активное участие в Отечественной войне, «серьезная, строгая сторона великой эпохи» все же ускользнула от него и он превратился в искусного чиновника-бюрократа, не способного довести начатое дело до конца. Губернатор, по мнению Гончарова, «в делах по своей должности был очень чуток, наблюдателен и зорок» и «снаружи дело так и кипело у него и около него,— и все-таки ничего нового, живого, интересного во всей административной машине не было... дело оставалось таким же, как он его застал»[13].

Впрочем, как раз ко времени появления писателя в родном Симбирске, Загряжский (Углицкий) загорелся очередной идеей — искоренить «нештатные доходы или поборы», о которых не мог не знать подробно. Он даже пригрозил судом двум-трем подчиненным, замеченным в мелких поборах. В такой обстановке, без особого труда, губернатор уговорил Гончарова начать служебную карьеру не в Петербурге, как тот намечал, а на родине, в должности секретаря губернаторской канцелярии, чтобы тоже бороться с закоренелым злом.

Очень скоро Иван Александрович убедился, что является «подставным секретарем», а важные дела продолжают вершить те же чиновники канцелярии, что служили в ней и раньше. А постепенно, под энергичным влиянием губернаторши, Гончаров вошел и в роль «подставного кавалера» ее дочери-подростка и стал своим человеком и в апартаментах начальника. Так продолжалось до весны 1835 года, когда неожиданно из Петербурга поступило известие об увольнении Загряжского от должности и причислении к министерству внутренних дел. Когда же Иван Александрович поинтересовался: «Что за причина? За что?», то губернатор «пролил целое море желчи на жандармов и на всех кого он подозревал из губернских властей в интриге против него»[14].

Сам же писатель, считая, что тот для дел «не сделал ничего ни

дурного, ни хорошего, как и его предместники», счел возможным упомянуть о «посторонней службе» причине, которая, по слухам, через жандармов «восходила до начальства»: Углицкий «был... женолюбив». Поведав читателям о некоторых его «любвях». Иван Александрович так подытожил эту деликатную тему: «Наконец говорили (это уже сплетня, должно быть), что жених одной красивой девицы... побил его по секрету за... чересчур явное и усердное поклонение своей невесте. Вот это последнее обстоятельство — секретные побои — и послужило будто бы главным мотивом доноса на губернатора и его отозвания... Я этому не верил и до сих пор не верю, то есть в причину отозвания. Но вообще в романах Углицкого теперь уже сомневаться не могу: сам видел их потом в Петербурге и за границею»[15].

В справедливости последнего суждения писателя сомневаться не приходится, ибо губернатор и на самом деле был «женолюбив». Однако, отрицая достоверность слуха о «секретных побоях» как первопричине отозвания его начальника из Симбирска, Гончаров тем самым отвергал измышления жандарма Стогова об интриге, якобы затеянной первым лицом губернии с дочерью князя М. П. Баратаева. Полковник, в частности, утверждал, что Загряжский ходил к ней на свидания нарядившись старухой: «Он так хорошо загримировался и играл свою роль, что сам отец указал как пройти к дочери. Загряжский похвастался и опозорил имя девушки. Дворянство ополчилось против него, стали грозить скандалом и даже кулачной расправой... И в конце концов Загряжский вынужден был удалиться отнюдь не почетно»[16].

В опровержении этой клеветы Гончарову, наверное, помогла «Заметка по поводу напечатанных в «Русской старине» воспоминаний г. Стогова», появившаяся 24 января 1879 года в симбирском «Волжском вестнике». Ее автор «Старожил», защищая со знанием дела честь имен Загряжского и Баратаева, вместе с тем подчеркнул, что деятельность самого Стогова в Симбирске ничем не была примечательной, «кроме самовольства».

В очерках «На родине» довольно много говорится о взяточничестве, которое процветало в Симбирске и с которым «все губернское общество не только мирилось», но даже покровительствовало этой системе чиновничьих доходов. Даже, по мнению Гончарова, «всякий священник или благочинный обязательно представлял в год две книги в консисторию, одну метрическую, другую не помню какую, прилагал, смотря по приходу, известную сумму для секретаря: кто сто, кто двести или более рублей»[17].

А вот губернатор, несмотря на то, что и квартира у него была обставлена модно, и щегольский экипаж с красивыми лошадьми держал, и картины приобретал недешевые,— «доходов» по должно-

сти не имел. «Нет, никогда,— подчеркивал писатель.— Он был очень опрятен, держал себя безукоризненно, джентельменом. Все, что доставлялось на губернаторский дом из лавок, оплачивалось немедленно. Так было во все время его губернаторства, и при отъезде его оттуда за ним ни у одного купца, ни в какой лавке не осталось ни гроша долга. Он щеголял этим, как щеголял изящным костюмом от петербургского портного, покроем и белизной белья...»[18].

Для более полной характеристики «барометра нравственности» своего симбирского начальника Гончаров отметил, что тот «на вечерах играл в карты, если не с азартом, то с значительным увлечением, между прочим и с откупщиком. Злоязычный Янов (сослуживец писателя.— Ж. Т.) рассказывал, что «откупщику не везет в игре»... Зачем же он не бросит, если проигрывает?— спросил я. Янов засмеялся и похлопал меня по коленке»[19]. И все-таки нельзя сказать, что карточные выигрыши у богача-откупщика — это замаскированное получение взятки. Во-первых, губернатор имел богатейший опыт карточной игры и снимал банк, как говорится, законно. А во-вторых, откупщик продолжал азартную игру, несмотря на проигрыши, в надежде на удачу, да и потому, что ему нравилось такое времяпровождение, к тому же за одним столом с первым лицом города и края. Словом, за такой почет не жалко было тряхнуть мошной.

Как бы продолжая полемику со Стоговым, утверждавшим о глубокой неприязни между губернатором и дворянством Гончаров показывает в своих очерках, какими многолюдными и теплыми оказались проводы, устроенные в мае 1835 года отъезжавшему сановнику. После того, как дворянство дало обильный прощальный завтрак, желающих проводить за город Загряжского набралось так много, что если бы существовала железная дорога, то понадобился бы целый поезд. «Впереди ехал дормез с губернатором и его семейством,— рассказывал Иван Александрович...— А затем на полверсты растянулась вереница экипажей с провожатыми обоего пола. Поезд замыкался коляской-тарантасом, где помещались я и Пряхин (писатель и его сослуживец.— Ж. Т.), с лакеем на козлах. А сзади нас — бричка с прислугой: горничной, камердинером, еще лакеем и мальчиком»[20].

Наконец, сам факт того, что Гончаров отправился из родного города в Петербург вместе с Загряжским, является убедительным свидетельством его лояльного отношения к бывшему начальнику. Только этим объясняется общение писателя с этим типичным сановником николаевской эпохи и в последующие годы, причем, как в столице, так и за границей.

Небезынтересно как вообще сложилась судьба Загряжского после расставания с Симбирском. С 1837 года он — член

консультации при министре юстиции и в 1841 году удостаивается чина действительного статского советника, то есть штатского генерала. В последующие десятилетия Александр Михайлович служит в Новороссийском крае, во время Крымской войны возглавляет дружину государственного ополчения Московской губернии, а завершил казенную службу аж в 1867 году, состоя при министре внутренних дел в чине тайного советника (приравненного к званию генерал-лейтенанта).

Скончался он в Москве в глубокой старости 11 июля 1883 года и похоронен рядом с могилами родных в Андрониковском монастыре. В некрологе, появившемся в «Московских ведомостях», подчеркивалось, что к А. М. Загряжскому благоволили императоры Александр II и Александр III, а сам он был «дружен со многими нашими и иностранными живописцами, виртуозами, композиторами, учеными и литераторами, а с Александром Сергеевичем состоял не только в дружбе, но и в близком родстве».

Однако отношения А. М. Загряжского с деятелями литературы и искусства, даже с такими корифеями как Пушкин и Гончаров, далеко не изучены. Ждет своего исследователя рукописное наследие бывшего симбирского губернатора.

Примечания

[1] Московские ведомости, 1883, 21 мая.
[2] Русская старина, 1879, т. 34, с. 174.
[3] ЦГИА СССР, Ф. 1281, оп. 2, д. 38, лл. 11—14.
[4] Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1916 год. Симбирск, 1916, отд. 1, с. 139.
[5] Рукою Пушкина. Л., 1935, с. 601—602.
[6] Пушкин А. С. ПСС, т. 10. Л., 1979, с. 354.
[7] Русская старина, 1878, № 12, с. 647—648.
[8] Бейсов П. С. Гончаров и родной край. Ульяновск, 1960, с. 34.
[9] Там же, с. 84.
[10] Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7. М., 1980, с. 268.
[11] Там же, 290.
[12] Там же, с. 296.
[13] Там же, с. 307.
[14] Там же, с. 332.
[15] Там же, с. 337.
[16] Русская старина, 1878, № 12, с. 649.
[17] Гончаров И. А. Собр. соч., т. 7, с. 292.
[18] Там же, с. 298.
[19] Там же, с. 299.
[20] Там же, с. 338.

И. А. КУТЕЙНИКОВ

Заметки о культурной жизни Симбирской губернии в конце XIX начале XX веков

История отечественной культуры — одна из интереснейших проблем исторической науки. Вопросы развития культуры Симбирского края всегда занимали значительное место в краеведческой литературе, начиная с классической краеведческой работы П. Л. Мартынова «Город Симбирск за 250 лет его существования»[1]. Некоторые проблемы культурной жизни края, прежде всего состояние народного образования, литературная, театральная жизнь, архитектура, нашли отражение в трудах, изданных в советский период[2]. Однако, сегодня многие исторические факты нуждаются в переосмыслении. В указанных работах ситуация, скажем в народном образовании трактуется довольно односторонне, слабо показана деятельность земств в деле просвещения. Почти не показано каковы были культурные запросы людей, как они удовлетворялись. Несколько восполнить этот пробел призваны эти заметки.

Безусловно определяющей тенденцией культурной жизни России конца XIX начала XX веков было осознание всеми слоями русского общества необходимости роста образовательного и культурного уровня народа. По данным Всероссийской переписи населения 1897 года в империи грамотным был только 21,1% населения[3]. Понимая явную ненормальность такого положения дел, правитель-

ство прикладывало значительные усилия для улучшения учебного дела. На рубеже веков резко возросли государственные ассигнования на нужды образования. С 1894 по 1904 гг. бюджет министерства народного просвещения увеличился с 22 до 42 миллионов рублей, кредиты на церковно-приходские школы возросли в 2,5 раза, на столько же возросли земские и городские ассигнования на нужды просвещения[4]. В правительственных и общественных кругах обсуждались и разрабатывались проекты школьной реформы. Главным направлением этой работы было обеспечение доступности начального образования и упрощение получения среднего образования. Уже в 1901 году в гимназиях была отменена обязательность греческого языка, сокращено преподавание латыни.

Проекты школьной реформы разрабатывались и в провинции. Так в 1907 году Симбирское губернское земство разработало проект «Нормальной школьной сети», с осуществлением которого должна была «явиться полная возможность для всех детей школьного возраста посещения нормальной школы»[5].

О глубокой заинтересованности в повышении образовательного и культурного уровня народа буквально всех слоев общества, а отнюдь не только радикально-социалистических сил, свидетельствует хотя бы комментарий к указанному земскому проекту школьной реформы, данный газетой «Симбирянин», которую традиционно принято считать крайне реакционной: «Проект должен обеспечить всеобщее народное образование для уже свободного народа, который не может долее оставаться темным и невежественным, призванный ныне к участию в законодательстве своей Родины, к участию в политической жизни ее; он должен развиваться и повышать уровень своих культурных познаний, к чему может и привести школа»[6].

Для более полного понимания проблем народного просвещения в Симбирской губернии в рассматриваемый период, следует рассмотреть содержание земского проекта «Нормальной школьной сети».

Прежде всего, обращает на себя внимание глубокий и беспристрастный анализ истинного положения в школьном деле. Подчеркивается, что «по развитию народного просвещения Симбирская губерния занимает в ряду других губерний России скромное 24—25 место. В 1904 году в уездах губернии грамотными были лишь 3,26% мужчин, и 1,8% женщин[7]. Основной причиной такого положения земцы считали отсутствие достаточного количества школ. В документе отмечалось, что в Алатырском уезде из 10929 детей обучается в школах только 5 тыс. детей, в Ардатовском — из 14534 только 5395 детей, в Буинском — из 13261 только 4210, в Карсунском — из 15302 детей учатся лишь 12702,

в Курмышском — из 12702 — 4609 детей, в Сенгилеевском — из 9961 — 4783, в Симбирском уезде из 13103 учатся только 5546 детей, в Сызранском — из 15622 — 7429 детей[8].

Для обеспечения возможности всем детям посещать начальную школу проект губернского земства предлагал построить в уездах края дополнительно 441 школу. Общее же число начальных школ в уездах губернии должно было составить не менее 929[9].

Кроме того, в земской программе предусматривалось рациональное размещение школ в сельской местности, при которой дальность расстояния от школ до наиболее глухих деревень была определена в 9,5 верст. Для тех же детей, кто не мог посещать школы ежедневно, при 35 учебных заведениях было предусмотрено открыть «школьные ночлежки». В них должно было разместиться 275 учащихся, в среднем по 8 человек в каждой ночлежке.

Не маловажно отметить, что в проект нормальной школьной сети «вошло все без исключения население, и русские и инородцы. Проектом предусмотрено субсидировать эти национальные школы за счет земства, но при условии непреследования ими задач «обрусительного свойства», дабы последним не пришлось столкнуться и вести борьбу с недоверием к ним народонаселения»[10].

Осуществлялись, в рассматриваемый период и меры по росту числа школ системы Министерства народного просвещения. С 1904 по 1914 годы в Симбирской губернии число средних учебных заведений возросло по этой линии с 4 до 21, а число начальных школ с 605 до 826[11].

Но и упомянутый нами земский проект введения общедоступного начального образования и многие другие проекты и реформы не были до конца воплощены в жизнь: над страной завеяли вихри революционных событий. Надо сказать, что проводя улучшения в системе народного образования, монархическая власть, как любая власть, ограничивающая демократию, упорно рубила сук на котором сидела: ведь именно образованная часть общества, интеллигенция, студенчество, учащаяся молодежь, в первую очередь поднимали лозунг «Долой самодержавие», находились в оппозиции правительству, из этой среды рекрутировалась значительная часть членов либерально-буржуазных и революционно-радикальных партий.

Взять хотя бы состав Симбирской группы РСДРП: в 1904—1906 годах, и, мы увидим что учащиеся и интеллигенция составляли ее основу. Чем выше уровень образования в обществе, тем значительнее стремление этого общества к демократии, политическим свободам. Хотя в России, как показывает исторический опыт, борьба за демократию обычно заканчивается ее противоположностью.

Между тем, Россия, а вместе с ней и Симбирская губерния, на

рубеже веков жили довольно насыщенной культурной жизнью, чему способствовала существенная либерализация духовной сферы. В литературе это было время Чехова и очень быстро ставшего известным Горького. На смену отошедшим в мир иной Д. В. Григоровичу, Я. П. Полонскому, А. Н. Майкову приходили новые кумиры. В начале XX века становятся широко известны И. А. Бунин, А. И. Куприн, активно печатались декаденты В. Я. Брюсов, Д. С. Мережковский, З. Н. Гипиус, К. Д. Бальмонт. Перед мировой войной весьма популярен, особенно у женщин, был «гений Игорь Северянин». Произведения этих литераторов были представлены в Симбирской народной библиотеке им. И. А. Гончарова. Между прочим, в начале века в Симбирске распространялся по подписке журнал «Заветы», где печатались Бунин, М. Горький, Пришвин. Торжественно был отмечен в 1912 году в городе столетний юбилей И. А. Гончарова.

Весьма заметным событием в литературной жизни Симбирска стал прошедший в мае 1914 года вечер популярного писателя-юмориста А. Т. Аверченко «при участии премьерши Санкт-Петербургских театров г. Садовской»[12]. Произведения писателя исполнялись автором и актрисой. Безусловно видное место в литературной жизни симбирян занимал в это время писатель С. Г. Петров (Скиталец). Его революционная поэзия была весьма известна в Симбирске, особенно в период 1905—1907 годов. Читали симбирские обыватели и другие книги. Очень популярными литературными героями становятся Нат Пинкертон и Шерлок Холмс. Герой Конан-Дойла появился и на берегах Волги в изданной в 1908 году книжке «Шерлок Холмс в Симбирске». Шагнул знаменитый детектив и на подмостки симбирского театра. В 1907 году здесь был поставлен спектакль «Марианни» — «продолжение Шерлока Холмса», как гласила афиша[13].

Вообще, если говорить современным языком, «индустрия развлечений» в Симбирске стремительно развивалась. Много и плодотворно работал театр. Обращает на себя внимание крайне насыщенный репертуар актерской труппы. За вечер в театре разыгрывалось две, а то и три пьесы. Только в феврале 1907 г. было поставлено тридцать три наименования драматических и музыкально-драматических произведений[14]. Причем дважды повторен был лишь один спектакль. В репертуаре находилась «Свадьба» А. П. Чехова и «На дне» А. М. Горького, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова.

Значительным событием в культурной жизни Симбирска стали гастроли театра В. Ф. Комиссаржевской, прошедшие в 1907 году. Великая актриса и ее труппа надолго остались в памяти симбирских театралов. 10 февраля 1911 года, в день годовщины смерти Веры

Федоровны в театре Д. С. Булычевой был дан спектакль «Вишневый сад», десять процентов сборов от которого поступило в фонд им. В. Ф. Комиссаржевской[15].

И все же отнюдь не классика занимала ведущее место на симбирской сцене. Чаще других на театральных афишах появлялись имена авторов, ныне забытых. В театре с успехом шли «Казенная квартира» и «Склеп» Рышкова, «Вторая молодость» Невежина, фарс Леонидова «Одолжи мне свою жену», «Безумие любви» Бара, драма Арсеньева «Боярин Нечай Ногаев».

И уж конечно не могли оставить симбирян равнодушными «боевая новинка Москвы и Петербурга» «Причуды страсти» и сенсационная новинка «Жрица огня»[16].

После спектаклей не редки были маскарады с призами. По воскресеньям в театре случались утренние спектакли для детей. Шли «Золушка», «Кот в сапогах», «Две сиротки». На радость детям, и не только им, в декабре 1915 года (война была в самом разгаре) на Ярмарочной площади Симбирска был торжественно открыт «теплый цирк». Вечернее представление имело быть в половине девятого, дневное для детей в два часа дня[17].

Весьма насыщенной была и музыкальная жизнь Симбирска, чему немало способствовало учреждение в 1907 году музыкально-драматического и художественного общества[18].

Не редкостью была в городе и классическая музыка. В феврале 1907 года в Зале дворянского собрания звучали сцены из опер «Пиковая дама», «Травиата». Бурю оваций вызвало исполнение гастролирующей певицей Асановой ариозо Кумы из оперы Чайковского «Чародейка». За билеты нужно было платить от 50 копеек до трех с половиной рублей[19].

Гораздо дешевле, всего 30 копеек стоил входной билет в «концертное зало» ресторана «Россия», где «с 26 декабря 1913 года и ежедневно шла совершенно новая программа известной труппы из сорока персон популярной артистки Юлии Мартенс — грандиозный концерт варьете»[20]. Начиналось действо в десять вечера. Кроме опереточных певиц, исполнительниц романов, танцоров, и куплетистов, гостям предлагался «первоклассный буфет, обильно снабженный русскими и заграничными винами лучших фирм и марок», где «на кухню обращено особое внимание»[12].

А в ресторане Троицкой гостиницы состоятельных посетителей потчевали «первоклассным румынским оркестром скрипача виртуоза Стефанеско» и «ежедневными растегаями с осетриной и семгой»[22].

Другой «знаменитый румынский оркестр А. Ковача», гастролировал в 1912 году в ресторане «Россия», где под скрипичную музыку и мелодичное пение подавались «вина русские и заграничные» и свежее «мартовское пиво, специального разлива, кружками»[23].

Между тем, прогрессировавшая «любовь» народонаселения к горячительным напиткам, вызывала беспокойство многих общественных сил, включая правительство и самого государя императора. В начале века в России развертывается борьба за трезвость, активно поддержанная властями. Интересно, что апрельские «трезвые дни», случались в Симбирской губернии задолго до перестроечных лет. Газета «Волжские вести» от 20 апреля 1911 года сообщала из Алатыря: «В дни трезвости 8—9 апреля — закрытие всех питейных заведений нисколько не повлияло на количество пьяных в городе, которых было едва-ли не больше обычного праздничного разгула. Не редкость было встретить барахтающегося в грязи обывателя, тщательно старавшегося поднять отяжелевшую голову и, в конце концов, беспрепятственно отдающегося в распоряжение городового»[24].

Быстро внедрялись в культурную жизнь и увеселительные зрелища, новейшие технические изобретения. Кино легко завоевало массу поклонников. В Симбирске перед мировой войной было уже шесть электротеатров. Их репертуар определялся тремя основными жанрами: драмами, комедиями и видовыми картинами. О содержании фильмов красноречиво свидетельствуют их названия. Первоклассный электротеатр «Ампир» привлекал зрителей на «сильные драмы», «Что сильнее смерти», «Разбитые мечты», комедию «Инкогнито его светлости». Электротеатр «Зеркало жизни» звал посмотреть «пикантный фарс» «Фёкла-миллионерша»[25].

Однако правительство уже на заре российского кинематографа, дозволяло показывать с экрана отнюдь не все, что угодно. В 1898 году было издано распоряжение, запрещающее показывать в кино Спасителя, Богоматерь, святых угодников.

Технический прогресс преподнес подарок и любителям музыки. Магазин И. С. Семенова предлагал меломанам пластинки Шаляпина, Михайловой, Неждановой, Карузо «в громадном количестве, по цене 65 копеек до 10 рублей»[26].

Любителям спорта, быстрой езды и острых ощущений предлагались мотоциклы «Зингер» мощностью от 2,5 до 5 лошадиных сил[27].

Знакомы были симбиряне и с авиацией, которая тогда была прежде всего сенсационным зрелищем. 29 июня 1912 года на ипподроме бегового общества состоялся «только один полет знаменитого авиатора А. А. Васильева». Билеты стояли от полутора до трех рублей. Причем лица, купившие билет за два и три рубля, имели право «осмотреть аппарат».

В водные путешествия по Волге от Твери до Астрахани приглашало ежедневно общество «Самолет» на своих пароходах «Л. Толстой», «Достоевский», «Некрасов», «Грибоедов», «Тургенев», «Крылов»[28].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что культурная жизнь края на рубеже веков была весьма насыщенной и динамичной. Симбирянам было где провести время, удовлетворить свои духовные запросы самого разного уровня.

Вместе с тем, приобщение к духовным ценностям было ограничено низким образовательным уровнем населения. Несмотря на усилия, предпринимаемые государственными и земскими кругами в деле народного просвещения, для значительной части жителей губернии недоступным было даже начальное образование. Накануне первой мировой войны 77,7 процента детей не имели возможности посещать школу[29]. Глубокое социальное расслоение общества, о котором достаточно много и аргументировано написано в краеведческой и иной литературе и, которое проявилось, в частности в культурно-образовательной сфере, стало той основой, на которой произрастали революционные катаклизмы.

Примечания

[1] Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1989.

[2] Родной город Ильича. Ульяновск, 1972.

Селиванов К. А. Литературные места Ульяновской области. Саратов, 1969.

Край Симбирский. Краткий исторический очерк. Саратов, 1989.

Лямин И. В. «Ливчак в Симбирске». В сб. «Краеведческие записки», вып. VII, Ульяновск, 1987.

[3] Энциклопедический словарь под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 4д, раздел «Россия», с. XX, СПб., 1907.

[4] Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Москва, 1992, с .182.

[5] Симбирянин, 1 февраля 1907 г.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Симбирянин, 1 февраля 1907 г.

[11] Край Симбирский, с. 218.

[12] Волжские вести, 25 мая 1914 г.

[13] Симбирянин, 2 февраля 1907 г.

[14] Симбирянин, №№ 98—118 за 1907 г.

[15] Волжские вести, 8 февраля 1911 г.

[16] Волжские вести, 7 апреля 1911 г.

[17] Волжские вести, 25 декабря 1915 г.

[18] См. Петров С. Б., Сковикова Е. Г. Наше музыкальное наследство. Ульяновск, 1992, с. 30.

[19] Симбирянин, 10 февраля 1907 г.

[20] Волжские вести, 25 декабря 1913 г.

[21] Там же.

[22] Симбирские вести, 12 декабря 1912 г.

[23] Там же.

[24] Симбирские вести, 20 апреля 1912 г.
[25] Симбирские вести, 2 апреля 1911 г., 25 декабря 1913 г., 13 апреля 1914 г.
[26] Симбирские вести, 28 января 1911 г.
[27] Симбирские вести, 13 апреля 1914 г.
[28] Симбирские вести, 28 июня 1912 г.
[29] Край Симбирский, с. 218.

И. Ф. МАКЕЕВА

К вопросу о воспитательном процессе в Симбирской гимназии

В рассматриваемый нами период (конец XIX — начало XX в.в.) гимназическое образование в России, несмотря на кризисные явления, развивалось с небывалой до того быстротой и силой. В это время рождались и расцветали многие новые педагогические идеи и концепции, совершенствовались формы и методы обучения и воспитания.

Это видно на примере Симбирской гимназии, которая в этот период являлась одним из лучших учебных заведений Казанского учебного округа по постановке учебно-воспитательной работы. В данной статье мы рассмотрим только два аспекта многосторонней учебно-воспитательной работы Симбирской гимназии, а именно «национальное» (патриотическое — И. М.) и эстетическое воспитание гимназистов.

Предложенный материал достаточно новый, так как исследователей истории Симбирской гимназии в основном интересовал период 70—80-х г.г. XIX в. Этому времени посвящены работы Н. О. Рыжкова, А. Л. Карамышева, Ж. А. Трофимова и других исследователей[1]. История гимназии конца XIX — начала XX в.в. освещается в «Исторической записке», составленной преподавателем А. С. Аргинским в 1909 г., к 100-летнему юбилею Симбирской гимназии[2]. Кроме того, по этой проблематике имеются историко-педагогиче-

ские исследования Ш. И. Ганелина, Н. А. Константинова, В. З. Смирнова, Э. Д. Днепрова[3]. В них раскрываются основные тенденции развития гимназического образования России на рубеже веков. Естественно, что эти работы не затрагивают конкретную историю учебных заведений, в частности, Симбирской гимназии.

В конце XIX — нач. XX в.в. классическая система образования, в которой главнейшими предметами обучения считались древние языки (латинский и греческий), находилась в состоянии кризиса. В связи с этим Министерством народного просвещения разрабатывались проекты нового устройства гимназий, предпринимались попытки изменить систему народного образования.

Предыдущее 20-летие (70—80-е г.г. XIX в.) было отмечено стабильностью и работой целиком и полностью на основании Устава гимназий и прогимназий 1871 года. В отличие от этого, рассматриваемый нами период 90-х г.г. XIX — начала XX в. отмечен многочисленными, зачастую кратковременными изменениями учебных планов и программ. Однако формально Устав 1871 г. не отменялся и действовал до 1918 года.

Необходимо отметить, что Министерством народного просвещения никогда не ставился вопрос о полном отказе от классической системы образования, дававшей юношам дорогу в университет. Педагоги неоднократно подчеркивали, что «надо строить новую гуманитарную школу, но по принципам классической школы[4].

Преобладающей тенденцией развития среднего образования начала XIX века стало превращение гимназий в «национальные». Министр народного просвещения П. Н. Игнатьев считал, что «обновленные гимназии должны быть национальными по духу, однако национальное воспитание должно было не утверждать в сознании учащихся национальную исключительность, а формировать у них справедливое отношение к народностям России, как к равноправным членам великого братства»[5].

Правительственные учебные заведения (к ним относились и классические гимназии) служили интересам и целям государства и общества. Основными целями воспитания являлись «укрепление в воспитанниках любви к правде, труду и нации, к нашему великому Отечеству и верноподданической преданности престолу, чувства религиозности»[6]. Реализации этих целей была посвящена деятельность подведомственных Министерству народного просвещения учебных заведений, в том числе и Симбирской гимназии.

В соответствии с правительственными циркулярами немаловажное место в воспитательной работе отводилось формированию «верноподданической преданности престолу». В ежегодных отчетах о состоянии гимназии отмечалось: «Торжественные дни выделялись из других праздничных. После литургии и торжественного

молебствования ученики собирались в зале в присутствии всего педагогического персонала в парадной форме. Хор и оркестр исполняли по одной патриотической песне: «Славься», «Многие лета», «Слава на небе» и другие. Затем исполнялся народный гимн («Боже, царя храни»), сопровождаемый троекратным «ура», и, наконец, все ученики по классам проходят перед портретом государя императора под звуки церемониального марша. Народным гимном заканчивается и ежедневная утренняя молитва»[7].

В мае 1896 г. вся Россия праздновала «священное коронование императора Николая II». Начальству учебных заведений рекомендовалось организовать и провести праздники так, чтобы они надолго запомнились учащимся.

В Симбирской гимназии это событие отмечалось в течение 4-х дней, с 13 по 16 мая 1896 г.[8] В первые два дня учащиеся гимназии присутствовали на всенощной и молебне в гимнастической Сергиевской церкви и в кафедральном соборе. После этого все ученики собрались в актовом зале, где при участии хора был исполнен народный гимн, а вечером на плацу для учеников организовали гуляние, сопровождавшееся иллюминацией, музыкой и пением (гимназический хор и оркестр), а также состоялось угощение учащихся за счет гимназии[9]. 15 мая в гимназической церкви был совершен благодарственный молебен о здравии императора, после которого преподаватель истории Н. С. Яснитский сделал сообщение о значении священного коронования. Вечером было такое же гуляние на плацу[10]. На следующий день в актовом зале гимназии ученикам были показаны «туманные картины»* исторического содержания с текстом и объяснениями, которые делал преподаватель истории и географии С. И. Порфирьев. После этого ученикам выдавались табели и отпускные билеты. Переводные экзамены по случаю коронования отменялись[11].

Большие празднования в Симбирской гимназии посвящались трехсотлетию дома Романовых. Опять-таки это было частью хорошо продуманной государственной программы, посвященной этому событию.

21 февраля 1913 г. в гимназическом храме состоялась торжественная литургия. В этот же день в гимназии проходил литературно-музыкальный вечер, где преподаватель Н. И. Ефимов произнес речь, а ученики исполняли различные произведения. Ученик VI «б» класса Борис Трофимов прочел собственное стихотворение «На день 300-летия дома Романовых»[12].) На следующий день для учащихся старших классов был организован

---

* «туманные картины» — демонстрировались с помощью прибора — «волшебного фонаря», принцип работы которого аналогичен диапроектору, изображение на экране появляется под воздействием света свечей.

танцевальный вечер с угощением за счет гимназии, а для младших классов состоялось чтение со световыми и «живыми» картинами и угощение. В память событий марта 1613 г. на средства «педагогической корпорации» и учеников для гимназического храма был приобретен образ Федоровской Божьей Матери в серебряной ризе, киот и лампада[13]. Летом того же 1913 г. состоялась ученическая экскурсия. Гимназисты посетили Москву и Кострому. Они возложили венок художественной работы на памятник 300-летия Романовых в Костроме. В честь юбилея была учреждена бронзовая медаль, которую получили все служащие гимназии[14].

«Воспитание преданности престолу» являлось важной, но не единственной составной частью «национального» (патриотического) воспитания гимназистов. Преподаватели гимназии стремились добиться у своих питомцев более глубоких знаний отечественной истории и культуры, обращаясь к великим историческим событиям.

В 1909 году в гимназии отмечался 200-летний юбилей Полтавского сражения[15].

В 1912 году во всей России царило воодушевление, связанное со 100-летием Отечественной войны 1812 года. Оно нашло отзвук и в Симбирской гимназии. Подготовка к юбилею началась заблаговременно, почти за год. Из преподавателей создали специальную комиссию, следившую за выходом в свет юбилейных изданий. Гимназистам было предложено собирать книги, письма, картины и другие предметы, относящиеся к тому времени, для устройства юбилейной выставки. Учителю пения поручили разучивать с учащимися патриотические песни, кантаты. Учитель рисования готовил декорации для «живых картин»[16].

6 июня 1912 года ученики старших классов гимназии (34 человека) совершили поездку в Москву, в Троицкую Лавру, на Бородинское поле и в Смоленск. Руководили экскурсией инспектор гимназии Г. Г. Сергиев и преподаватель словесности А. Н. Степанов. На юбилейные торжества в Москву отправились ученики VIII класса Надеждинский Вячеслав, Ухтомский Николай и Хоциалов Николай. В память об участии в торжествах им вручили юбилейные светло-бронзовые медали[17].

. Накануне 100-летнего юбилея Бородинской битвы в гимназической церкви была отслужена литургия, а 26 августа состоялся благодарственный молебен. В тот же день в гимназии прошел литературно-музыкальный вечер. На этом вечере преподаватель В. П. Трофимов произнес речь «О значении войны 1812 года», а преподаватель А. Н. Степанов — речь «Французы в Москве». Ученики гимназии читали подходящие случаю стихотворения, в том числе и собственного сочинения, а также исполняли вокальные и музыкальные номера. На этом же вечере был парад «потешных»

(гимназистов в форме участников войны 1812 г.) с участием ученического оркестра, а также «живые картины», представлявшие различные эпизоды войны. Гимназисты — «потешные» принимали участие в параде войск на Соборной площади Симбирска. В память о 100-летии Отечественной войны 1812 года гимназисты получили различные юбилейные издания[18].

В гимназии отмечались юбилеи выдающихся писателей и ученых России, трудившихся во славу Отечества. Причем нередко гимназия становилась своеобразным центром, объединявшим симбирскую интеллигенцию. Так, 26 декабря 1896 года в гимназии проходило чествование одного из основателей Карамзинской общественной библиотеки, уроженца Симбирска, известного поэта Н. М. Языкова. В актовом зале был установлен бюст поэта, увенчанный лавровым венком. Оркестр и хор исполнили гимн «Коль славен», после чего директор гимназии Е. С. Котовщиков прочел краткий очерк о жизни и деятельности поэта, а гимназисты продекламировали некоторые его стихотворения[19]. Интересно, что в этом акте принимал участие председатель Ученой архивной комиссии В. Н. Поливанов, который характеризовал личность Н. М. Языкова на основании хранившейся у него неизданной переписки поэта[20].

26 мая 1899 года Симбирская гимназия праздновала 100-летие со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина[21]. На литературное утро в гимназию были приглашены «избранные симбирского общества». Актовый зал гимназии был декорирован флагами. В центре зала находился бюст поэта, обрамленный тропическими растениями. Гимназические хор и оркестр исполнили гимн «Коль славен», а преподаватель словесности М. Ф. Козлов произнес речь. Учащимися декламировались стихотворения великого поэта, исполнялись различные музыкальные произведения. В заключение торжественного акта после гимна на слова Случевского к бюсту Пушкина гимназисты возложили лавровый венок[22].

Примерно по той же программе в гимназии проходили торжества в память великого русского писателя Н. В. Гоголя и поэта В. А. Жуковского[23]. В 1909 году состоялось празднование юбилея С. Т. Аксакова[24].

Очень широко в гимназии проходили торжества в честь великого русского ученого М. В. Ломоносова. 200-летие со дня его рождения отмечалось в 1911 году. В праздновании участвовали все гимназисты, но дифференцировано, по разным возрастным группам. После торжественной литургии учащиеся VIII класса направились в физический кабинет, где преподаватель математики и физики В. И. Лавров произнес речь «М. В. Ломоносов как ученый». Старшей группе (VI — VII кл.) преподаватель словеснос-

ти А. Н. Степанов сделал сообщение на тему «М. В. Ломоносов и его литературные заслуги». Были прочитаны произведения Ломоносова и других поэтов о нем. Средней группе (IV — V кл.) преподаватель словесности Ф. Г. Болотников произнес речь «Значение деятельности М. В. Ломоносова в истории русской литературы и литературного языка». Гимназисты прочли произведения Ломоносова. Младшей группе (I — III кл.) преподаватель А. Е. Коробов рассказал о жизни ученого, а учащиеся прочли два его стихотворения. Для всех возрастных групп гимназическим хором и оркестром была исполнена кантата в честь М. В. Ломоносова, а затем к его бюсту возложили лавровый венок[25].

Воспитание патриотизма, любви к Отечеству неотделимо от воспитания уважения и любви к «малой родине» — родному городу, своему учебному заведению.

В 1898 году праздновалось 250-летие Симбирска. Конечно же, воспитанники классической гимназии приняли в этом самое непосредственное участие. Здание гимназии было украшено флагами, а вечером иллюминировано. В 3-х средних окнах здания были выставлены транспаранты: на среднем — герб Симбирска, по правую сторону — портрет царя Алексея Михайловича, по левую — императора Николая II. Как обычно, в гимназической церкви были отслужены литургии. Гимназисты приняли участие в торжественном церковном шествии вокруг старой черты города (Кремля) и присутствовали на Соборной площади при общем молебне. На литературно-музыкальном вечере воспитатель пансиона Н. И. Романов прочитал краткую историческую записку о 250-летии существования Симбирска, а преподаватель А. А. Попов сообщил краткие исторические сведения об известных писателях — уроженцах Симбирска — Н. М. Карамзине, И. А. Гончарове, Н. М. Языкове, Д. Д. Минаеве[26].

В 1909 году Симбирская классическая гимназия отмечала свое 100-летие (она была открыта 12 декабря 1809 г.). 12 декабря 1909 г. состоялся торжественный акт, на котором присутствовали выпускники гимназии разных лет, преподносились памятные адреса. В актовом зале звучали стихи, посвященные 'alma mater', музыкальные произведения. В заключение отмечалось, что гимназия «и впредь будет готовить юношество на пользу Отечества»[27].

С 1914 по 1918 г. больших праздников и юбилеев в гимназии не проводилось в связи с войной. В это время усилия педагогов были направлены на воспитание «сознательного отношения к войне», патриотизма. Ежедневно проводился молебен «о даровании победы». Положение гимназии в годы войны заметно ухудшилось. Хотя преподаватели средних учебных заведений освобождались от призыва в армию, некоторые из них принимали участие в войне.

Преподаватель физики А. С. Голубев попал в плен к австрийцам, преподаватель Н. Д. Некрасов — к немцам, преподаватель гимнастики В. А. Хвощинский погиб. Были мобилизованы письмоводитель и нижние служители гимназии[28]. Ученикам старших классов было разрешено идти добровольцами в действующую армию. Ученик VII класса Мачтет стал в 1915 году Георгиевским кавалером. В 1916 году число добровольцев-гимназистов увеличилось еще на 12. Педагоги ежемесячно жертвовали 3% от своего жалованья на подарки на фронт к праздникам[29].

Когда в районе военных действий были закрыты учебные заведения, в стенах Симбирской гимназии разместилась Каменец-Подольская гимназия. Ее занятия шли во вторую смену[30]. Вскоре после начала войны преимущества при приеме в гимназию были даны детям лиц, призванных в действующую армию. Братство Преподобного Сергия Радонежского вносило за них деньги за право учения в гимназии.

В 1915 году из учеников Симбирской гимназии была организована трудовая дружина для помощи при жатве семьям, в которых не хватает рабочих рук в связи с мобилизацией в армию. С согласия родителей в дружину зачислили 32 гимназиста. Руководителем стал земский агроном Кабанов. В июне месяце 1915 г., после 2-х дневной подготовки с инспектором А. Н. Калягиным на ржаном поле выяснилось, что некоторые ученики не обладают достаточной силой и выносливостью. В трудовой дружине осталось 19 человек. 6 июля 1915 г. они выехали в село Лаишевку, «где успешно выполняли принятый на себя труд». Пробыли они в селе более 2-х недель, так как семей, которым нужна помощь, было много. Как отмечал директор гимназии В. П. Андронников, гимназисты «с полным желанием и сознанием долга исполняли непривычную для них тяжелую работу»[30].

Действительно, факт формирования трудовой дружины в гимназии — нетипичное явление для таких учебных заведений. Напротив, гимназистов всячески оберегали от тяжелого труда, а все связанные с этим обязанности в гимназии исполняли «нижние служители». Поэтому участие учащихся в дружие свидетельствует о высокой степени сознательности и нравственной зрелости.

Одним из важнейших направлений воспитательной работы гимназии в рассматриваемый нами период было эстетическое развитие учащихся. В этом отношении Симбирская гимназия являлась одним из лучших учебных заведений по Министерству народного просвещения. В ряду мер, принимавшихся для эстетического развития гимназистов наиболее видное место занимало обучение музыке.

Начало систематическому обучению музыке в гимназии было

положено в октябре 1889 г. (до этого ученики обучались лишь хоровому пению). Преподаватель французского языка Я. Ламбер выразил директору гимназии желание заняться музыкой с пансионерами и приходящими учениками «для совместной игры и составления оркестра»[31]. Казенных инструментов и нот в гимназии не было, для их приобретения в 1890 году организовали литературно-музыкальный вечер. На вырученные от реализации входных билетов деньги приобрели инструменты: корнет-а-пистон, контр-бас, скрипку-альт, тромбон. В конце того же 1890 года из специальных средств гимназии было выделено 300 рублей для покупки инструментов и нот для оркестра. Приобретенные инструменты раздали воспитанникам пансиона и бедным ученикам. Более состоятельные учащиеся приобретали собственные инструменты[32]. В следующие годы количество музыкальных инструментов пополнялось. К середине 90-х г.г. XIX в. гимназический оркестр достиг такого совершенства, что с большим успехом принимал участие в литературно-музыкальных вечерах. К этому времени в гимназии имелось уже два оркестра: струнный и духовой (бальный). Литературно-музыкальные и вокальные вечера нередко устраивались в актовом зале гимназии, а иногда они проходили в зале Дворянского собрания. Эти вечера посвящались историческим и памятным датам.

В 1894 году Министр народного просвещения, ознакомившись с отчетом попечителя Казанского учебного округа по обозрению учебных заведений г. Симбирска, выразил начальству Симбирской гимназии свое удовольствие по поводу хороших результатов, достигнутых в обучении музыке[33].Несколько ранее гимназию посетил известный композитор и концертмейстер В. И. Главач во время предпринятого им артистического путешествия по России. По поручению Министерства народного просвещения он ознакомился с постановкой музыкального образования в Симбирской гимназии, слушал хор певчих и гимназический оркестр. В. И. Главач был удовлетворен результатами, достигнутыми в обучении музыке[34].

Основная цель проводимых литературно-музыкальных вечеров сформулирована педагогическим советом гимназии следующим образом: «для развития в учениках художественного вкуса и чувства к изящному»[35].

Гимназические оркестры исполняли довольно сложные произведения русских и европейских композиторов, например, «Детскую симфонию» Гайдна, концерты Мендельсона, увертюру из оперы «Норма» Беллини, музыку из опер Верди, произведения Шуберта, Моцарта. Очень часто на литературно-музыкальных вечерах звучали произведения русских композиторов: Верстовского из оперы «Аскольдова могила», Глинки из оперы «Жизнь за царя», музыка Славинского[36].

После Я. Ламбера гимназические оркестры возглавил профессиональный музыкант Книгге. Нередко исполнялись музыкальные произведения в его обработке. Это вальсы, попурри из опер, попурри из русских песен.

Значительное внимание в гимназии уделялось обучению хоровому и сольному пению. Церковный хор возник с устройством в стенах гимназии собственного храма, в 1867 году. С начала 80-х г.г. XIX в. учащиеся начали обучаться светскому пению, а в 90-х г.г. XIX в. гимназический хор наряду с оркестром выступал на литературно-музыкальных вечерах. В это время регентом хора являлся А. Ф. Чапурский, позднее, в начале XX в. — А. Т. Тимей. Первоначально хор был один. В 1893 году он насчитывал 35 гимназистов[37]. Вокальные произведения исполнялись на 4 голоса (басы, альты, дисканты, тенора). В начале XX в. в гимназии стало уже два хора — младший и старший. Младший хор (I — IV классы) исполнял в основном русские народные песни, гимны, кантаты. Старший хор (V — VIII классы) включал в свою программу более сложные произведения[38].

Кроме хорового, гимназисты обучались сольному пению. Ими исполнялись арии из опер, романсы. Все это свидетельствует о том, что музыкальное образование в Симбирской гимназии стояло на высоком, на наш взгляд, практически профессиональном уровне.

Однако эстетическое развитие гимназистов не исчерпывалось музыкальным образованием. По желанию, в свободное от уроков время, гимназисты, особенно воспитанники пансиона, могли обучаться танцам. В гимназии проводились танцевальные вечера.

С середины 90-х г.г. XIX в. в гимназии было положено начало изучению истории искусства. В первое время оно сводилось к написанию наиболее способными гимназистами реферата на избранную тему. Поскольку в гимназической программе очень хорошо прослеживались межпредметные связи (словесность — история — древние языки), для учащихся не представляли особой сложности рефераты, к примеру, о культуре и искусстве античности. Они выполнялись обычно под руководством преподавателя-словесника. Обучение в старших классах гимназии предполагало достаточную степень умственной зрелости ученика. Например, в VIII классе в 1891 году гимназисты писали домашнее сочинение на тему: «О границах живописи и поэзии в статье Лессинга»[39], а в 1913/14 г. на тему «Взаимоотношение искусства и жизни»[40]. Конечно же, такие темы предполагали высокий уровень осмысления материала, развитое абстрактное мышление.

Для рефератов в начале XX в. учащиеся получали более конкретные темы «Влияние греческого искусства на европейскую культуру», «Фресковая живопись в Древней Руси»[41] и др. Реферат

обсуждался вместе с преподавателем, а затем он зачитывался перед всем классом. Такие чтения проходили очень интересно, а гимназисты-авторы получали первый опыт защиты научной работы. Беседы проводились в торжественной обстановке, в актовом зале гимназии. После чтения реферата обязательно выступал оппонент из учеников, после чего участие в обсуждении принимал весь класс. Заключение делал преподаватель.

На более высокий уровень эта работа была поставлена преподавателями А. Н. Степановым, Б. П. Денике, Д. И. Архангельским. Они систематически проводили занятия по истории искусства с гимназистами-старшеклассниками. Свои лекции преподаватели сопровождали показом «туманных картин», репродукций шедевров живописи и архитектуры. Гимназисты готовили рефераты, выступали с ними. Занятия по истории искусства проходили во внеурочное время. Во время летних вакаций гимназисты с этими же преподавателями выезжали на экскурсии в Москву, Петербург, другие города России[42].

Начиная с 1902 г. в Симбирской гимназии стали организовывать выставки ученических работ. Было представлено 3 раздела: прикладной (ажурные, плетеные работы, макеты, фотография), технический (гальванопластика, действующие модели, систематизированные коллекции по биологии, минералогии), художественный (живопись, орнамент, лепка, архитектурные проекты). В 1992 году выставка действовала 3 дня, на ней побывало более 600 человек, в том числе губернатор. Особый интерес посетителей вызвали: макет Эйфелевой башни ученика V-го класса Гребенщикова, действующие модели паровоза и телеграфа ученика VII класса Колосова, картины «Ледоход», «Осенний вечер» ученика VII класса Зыкова, архитектурные проекты ученика VI класса Хованского, орнаменты ученика IV класса Стеклова. Большая роль в организации этой выставки принадлежала преподавателям рисования и физики[43].

С 1909 года преподавателем рисования в Симбирской гимназии состоял Д. И. Архангельский. Кроме обычных уроков в младших классах, он занимался со способными учащимися старших классов. В 1910 году директор гимназии писал о его педагогической деятельности в годовом отчете: «Очень любит свой предмет и умеет пробудить к нему интерес. Работы его учеников занимали видное место на бывшей в гимназии выставке, привлекали внимание посетителей.[43] .

С 1902 года проведение выставок стало регулярным. Они проходили раз в 2—3 года. Последняя состоялась в апреле 1914 г.[44]

В начале XX в. кроме литературно-музыкальных, вокальных и танцевальных вечеров в гимназии начали устраивать и ученические спектакли. В их постановке участвовали преподаватели словесности,

декорации изготавливали сами гимназисты под руководством преподавателя рисования. На сцене актового зала гимназии ставятся пьесы А. П. Чехова («Медведь»), Н. В. Гоголя («Женитьба»), А. Н. Островского («Лес») и др.[45].

Из всего вышеизложенного видно, что на рубеже веков воспитательная работа в Симбирской гимназии стояла на довольно высоком уровне. Гимназия вносила свой вклад в формирование интеллектуального потенциала России, закладывала то, что мы называем основами русской интеллигентности, давала своим питомцам всестороннее умственное и нравственное развитие.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рыжков Н. О. Симбирская гимназия в годы учения А. И. и В. И. Ульяновых (1874—1887). Ульяновск, 1931.

Карамышев А. Л. Симбирская гимназия в годы учения В. И. Ленина. Ульяновск, 1958.

Трофимов Ж. А. Гимназист Владимир Ульянов. Саратов, 1975.

Трофимов Ж. А. Великое начало. М., 1979. и др.

[2] Агринский А. С. Симбирская гимназия. Историческая записка. Симбирск, 1909.

[3] Ганелин Ш. И. Классические гимназии, реальные училища. В кн. «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 2 пол. XIX в.» М., 1976, стр. 127—181.

Константинов Н. А. Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до февральской революции 1917 г. М., 1956.

Смирнов В. З. Очерки истории школы и педагогики. М., 1963.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. К XIX — н. XX в. Сб. ст. Отв. ред. Э. Д. Днепров. М., Педагогика, 1991.

[4] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Отв. ред. Э. Д. Днепров. М., 1991, стр. 53.

[5] Там же, стр. 71.

[6] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 1059, л. 13.

[7] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 1140, л. 46.

[8] Агринский А. С. Историческая записка. С-к, 1909, стр. 140.

[9] Там же, стр. 140.

[10] Там же.

[11] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 1066, л. 3—5.

[12] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 2000, л. 8.

[13] Там же, л. 8об.

[14] Там же.

[15] Агринский А. С. Историческая записка. С-к, 1909, стр. 142.

[16] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 1911, л. 22.

[17] Там же, л. 22об.

[18] Там же, л. 23.

[19] Агринский А. С. Историческая записка. С-к, 1909, стр. 141.

[20] Там же.

[21] Агринский А. С. Историческая записка. С-к, 1909, стр. 142.

[22] Там же.

[23] Там же, стр. 142.

[24] Там же.
[25] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 1907, л. 10—11.
[26] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 1052, л. 36об—37об.
[27] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 1757, л. 98.
[28] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 2399, л. 8—8об.
[29] Там же.
[30] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 2443, л. 32.
[31] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 895, л. 53.
[32] Там же.
[33] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 921, л. 6.
[34] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 652, л. 8об.
[35] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 667, л. 3.
[36] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 890 и др.
[37] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 895, л. 53.
[38] Там же.
[39] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 745, л. 9об.
[40] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 2123, л. 3об.
[41] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 938, л. 22.
[42] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 1631, л. 5—6.
[43] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 1319, л. 1—4.
[43а] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 1982, л. 6.
[44] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 2194, л. 26об—27.
[45] ГАУО, ф. 101, оп. 1, ед. 2857, л. 9.

Ю. Д. ЕФИМОВ

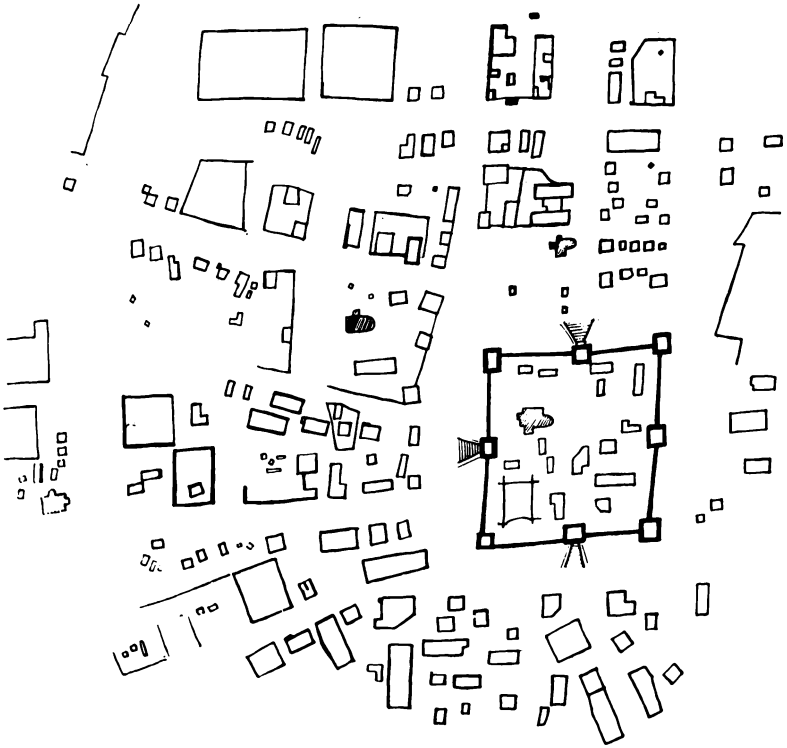
К вопросу о планировке Симбирска XVII — XVIII веков

Сколько либо полных исследований о зарождении и развитии планировки Симбирска нет, имеются лишь краткие сведения в местных изданиях до 1917 года[1]. Некоторые вопросы истории градостроительства Симбирска находят отражение в общероссийской литературе[2].

В краеведческой литературе последних десятилетий нового появилось мало. Вопросами планировки Симбирска в той или иной мере занимались краеведы С. Л. Сытин, Б. В. Аржанцев, А. С. Сытин, М. Д. Рябушкин, В. И. Ледяйкин, И. А. Замалетдинов.

В настоящей статье, на основе выявленных автором новых источников, и в первую очередь самого раннего известного на сегодняшний день, плана города 1738 года, делается попытка осветить некоторые страницы истории градостроительства Симбирска.

Самый ранний план Симбирска[3], сочиненный казанским чертежником Кириллом, датируется 1738 годом, но, к сожалению план сильно поврежден (сохранился лишь фрагмент центральной части города), лишен масштаба и расшифровки. Неизвестно и для каких целей он был составлен. Но ценность его состоит в том, что кроме кремля, на плане уже намечены центральные улицы города. Этот план вместе с последующими по времени планами 1779 и 1780 годов[4]



Фрагмент плана г. Симбирска 1738 года.

и письменными источниками, дают возможность установить, что на протяжении второй половины XVII и XVIII века в Симбирске сложилась радиально-лучевая планировка улиц, которая в целом дошла до наших дней. Попытаемся рассмотреть как эта планировка зарождалась и развивалась.

Известно, что Симбирск был основан в 1648 году как крепость. Симбирская деревянная крепость или кремль, представляла в плане четырехугольник, стороны которого имели протяженность около 200 метров. Границы кремля, если пользоваться современными ориентирами, проходили, примерно, следующим образом: восточная стена проходила по бровке Волжского склона (бульвар Новый Венец), южная — по нынешней площади Ленина и у гостиницы «Советская», западная — между административным зданием на площади Ленина и улицей Советской, а северная стена — между зданиями Ульяновского сельскохозяйственного института и Областного краеведческого музея.

По углам и сторонам деревянного кремля находились башни: на востоке — Наугольная и Никольская, на севере — Спасская, на западе — Вознесенская и на юге — Крымские, Спасские, Вознесенские, Тайницкие и Свияжские[5].

Одновременно со строительством крепости, внутри нее строилась Троицкая церковь. К юго-востоку от нее формировалась первая в городе площадь, вокруг которой хаотично располагались: воеводский дом, таможня, приказная изба, пороховые и соляные погреба и другие административные и военные постройки[6]. Улиц в кремле не было.

Кремль неоднократно горел. Большие пожары произошли в 1671, 1710 и 1738 годах. После пожаров кремль восстанавливался практически в прежних границах. Восстанавливались и сгоревшие строения внутри него, но далеко не все, так как кремль, как военный центр, постепенно утратил свое значение, в связи с тем, что границы России отошли далеко на восток. Симбирская засечная линия с 1708 г. потеряла свое оборонительное значение[7].

В 1759 г. из кремля в Уфу были отправлены все пушки, а гарнизон кремля сокращен до 12 солдат Караульной службы[8]. С 1767 г. оставшиеся обветшавшие стены, межстенные переходы и башни начинают разбирать[9]. Во время рекрутского набора в 1768 г., который проводился в кремле, рекрутов задержали на несколько дней для разборки сгнивших строений[10]. В 1776 году по решению Симбирской провинциальной канцелярии разбираются остатки стены и угловой башни на восточной стороне кремля (район нынешнего здания филармонии). Крепкие бревна и доски были использованы для ремонта дома воеводы, «магазина» для хранения

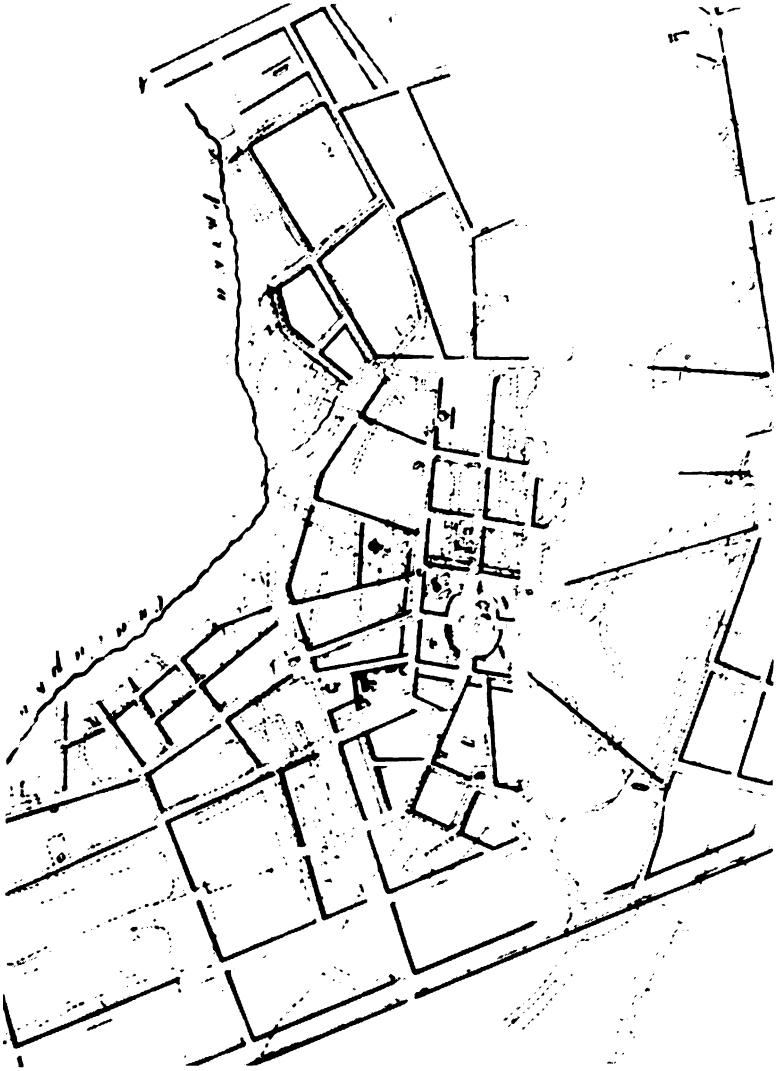
неприкосновенного запаса хлеба и соли. Сгнившие бревна и толстые доски продавались жителям города на дрова. Железные скобы, петли и кованые гвозди были обменены на оконное стекло. К 80-м годам XVIII века от Симбирского кремля практически уже ничего не осталось. В 1783 году надворный советник Т. Г. Масленицкий в «Топографическом описании Симбирского наместничества» отмечал, что четырехугольная крепость состоит из остатков пяти деревянных башен[12].

Если на плане 1738 года, кроме Троицкой церкви, в кремле мы насчитываем 15 строений, а на плане 1779 года — 8 строений, и на плане 1780 года, где нанесена новая планировка, предполагаемая к регулярному построению, утвержденном Екатериной II 14 марта 1780 года — 5 строений[13], то на четырех других планах 1780 года отмечены 4 строения[14] — каменная палатка для казны, деревянная полуземлянка для казны, гауптвахта с кордегардиею (помещение для охраны гауптвахты) и архив[15]. Данные этих планов подтверждают высказывания дореволюционных исследователей, что к началу 80-х годов XVIII века остатки сооружений Симбирского кремля нельзя рассматривать как оборонительные сооружения. Видимо, приведенные выше планы были составлены разными исполнителями на основании более ранних планов (на одних планах кремль отмечен, а на других нет).

Одновременно со строительством кремля, к северо-западу от него, велось строительство Спасского женского монастыря. Окружающие монастырь стены и внутренние строения (покои настоятельницы, Келарня, трапезная, монашеские кельи, амбары) на протяжении второй половины XVII века и всего XVIII века были деревянными, что подтверждают монастырские приходно-расходные книги[16], а южная стена монастыря в 1764 году представляла собой обыкновенную деревянную изгородь[17].

Вокруг кремля и монастыря размещался посад, где селились жители города. В 1681 году в посаде насчитывалось 510 дворов, большие усадьбы здесь имели купцы братья Ивановы и «посадские люди» Ф. Л. Сибиряк и Д. З. Скурмин[18]. Посад частично окружали ров и вал, которые пролегали в районе нынешней улицы Гончарова. Ров и вал в плане представляли ломаную дугу, центр которой находился где-то у юго-восточной части кремля (район филармонии). Сооружение рва и вала вокруг посада можно рассматривать как создание второй линии обороны города. Но сооружение рва и вала было прекращено в 1669 году[19]. По-видимому, это связано было с тем, что город рос и ему стало тесно в границах посада, к тому же застройка велась уже и за пределами рва и вала. В 1678 году в Симбирске насчитывалось 605 дворов, где проживало 1579 человек[20]. К посаду примыкал острог, находившийся на Волжском склоне (район филармонии).

План центральной части г. Симбирска. 1779 г.



План центральной части Симбирска. 1780 г.

Кремль и Спасский женский монастырь стали организующим началом, ядром будущего города.

С момента основания, кремль становится местом расположения воинских частей, и в первую очередь, стрельцов. Однако размеры кремля не позволяли их всех вместить. Поэтому севернее кремля уже через пять лет с момента его основания начинается строительство домов и казарм для стрельцов[21]. Эти строения формировали одну из первых улиц города, которая и стала называться Стрелецкой (улица была уничтожена в 1968—1969 годах). На этой улице была построена деревянная Никольская церковь, которая закрепила складывающуюся планировку. Одновременно со строительством домов и казарм на Стрелецкой улице появились островки бревенчатой мостовой. Эту мостовую можно рассматривать как первое бревенчатое покрытие проезжей части улиц[22].

На месте нынешнего Карамзинского садика находился плац для построения стрельцов, которых в 1658 году числилось 1070[23]. На плацу велась и торговля. В 1691 году построения стрельцов прекратились[24] и плац превращается в торговую площадь.

От ворот кремля лучами расходились в разные стороны дороги. Эти дороги положили начало формирования улиц города.

К первой из них можно отнести улицу, которая с начала XVIII века стала называться Московской (ныне улица Ленина). Улица сформировалась вдоль кратчайшей дороги, связывающей ворота кремля с рекой Свиягой. Вдоль дороги, ближе к Свияге, первоначально возникла Московская слободка[25]. Московская улица уже к началу XVIII века сформировалась и была полностью застроена[26]. Она пересекла границы недостроенного рва и вала. Подворная перепись Симбирска 1723 года подтверждает, что к тому времени пустующих земельных участков на улице уже не было[27].

Застройку Московской улицы закрепили построенные в первые годы существования города деревянная Вознесенская и каменная Богоявленская церкви. Местность вокруг Богоявленской церкви называли «свияжской конной слободой», где в XVII веке жили служилые конные казаки.

Московская улица определила направление соседних улиц[28]. В начале XVIII века вблизи Свияги был открыт Покровский мужской монастырь, который до 1723 года назывался Богоявленским[29]. Вокруг монастыря образовались параллельные друг-другу Сиротская и Застенная улицы. Их пересекла улица (дорога) Сызранская. На планировку этого района оказывали влияние реки Свияга и Симбирка. Здесь сложились почти взаимно-перпендикулярными рядами улицы Московская, Покровская, Анненковский переулок, улица Лисиная. Южная часть Московской и Панской улиц плавно изогнута по течению р. Симбирки.

На планировку улиц города влияли и находившиеся на них десятилетиями некоторые казенные учреждения, дома лиц, занимавших высокие, для того времени, должности на государственной и частной службе, а также объекты торгово-хозяйственного назначения. Некоторые из них нам известны. Например, в 1765 году на Покровской улице находилась усадьба конторы экономического казначея Симбирской провинции[30]. На этой же улице стоял дом управляющего Симбирскими вотчинами графа С. Б. Шереметьева[31]. Здесь же с 50-х годов XVIII века находился казенный винный подвал[32]. А на Панской улице существовал кабак[33]. На Лисиной улице с 1730 года находились строения Симбирской таможни, перестроенные из «хором» управляющего симбирскими вотчинами князя А. Д. Меншикова[34].

Симбирск не имел ямской службы[35]. В Симбирском крае ее имели только Алатырь и Курмыш. Однако на Московской улице в середине XVIII века на постоялом дворе можно было нанять лошадей для поездки в отдаленные населенные пункты и пересылки корреспонденции. Это подтверждается документами 1752 и 1763 годов[36]. На этой же улице, ближе к кремлю, находились жилые дома Симбирского провинциального магистрата, сдаваемые в наем[37].

В 1715 году в конце улицы Московской через Свиягу на летний период был сделан мост из деревянных брусьев, прижатых друг к другу и связанных толстыми веревками[38]. Существовал ли раньше мост через Свиягу нам неизвестно. В 1755 году был построен деревянный мост, поднятый над водой и опиравшийся на 6 деревянных быков[39]. С постройкой этого «регулярного» моста значение улицы Московской для города возросло, так как сообщение с другими населенными пунктами стало регулярным.

У слияния р. Симбирки со Свиягой горожане заготовляли лед для ледников и погребов. Лед в Покровский монастырь возили по Сиротской улице (Сиротскому проезду)[40], получившей название по расположенной рядом Сиротской слободе.

На берегу Свияги, около моста, на протяжении десятилетий работали торговые (общественные) бани[41].

Так складывалась планировка западной части города. А на противоположном берегу Свияги находилась Конно-Подгорная слобода, получившая название по размещавшемуся здесь Симбирскому конному полку, сформированному в 1708 году[42]. Позже, в 1737 году, в казенных жилых строениях слободы размещались солдаты Симбирского пехотного полка[43], а в 1741 году здесь квартировали солдаты Симбирского гарнизонного полка[44].

Прекратившееся в 1669 году сооружение рва и вала вокруг посада, в свою очередь повлияло на строительство за их пределами. Дороги, ведущие от кремля, определили в дальнейшем направление

улиц и за границами рва и вала, то есть за пределами нынешней улицы Гончарова.

В северной части города, улицы протянулись вдоль дороги на Казань и бровки реки Волги. Здесь сформировались улицы Шатальная (Карюкина), Мартынова (Радищева), Староказанская (Красноармейская). Их пересекали Малоказанская улица (Красногвардейская), Смоленская улица (Рылеева) и другие улицы и переулки. В северо-западной части города вытянулась вдоль реки Симбирки улица Лосевая (Федерации)[45]. Здесь, на Симбирке, находились мельницы. Дамбы и плотины этих мельниц можно считать первыми гидротехническими сооружениями Симбирска[46].

Линию недостроенного рва и вала пересекла и улица, которую в дальнейшем назвали Дворцовая (улица К. Маркса). Она пролегла от кремля вдоль северной стены Спасского монастыря. Можно предположить, что на продолжении этой улицы за границы посада повлияло то, что в 40-е годы XVIII века за рекой Симбиркой располагались временные казармы для военных частей, в 1741 году здесь же проходил сбор рекрут по Симбирскому уезду[47]. Таким образом, Дворцовая улица положила начало развитию города на запад. А для нужд складывающейся ярморочной площади (район завода «Контактор» и Центрального рынка) в 1742 году через реку Симбирку был построен деревянный мост[48]. Ярморочная площадь сформировалась на рубеже XVIII и XIX веков[49].

Перенесемся теперь на юг. О планировке этой части города можно сказать лишь следующее. Строительству Александровской больницы, которая была открыта в 1804 году[50], предшествовали проекты больницы еще 80-х годов XVIII века, которую хотели построить у дороги на Сызрань, на пустующих землях[51]. План территории этой больницы представлял квадрат. Не исключено, что проект непостроенной больницы повлиял на выбор и ориентиры Александровской больницы,которая в свою очередь повлияла на границы Александровской площади, будущего общественного сада и на застройку пустыря, положив начало улицам, которые позже стали называться Солдатской (улица Минаева) и Александровской (улица Куйбышева и площадь III Интернационала). Эти улицы пересекали дорогу, ведущую от Покровского монастыря на юг, которую во 2-ой половине XVIII века называли «Сызранская» или «Сызранский выезд»[52].

На Волжском склоне, где начинался Петропавловский спуск, Солдатская улица соединялась с Саратовской улицей. В этом районе в середине XVIII века находились склады И. Т. Твердышева — крупнейшего купца Поволжья[53]. В этом же районе, в домах симбирян в 1741 году были поселены пленные шведские офицеры[54].

Восточная часть города — Подгорье, начала формироваться еще

до основания Симбирска. Эту часть не затронула радиально-лучевая планировка, которая складывалась около кремля. Главными факторами, повлиявшими на пространственно-планировочную структуру Подгорья, явились Волга и Волжский склон. На застройке Волжского косогора сказывались и оползни, которые упоминаются в документах 1727 года[55]. Беспокоили жителей Подгорья и весенние подмывы берегов.

На Волжском берегу в районе будущего Симбирска еще в начале XVII века появились поселения рыбаков. Берега и рыбные ловли здесь принадлежали крупнейшим монастырям России: Новодевичьему, Чудову, Троице-Игнатьевскому, Троице-Сергиевскому, Савво-Сторожевскому и другим[56]. Характер деятельности населения определил и характер построек. Кроме жилья здесь сооружались амбары, погреба, ледники, коптильни, навесы для вяления рыбы и т. д.[57]

Волжский берег еще до основания Симбирска и вплоть до конца XVIII века являлся местом оживленной торговли[58].

Таким образом, поселения рыбаков, купцов и работного люда уже в третьей четверти XVII века слились в единое целое[59].

Подгорье было связано с городом спусками, получившими название по церквам — Петропавловский, Преображенский, Смоленский и Тихвинский.

Кроме церквей, в Подгорье находилась Успенская пустынь или Успенский мужской монастырь (первоначально пустынь называлась Симбирской Подгородной Соловецкой Пустынью), окончательно закрытый в 1764 году, вокруг которого сложилась Успенская слобода[60].

Можно предполагать, что планировка Подгорной части Симбирска, какой мы ее видим на планах XIX века, складывалась под влиянием вышеизложенных факторов, на протяжении XVII — XVIII веков.

На планировку города, особенно в удалении от кремля, влияли и многочисленные пожары, после которых шло восстановление «погорелых мест». При этом обозначившиеся улицы, как правило, восстанавливались в прежних границах. Но некоторые улицы после пожаров «спрямлялись», расширялись, а иногда прокладывались прямо по слободам в тех местах, где до того улиц не было, а стояли отдельные дома, размещались сады и огороды. Так, например, застраивались северная часть улицы Дворцовой[61]. Те сооружения и обгорелые строения, которые выступали на улицу за «красную» линию, и которые стояли к формирующейся улице вкось и под углом, сносились.

После пожаров появлялись новые улицы и переулки. Но процесс этот был длительным и хаотичным. Город рос, увеличивался в своих

границах и как следствие этого в его пространственно-планировочной структуре происходили изменения.

В конце XVIII века на основании указа Екатерины II, провинциальные города начали перепланироваться по системе «регуляторства» (по строго геометрической системе), специально созданной для этого «комиссией каменного строительства Петербурга, Москвы и других городов». С этой целью в 1780 году были разработаны планы Симбирска. Однако они не были реализованы и город не был перепланирован в «новом вкусе».

Таким образом, кремль, Спасский женский монастырь, дороги, расходящиеся веером от кремля и первые строения вдоль них явились начальными вехами будущего города. Зарождающуюся сетку улиц закрепляли многочисленные церкви, после чего улицы приобретали окончательные контуры.

Важнейшим градоформирующим фактором являлся кремль — ядро города, который положил начало радиально-лучевой планировке города, за исключением Подгорья, развивавшегося самостоятельно.

Застройка велась с учетом особенностей рельефа местности, рек Свияги, Симбирки и Волги, а так же озера Маришки (район улицы Федерации).

Планы 1738, 1779 и 1780 годов и письменные источники позволяют сделать вывод, что планировка города, зародившаяся в первые десятилетия его существования, в основном сложилась в первой половине XVIII века.

Примечания

[1] Мартынов П. «Град Симбирск за 250 лет его существования». Симбирск, 1898;

Невоструев К. И. «Историческое обозрение Симбирска от первых времен его до воздвижения на степнь губернского города». Симбирск, 1909;

Невоструев К. И. «Сведения о бывшем Симбирском Успенском монастыре («Симбирский сборник т. II», 1870);

Зерцалов А. Н. «Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII в.в.», Симбирск, 1900;

Перетяткович Г. «Поволжье в XVII — начале XVIII в.в.», Одесса, 1882;

Яхонтов А. «Город Симбирск (1648—1898)». Симбирск, 1898;

«Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии», Симбирск, 1868;

«Книга строельная города Симбирска». Симбирск, 1897;

Гриценко Н. П. «Очерки по истории Симбирска-Ульяновска и Ульяновской области», ч. 1, Ульяновск, 1948;

Бросман А. И., Медведев Н. Н. «Ульяновск». М. 1973;

Голенко Е. И. «Ульяновск». М. 1956.

[2] «Новый и Полный географический словарь Российского государства или лексикон» ч. 5. М. 1789 г, с. 137—139;

«Акты Московского государства» т. II, СПб. 1894. с. 190, 204, 308, 330;
Яковлев А. «Засечная черта в Московском государстве в XVII в.» М. 1910;
Воронин Н. Н. «Древнерусские города». М.—Л. 1945;
Трубе Л. Л. «Волжские города» («Вопросы географии», сборник № 45, М. 1959);
«Городские поселения в Российской Империи» СПб, 1864, т. IV., с. 501—509;
Шкваріков В. А. «Очерки истории планировки и застройки русских городов». М. 1954;
Маковецкий И. В. «Заметки о памятниках деревянной архитектуры Поволжья». М. 1951;
Осятинский А. И. «Строительство городов на Волге», Саратов, 1965 г.;
Алексеева М. А. «Виды российских городов» (Сообщения Государственного Русского музея. вып. VIII,), Л. 1958;
Тверской Л. «Русское градостроительство до конца XVII в.» М. 1956;
Подключников В. «Стратегический фактор в планировке древнерусских городов». Сообщения кабинета истории и теории архитектуры МГУ вып. III, М. 1943;
Никитин А. «Оборонительные сооружения засечной черты XVI—XVII в.в.», М. 1954;
Осятинский А. И. «Градостроительство Поволжья с древнейших времен до начала XX в.» Саратов, 1967;
Шкваріков В. А. «Планировка городов в России в XVIII и начале XIX века» М. 1939.

[3] СПБ. ОИ РАН, кол. 221, № 1067, 1738 г.

[4] ЦГИА, ф. 1293, оп. 168, д. 8; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21581, л. 11.

[5] Невоструев К. указ. соч. с. 11, 22.

[6] ЦГАДА, ф. 1159, оп. 1, д. 2, л. 8об; ф. 281, оп. 8, д. 11527.

[7] Архив РАН, ф. 3, оп. 10б, д. 44, л. 1—3; ЦГАДА, ф. 443, оп.3, д. 6, л. 98.

[8] ЦГВИА, ф. 5, оп. 1, д. 12017, л. 6; ф. 802, оп. 1, д. 6.

[9] ЦГВИА, ф. 802, оп. 5, т. 9, д. 118; ф. 349, оп. 1, д. 1480; ЦГИА, ф. 557, оп. 1, д. 6.

[10] ЦГАДА, ф.280, оп. 6, д. 3846, л. 5об; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19024.

[11] ЦГАДА, ф. 1088, оп. 11, д. 384, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19025.

[12] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1926, д. 1924; ЦГИА, ф. 1355, Симбирская губерния, оп. 1, д. 1409, л. 1—5.

[13] См. 4

[14] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21528, ч. III, л. 55; д. 20972, л. 4; ЦГИА, ф. 1293, оп. 167, Симбирская губерния, д. 2; оп. 168, д. 8, 9; ф. 1399, оп. 1, д. 734; д. 735.

[15] ЦГИА, ф. 1399, оп. 1, д. 735.

[16] ЦГАДА, ф. 280, оп. 6, д. 1620, л. 1—6; д. 4364, л. 1—2; д. 3835-а; д. 3303; д. 3836; ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 3036, л. 1—70.

[17] ЦГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 547.

[18] ЦГАДА, ф. 281, оп. 8, д. 11534, д. 11535; «Городские поселения в Российской империи». СПб, 1864, т. IV, с. 508—509. Посад, как составная часть города, упоминается в документах первой половины XVIII века.

[19] ЦГАДА, ф. 350, оп. II, ч. 2, д. 3095, л. 306—308.

[20] Перетяткович Г. указ. соч. с. 216.

[21] ЦГАДА, ф. 210, дела разных городов, столбец 7; ф. 210, оп. 21, д. 100, л. 8.

[22] ЦГАДА, ф. 281, оп. 8, д. 11534, л. 6.

[23] ЦГАДА, ф. 210, оп. 21, д. 100.

[24] ЦГАДА, ф. 210, оп. 21, д. 291.

[25] ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. II. д. 3100, л. 66. Московская слободка находилась в непосредственной близости от Симбирской засечной черты, остатки которой сохранились до наших дней в районе ул. Ленина.

[26] ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. II, д. 3100, л. 16—119; оп. 3, д. 5, л. 150—185; ф. 615, оп. 1, книга 1, ч. II, д.д. 10285—10286; ф. 615, оп. 1, книга 2, ч. 2, д.д. 10287—

10288. Некоторые слободы вошли в черту города в конце XVII века. С 1813 года в официальных документах название слободы было заменено на «Городские кварталы» (ЦГИА, ф. 1286, оп. 2, д. 43). Названия некоторых районов Симбирска слободами просуществовало до начала XX в.

[27] ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, портфель 365, ч. 2, д. 1, л. 1—8.

[28] ЦГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 37; ф. 443, оп. 3, д. 36, л. 8.

[29] ЦГАДА, ф. 280, оп. 6, д. 1621, л. 1—3; д. 2115, л. 1—7; ф. 350, оп. 2, ч. II, д. 3098, л. 3—152. Краевед К. И. Невоструев в своих работах указывает, что Покровский мужской монастырь строился в 1697—1700 годах (указ. соч. с. 32).

[30] ЦГАДА, ф. 280, оп. 6, д. 2116, л. 2; д. 2758, л. 39; д. 1436, л. 8. Контора экономического казначея ведала делами бывших монастырских крестьян переданных в 1764 г. в результате секуляризации церковных земель под управление Коллегии экономии.

[31] ЦГАДА, ф. 1088, ор. 11, д. 400, ч. 2, л. 11.

[32] ЦГАДА, ф. 275, оп. 1, ч. 2, д. 1567, д. 1968, л. 4.

[33] ЦГАДА, ф. 273, оп. 2, д. 468.

[34] ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. II, д. 3115, л. 73об; д. 829, оп. 1, д. 1668.

[35] ЦГАДА, ф. 290, оп. 1, д. 127, л. 6об.

[36] ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 1, д. 3104, л. 119; д. 3124, л. 110.

[37] ЦГАДА, ф. 443, оп. 3, д. 56, л. 5; ф. 350, оп. 2, ч. II, д. 3139.

[38] ЦГАДА, ф. 16, оп. 1, л. 712.

[39] ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 1, д. 655, л. 8.

[40] ЦГИА, ф. 796, оп. 68, д. 20.

[41] ЦГАДА, ф. 273, оп. 2, д. 30923, л. 1—22.

[42] ЦГИА, ф. 515, оп. 93, д. 260.

[43] ЦГВИА, ф. 393, оп. 1, д. 5; ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. II, л. 3093, л. 189—213.

[44] ЦГВИА, ф. 393, оп. 13, д. 1960, 13.

[45] ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. II, д. 3096, л. 81—98.

[46] ЦГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 452, л. 76—80, ЦГАДА, ф. 443, оп. 3, д. 241.

[47] ЦГАДА, ф. 443, оп. 3, д. 38, л. 48об; ф. 248, оп. 6, книга 350, д. 87; ф. 443, оп. 2, д. 169.

[48] ЦГИА, ф. 1488, оп. 3, д. 1250, л. 3.

[49] Мартынов П. указ. соч. с. 261.

[50] Мартынов П. указ. соч. с. 255.

[51] ЦГИА, ф. 1287, оп. 12, д. 108, л. 1—8; д. 21, л. 1—25; ЦГАДА, ф. 1336, оп. 2, ч. 1, д. 161, 1—12; д. 162, л. 1—8.

[52] ЦГАДА, ф. 273, оп. 2, д. 95, л. 11; ф. 443, оп. 3, д. 1.

[53] ЦГАДА, ф. 277, оп. 8, д. 973, л. 8.

[54] ЦГАДА, ф. 248, Оп. 7, книга 418, д. 39, л. 548—552.

[55] ЦГАДА, ф. 16, ОП. 1, д. 68, ф. 350, оп. 2, ч. II, д. 3102, л. 170.

[56] ЦГАДА, ф. 154, оп. 3, д. 21; ф. 350, оп. 2, ч. II, д. 3103, л. 81—117; ф. 281, оп. 8, д. 11525; ф. 281, оп. 8, д. 11533; д. 11536, д. 11537;

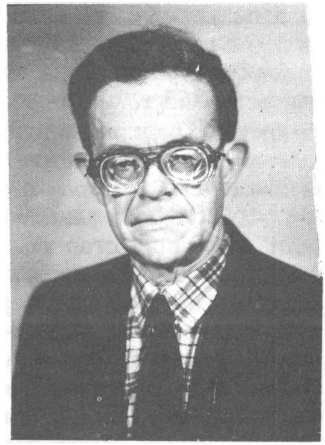
[57] ЦГИА, ф. 91, оп. 1, д. 381, л. 211—222. Архив РАН, ф. Р-1, оп. 104, д. 12, д. 21, оп. 5, д. 149.

[58] ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. II, д. 3099, л. 100—270; ф. 834, оп. 3, д. 2454, л. 41—44; ф. 280, оп. 3, д. 589.

[59] ЦГИА, ф. 1355, Симбирская губерния, оп. 1, д. 1409, л. 1—5.

[60] ЦГАДА, ф. 1088, оп. 11, д. 381, л. 60—76; ф. 615, оп. 1, ч. II, д. 10286; Зерцалов А. Н. указ. соч. с. IX.

[61] Архив РАН, ф. 3, оп. 10, д. 143.



С. Л. СЫТИН

Облик Симбирска второй половины XIX века
(материалы для фотолетописи).

В фондах Ульяновского краеведческого музея хранится фотография центральной части Большой Саратовской улицы после пожара 1864 года. Надпись под фотографией — «Симбирск после пожара 1864 года». В центре снимка — Троицкая церковь, которую уже успели привести в порядок, отремонтировать. На переднем плане видна разборка каменного фундамента сгоревшего дома, который находился напротив церкви. Заготовлен кирпич для нового фундамента, бревна, слева — большой штабель новых досок. Рабочий убирает мусор от старого фундамента. А вот забор вокруг этой усадьбы является явной «времянкой». За Троицкой церковью виден остов двухэтажного каменного дома. В XVII веке этот дом принадлежал купцу Ивану Семеновичу Мясникову (он же Пустынников). В этом доме останавливалась в июне 1767 г. Екатерина II. В дальнейшем, в XIX веке, в нем размещалось дворянское собрание,а после постройки для него здания (нынешний Дворец книги) в доме разместилась почта. После пожара дом восстанавливать не стали и на этом месте была выстроена в 70-х годах военная гимназия (будущий кадетский корпус). Фотограф остался неизвестным. Снимок относится вероятнее всего к весне 1865 г., «фотолетопись» Симбирска-Ульяновска надо начинать именно

с этой уникальной фотографии. Ее фрагмент впервые опубликован в 1972 г. в № 8 альманаха «Прометей».

«Фотографические виды города Симбирска» А. Муренко появились в 1867 г. Серия эта выявлена в четырех экземплярах в УКМ, в отделе редкой книги библиотеки им. В. И. Ленина в Москве и в частных коллекциях. Названия 12 сюжетов из этого альбома мы заимствуем у самого фотографа.

«1. Большая улица. (от театра)». Фотография сделана из окна или с крыши старого, деревянного здания театра. Театр стоял посередине Б. Саратовской улицы на месте ее пересечения с Лисиной улицей фасадом на север. Западная сторона улицы видна примерно от перекрестка с Лисиной улицей до Московской улицы. Два двухэтажных жилых дома на участке от Лисиной до Покровской улиц, незастроенный еще квартал Покровской до Московской (здание Мариинской гимназии еще не просматривается), и, наконец, Вознесенский собор. На восточной стороне улицы хорошо видно здание уездного училища в лесах, Троицкая церковь и фрагменты домов Гончаровых, Рунне и Сусоколова на пересечении Б. Саратовской улицы с Московской и Чебоксарской. В центре кадра — бульвар. По обе стороны аллеи полосы густого подстриженного кустарника выше человеческого роста. Среди кустарника видны отдельные молодые деревья. Со стороны Лисиной улицы (в том месте, где она пересекала Б. Саратовскую) бульвар начинался деревянной лестницей из пяти ступеней, за которой шли деревянные столбы высотою около метра, преграждавшие путь к посадкам и на аллею. На аллее видны две скамейки. Фотографию оживляют двое извозчиков у дома слева, фигуры двух симбирян у самого начала бульвара. Снимок обрезан в форме овала. Опубликован впервые в альманахе «Прометей», № 8[2].

«2. Собор, губернаторский дом и Никольская церковь. (С развалин д. Комарова)». Слева направо идет анфилада из трех храмов. Уходя в сторону Стрелецкой улицы, они делят кадр точно по диагонали. Левая половина фотографии занята летним Троицким собором, в центре — зимний Николаевский собор, а на заднем плане, справа — обгоревший остов губернаторского дома и Никольская церковь. Соборы и церковь в основном восстановлены после пожара 1864 г., но не до конца — справа видны штабель досок и сложенный кирпич. На переднем плане — саженцы деревьев, которые, видимо, были частью сквера на Новом Венце. Фотография не публиковалась.

«3. Карамзинская площадь. (От ворот девичьего монастыря)». В центре фотографии находится памятник историку Н. М. Карамзину, вокруг которого уже сооружена металлическая ограда. Фотограф снял площадь в момент, когда разбивался будущий Карамзинский сквер (или сад, садик). Работы велись группой

арестантов. Слева виден дом купца Гречкина, справа — Никольская церковь с юго-запада (единственный за все годы снимок этой церкви с этой стороны). Характерная для Муренко деталь — на переднем плане красуется большая лужа. Фотографу было легко убрать ее при съемке или при обрезке отпечатка, но он этого не сделал. Оживляют фотографию и группа монахинь у временной ограды сквера, а также лошадь, впряженная в дрожки, — возможно, что она привезла самого фотографа с его громоздкими принадлежностями. Фотография впервые опубликована в 1968 г.[3].

4. Спасская улица. (От монастыря)». Слева выдны парадные ворота и ограда женского монастыря (уже в 80-х гг. их внешний вид существенно изменился). За Дворцовой улицей, которая различима лишь по разрыву в деревянном тротуаре, видны два дома купца Андреева. На углу углового дома — вывеска булочной с надписью на французском и русском языках. А второй дом — в лесах. В центре на заднем плане виднеется Ильинская церковь с ее аркой через улицу. На противоположной стороне улицы неплохо виден с юго-запада дом Языковых (первое дошедшее до нас изображение дома). Хорошо различимы балкон, детали отделки, ограда. Правую сторону снимка занимает «Дом городского общества», полностью восстановленный, как и дом Языковых, после пожара 1864 г. и окрашенный по штукатурке в какой-то цвет, который делает его на фотографии темным на фоне остальных строений с их побеленными стенами. Фотография не публиковалась.

«5. Молебствие 28 Мая. (На площади)». В альбоме эта фотография обрезана Муренко в форме круга. В фондах УКМ есть та же самая фотография (отпечаток с того же негатива) прямоугольной формы. Снимок сделан с Нового Венца, с востока. Слева — Троицкий собор, справа — Никольский. Промежуток занят толпой верующих, собравшихся на молебствие по случаю ежегодной встречи «чудотворной» иконы «Казанской Божьей Матери» из «Жадовской пустыни». В центре на заднем плане хорошо просматривается гимназический пансион и дом купца Буско (позднее — Бонч-Осмоловского) на северо-западном углу перекрестка Московской и Спасской улиц. На переднем плане штабеля кирпичей, бревна, громадный деревянный чан — все это явно связано с продолжавшимся ремонтом соборов. А еще ближе к фотографу расположены посадки на Венце, окруженные низенькой оградой. Сюжет этот не публиковался.

«6. Начало Тихвинского спуска и залив Волги 15 Июня. (С площади)». Слева — остатки фундамента дома, который накануне пожара 1864 года занимал батальон военных кантонистов, а ранее — семья Тургеневых[4]. Ниже виден дом Толстых, сын которых Петр учился классом ниже Владимира Ульянова и, судя по

воспоминаниям современников, дружил с ним. Справа уходит вниз Тихвинский спуск и видна на фоне весеннего вожского половодья Тихвинская церковь (одна из старейших в Симбирске). Фрагмент фотографии опубликован в 8-м номере альманаха «Прометей»[5].

«7. Работы на дамбе, 27 Мая». Фотография эта является еще одним подтверждением нетрафаретности мышления Муренко. Его интересуют не только храмы, присутственные места, но и жанровые сцены, жизнь города. О какой дамбе идет речь? В первой половине XIX века через речку Симбирку и ее овраг, отделявшие от центральной части города Ярмарочную и Базарную площади и прилегавшие к ним Большую и Малую Конные, Лосевую и др. улицы, существовала одна надежная переправа — старая дамба, через которую проходила Дворцовая улица. Кроме того существовали деревянные мосты в средней части Панской улицы и в нижней части Московской (рядом с Богоявленской церковью). Но эти переправы были крайне ненадежными и неудобными даже для пешеходов. Чтобы добраться до моста, надо было предварительно спуститься по крутым склонам оврага — особенно крутым в месте, где Овражный переулок, пересекая с юга на север Панскую улицу, выходил к двойному мосту через Симбирку (двойной в связи с тем, что за оврагом Симбирки находился еще один, по которому скатывалась в Симбирку часть ливневых вод с Ярмарочной площади). Здесь-то и было решено строить новую дамбу. Муренко заснял забивку свай под кирпичный коллектор, который должен был пропускать под собой воды Симбирки и над которым должна была быть насыпана новая дамба. Дубовые сваи забивались и кувалдами, и примитивной «бабой». Заготовлен уже и кирпич. Отчетливо видны две группы рабочих — мастеровые, которые постоянно работали в Симбирске на того или иного подрядчика, и сезонные, крестьяне на заработках. На первых — фартуки, вторые одеты кто во что горазд. Видны фигуры распорядителей работ в мундирах. А на склонах — несколько групп любопытствующих дам и их кавалеров из симбирского «общества». То ли их интересовали сами работы, то ли манипуляции фотографа... На заднем плане в центре кадра видно здание гостинных рядов на перекрестке Саратовской и Дворцовой улиц. Фотография эта — первое дошедшее до нас изображение симбирских рабочих. Ее фрагмент опубликован в альманахе «Прометей»[6].

«8. Работы на Смоленском съезде, 27 Мая». Спуски к Волге были одной из самых острых проблем для симбирян. Для транспорта был более или менее доступен лишь Петропавловский спуск длиной в несколько километров. Но кратчайший путь к пристани, к переправе через Волгу, шел по параллельным Шатальной и Мартыновой, а также Верхней Набережной улицам, а затем по

Смоленскому спуску или съезду. Смоленским спуск назывался в связи с тем, что проходил мимо Смоленской церкви. Здесь когда-то спускался на перевоз Пушкин и в ожидании переправы зарисовал этот уголок Симбирска. После пожара 1864 г. начались работы, которые должны были сделать этот «съезд» доступным для транспорта. Работы велись силами арестантов, объем их был велик и они не были закончены даже к концу XIX века[7]. Фотография не публиковалась.

«9. Вид на город с Лосевой улицы. (От д. Курамша Акчурина)». На переднем плане виден очень редкий для Симбирска тип забора, а дальше — фрагмент оврага Симбирки в его верхней части, неподалеку от озера Маришки. Есть интересные детали, связанные с дворами и надворными постройками. Бросается в глаза, что здесь, «над оврагом» почти все окна со ставнями. На заднем плане слева направо видны силуэты Никольской церкви и здания горуправы, дом Андреева на Спасской улице (со двора), мужская гимназия, а за ней Николаевский и Троицкий соборы, отдельные здания на Дворцовой и Б. Саратовской, включая гостинные ряды, церкви женского монастыря и, наконец, пожарная каланча при городском полицейском управлении. Фотография не публиковалась.

«10. Дворцовая улица. (От базара)». Всю левую половину кадра занимает Дворцовая улица от Лосевой улицы до старой дамбы. Этот фрагмент Дворцовой улицы, все три каменных двухэтажных здания, сохранился до наших дней напротив нового корпуса завода «Контактор». Масса интереснейших бытовых деталей — вывески лавочек, гостиниц, ломовые извозчики, балконы и двери с их деталями и т. д. На заднем плане видна и Дворцовая улица от пересечения с Б. Саратовской до Карамзинского сквера. Почти все дома на этом отрезке улицы еще окружены лесами и восстанавливаются после пожара 1864 г. Очень интересны фрагменты домов на северо-восточном и юго-восточном углах Саратовской улицы и Дворцовой — эти дома входят сейчас во вторую охранную, заповедную зону Ульяновска. Памятник Карамзину виден на фоне обгоревшего губернаторского дома — эта, западная сторона дома видна лишь на этой фотографии. Снимок (фрагмент) был впервые опубликован в альманахе «Прометей»[8].

«11. Мечеть». Мечеть была расположена на Лосевой улице, фрагмент этого здания сохранился до наших дней. Муренко сфотографировал мечеть со стороны Ярмарочной площади. Снимок лишен всякой парадности, много бытовых деталей. В печати не появлялся.

«12. Общий вид г. Симбирска. (С Московской дороги)». Эта фотография большого мастера. «Летний день. Крестьянские возы с сеном приближаются к Симбирску. Вокруг носится жеребенок —

на фотографии он получился тенью с четырьмя парами ножек. Обоз спускается с высокого берега и из-за плетней уже поблескивает Свияга. Слева вырисовывается полосатый верстовой столб — граница города. А дальше-дальше залитый лучами послеполуденного солнца Симбирск. Видны соборы и церкви, их силуэты оживляют, украшают панораму города. Вот поднимается от Свияги Московская улица. За Богоявленской церковью силуэт пожарной каланчи. Значит, одна из крыш напротив — крыша дома Молчановой, который в 1878 году был куплен и записан на имя Марии Александровны Ульяновой. Чуть выше отчетливо видны два дома, в которых Ульяновы жили по году в 1875—1877 годах. За домами — сады и огороды. Левее Московской улицы виден овраг речки Симбирки, а на другом его берегу — Большая Конная улица, которая вела на Ярмарочную площадь. Облаков на фотографии нет. Фотография той эпохи, быстро утверждаясь на земле, была бессильна, когда речь шла о небе. Но Муренко обрезал снимок в форме изящного вытянутого овала, и поэтому смотрится фотография превосходно[9]. Фотография была впервые воспроизведена в «Ульяновском комсомольце» в 1969 г.[10], а в 1972 г. — в № 8 альманаха «Прометей».

Сохранились три вида Симбирска работы Муренко сверх 12-ти, включенных им в альбом.

«13. Почта после пожара 1864 года». Эта фотография сохранилась среди других фотографий Муренко в старинном семейном альбоме, где кроме видов Симбирска, Вятки и Витебска были и акварели, семейные группы и т. д. Принадлежность этой фотографии Муренко можно считать бесспорной. На фотографии запечатлена исчезнувшая впоследствии часть Покровской улицы — от Б. Саратовской до Комиссариатской. Справа крупным планом виден дом Бычковой, в котором после пожара 1864 года жил симбирский губернатор. За этим домом выходила на Покровскую улицу и заканчивалась здесь Спасская улица. В центре кадра, на углу Спасской и Покровской улиц — обгоревшее здание почты. А слева — Троицкая церковь и деревянный тротуар по левой стороне Покровской улицы (неподалеку от дома, где жил Н. А. Гончаров — брат писателя). Фотография не воспроизводилась.

14. Дом Бычковой на углу Спасской и Покровской улиц. Слева на заднем плане — Троицкий собор. Фото из фондов УКМ. Не воспроизводилось.

«15. Строительство новой дамбы через овраг Симбирки». На первой фотографии Муренко показал работу над фундаментом для коллектора, а на описываемой мы видим сооружение самого кирпичного коллектора с интересными техническими деталями. Фонды УКМ. Не воспроизводилась.

В фондах Ульяновского краеведческого музея хранятся 13 не-

больших фотографий с видами Симбирска (примерно 10×15 см), наклеенных на кусочки тонкого белого картона. На полях у каждой синий штамп — «Усольская библиотека». Есть и еще один характерный признак — у фотографий обрезаны уголки. В 1969 г. еще 10 таким же образом оформленных сюжетов были выявлены в фондах Художественного музея (а затем переданы в Краеведческий музей).

Графы Орловы-Давыдовы были богатейшими из помещиков Симбирской губернии. В Сенгилеевском и Сызранском уездах им принадлежало свыше 80 тысяч десятин земли[11]. Центром их «вотчины» было село Усолье Сызранского уезда (ныне находится в пределах Куйбышевской области). «В 1768 г. Екатерина II отдала Усолье в вотчинное владение Григорию Орлову. Одна из его внучек была замужем за П. А. Давыдовым[12]. Владимир Владимирович Орлов-Давыдов (1837—1870) был в 1866 г. назначен симбирским губернатором. Фактически он пробыл на этом посту с января 1867 г. до мая 1868 г.[13] Можно предположить с большой долей вероятности, что фотографии Симбирска попали в Усольскую библиотеку именно в этот период. Подтверждением этого является дата на английском языке на одной из фотографий этой серии, запечатлевшей симбирскую пристань 21 мая 1868 г. Дебаркадер устлан коврами, «украшен» полицейскими чинами, на флагштоках — вымпелы. На берегу — несколько групп встречающих или любопытствующих. В том числе и из «чистой» публики. В этот день в Симбирск должен был прибыть по Волге великий князь Алексей Александрович, который накануне, 20 мая посетил село Ундоры Симбирского уезда[14]. Вероятнее всего, что комплект фотографий был заказан В. В. Орловым-Давыдовым для «поднесения» августейшей особе и, одновременно, для своей усольской библиотеки. Кому заказал? В 1868 г. по нашим данным в Симбирске было два «действующих» фотографа — Бах и Фант. Но первое упоминание о Фанте относится лишь к августу 1868 г. А если вспомнить объявление, данное Бахом еще летом 1867 г. о «двадцати пяти различных видов г. Симбирска и окрестностей»[15], то весьма возможно, что автором «усольской серии» был А. Л. Бах.

Следует отметить, что отдельные фотографии серии (например, все фотографии Карамзинской площади) сделаны весной или в начале лета 1867 г. Это легко доказать путем их сопоставления с одной из точно дотируемых фотографий Муренко. Некоторое сомнение вызывают вместе с тем отдельные сюжеты серии — в частности, два снимка оврага речки Симбирки, показывающие город отнюдь не в самом выгодном свете. Но дарить августейшему посетителю и эти сюжеты было, конечно, необязательно.

«Усольские» фотографии — это самая большая и разнообразная

из дошедших до нас серий фотографий Симбирска 60—80-х годов прошлого века.

Естественно, что на первом месте среди достопримечательностей стояли храмы. Кроме Вознесенского собора, фотографии из Усольской библиотеки сохранили для нас внешний вид Троицкой и Ильинской церквей, Петропавловской церкви — на спуске к Волге в окружении садов, Тихвинской церкви. Поэтична фотография Смоленской церкви на фоне Волги и Заволжья. Особый интерес для реставраторов представляет фотография лютеранской церкви (кирхи) на Московской улице.

Примечательны общие виды города. Один из этих снимков сделан с севера, с Ярмарочной площади. На другом — южная часть города, снятая из центра, с колокольни Вознесенского собора. На этой фотографии видна верхняя часть Покровской улицы (и, в частности, дом купца Беляева, недавно снесенный, в котором одно время помещалось 1-е мужское училище, а позади, в отдалении — Александровская губернская больница. Сразу за ней начинается так называемый южный выгон.

Но особенно интересен вид на Засвияжье. На переднем плане — овраг речки Симбирки, перегороженный заборами, с садами и небольшими рощами и зарослями на склонах. Налево, за пределами кадра, остается Московская улица, тот ее участок, где поселились Ульяновы. Направо видна часть Большой Конной улицы. А в центре, в глубине кадра — живописно разлившаяся перед мельничной плотиной Свияга с многочисленными островками — прибежищем симбирских рыболовов и охотников. За Свиягой уходит вдаль и теряется в дымке полоса Московского тракта. А сейчас на этом месте встал один из индустриальных центров современного Ульяновска, который во много раз превосходит весь старый Симбирск.

Несколько фотографий из «усольской серии» запечатлели крайне интересное для нас место — Карамзинскую площадь. Фотограф находился где-то в центре этой площади, поворачиваясь с аппаратом вокруг оси. На переднем плане — памятник Карамзину. Сквер — в виде тоненьких прутиков, как и на одной из фотографий Муренко, с временной оградой. Предосторожность оправданная — почти все жители города держали тогда коров, коз, не говоря уже о лошадях. Ежедневно на рассвете пастухи собирали свои стада — северное, южное и свияжское. Даже в 80-х годах городская дума частенько обсуждала вопросы о местах выпаса, о таксе за пастьбу, а полиция штрафовала хозяев всякого рода живности, безнадзорно бродившей по улицам города.

Площадь еще не замощена. По краям, вдоль зданий видны тротуары-мостки из толстых досок, огражденных деревянными

тумбами. «...При подобной весне, — писали «Симбирские губернские ведомости» в 1865 году, — нам долго придется ждать высыхания наших топких улиц — ужаса пешеходов... Мы не знаем даже, каким образом совершать путешествие: если пойдешь... пешком, то хотя и не утонешь, но калоши уже наверное оставишь в грязи, если же поедешь на извозчике, то приедешь хотя и в галошах, но зато весь забрызганный грязью с головы до ног».

Самое интересное для нас здание на Карамзинской площади — губернская мужская гимназия. Здание еще ремонтировалось, но вывеска со словами «губернская гимназия» уже водружена на фронтоне. До пожара эта вывеска была жестяной на деревянной раме, была выкрашена голубой краской, по которой золотыми буквами была сделана сама надпись[17]. У гимназии еще нет красного кирпичного пристроя — он был закончен лишь в 1883 г. На его месте видна каменная с металлической решеткой ограда вокруг гимназического двора, примыкавшего к зданию с востока. После возведения пристроя гимназия добилась от городских властей передаче ей в пользование части смежного с новым зданием Николаевского сада. Ограда вокруг этой территории была деревянной. Нет на «усольских» фотографиях деревьев перед зданием гимназии. В принципе их было разрешено сажать на улицах в начале 80-х гг., но на практике посадки начались на рубеже двух веков — XIX и XX-го.

Гимназия занимала южную сторону площади. Западная сторона была занята сложным комплексом зданий Спасского женского монастыря. Он был обнесен высокой каменной стеной. Главный вход находился в непосредственной близости от гимназии. А уже за этой трехметровой стеной, напоминающей крепостную, виднеются две монастырские церкви.

Северная сторона площади была занята домом, где размещались городская дума и управа. На фотографии Муренко (Спасская улица с юга на север) видна западная часть этого здания, а на «усольских» снимках здание видно почти целиком. Часть этого здания в последующие годы использовалась для экстренных нужд того или иного учебного заведения, которое оказывалось не в состоянии разместить учащихся в собственном здании.

Среди «усольских» фотографий есть и снимок Дворянского собрания, в котором размещалась на правах бедной родственницы единственная тогда в Симбирске общественная библиотека. Очень интересна фотография Гостиных рядов. Два каменных здания этих рядов возвышаются над морем маленьких домиков деревянного типа, которым была застроена большая часть Симбирска. На один дом в городе приходилось в середине прошлого века 6—8 жителей, в то время как в Москве, в Петербурге — от 20 до 40 жителей. Но это «море» — за Гостиными рядами, за речкой Симбиркой. А на

переднем плане в левой половине кадра мы видим отрезок Б. Саратовской улицы между Чебоксарской и Дворцовой, застроенный двух и трехэтажными домами симбирских купцов. Первый из этих домов на углу Чебоксарской и Б. Саратовской — дом купца Сусоколова, где с конца 60-х гг. размещались сменявшие друг друга фотографии Шоази, Федосеева и других, а в начале 80-х гг. разместилось 1-е женское училище. За домом Сусоколова виден комплекс зданий духовной семинарии — ранее усадьба купца Косолапова. Весь этот отрезок Б. Саратовской улицы, ныне улицы Гончарова, вошел во вторую охранную зону Ульяновска.

Особое значение имеет фотография единственного в то время в Симбирске «крупного» промышленного предприятия — медно-чугунно-литейного завода купца Андреева. Длинный сарай с подобием фабричной трубы налево, большая изба — направо. В центре же, за каменной оградой — затейливое основное двухэтажное каменное здание, частично сохранившееся до наших дней. «...Завод приводится в действие 10-ти сильной паровой машиной; вещи, выделываемые на нем, — преимущественно разные приборы к молотилкам, веялкам, паровым машинам и проч.»[17] Рабочих на заводе было около полусотни. В 1865 году «Симбирские губернские ведомости» сообщали: «19 марта в два часа полуночи на чугунолитейном заводе г. Андреева лопнул паровой котел: паром обварило семь человек мастеровых, которым хотя и оказано было медицинское пособие, но они все померли в скором времени»[18].

Следует заметить, что на паспарту большинства фотографий есть надписи черной тушью. Сделаны они, видимо, уже в библиотеке лицом, которое знало Симбирск с чужих слов или же вспоминало сюжеты спустя какое-то время. Так Вознесенский собор назван Вознесенской церковью — ошибка для коренного симбирянина вряд ли возможная. Не уточнены для двух фотографий, какие именно участки оврага Симбирки на них изображены — обе названы «Овраг по течению р. Симбирки». В рамках нижеследующего перечня надписи на паспарту будут даваться в кавычках.

1. «Общий вид города с ярмарочной площади». Передний план занят заборами, небо — пустое. Посередине тянутся узкой полоской силуэты (слева направо) Никольской церкви на Стрелецкой улице, соборов на площади, Ильинской церкви и церквей женского монастыря, Троицкой церкви и Вознесенского собора. Снимок сделан с севера, северо-запада.

2. «Общий вид города». Вид на южную часть города с колокольни Вознесенского собора.

3. Николаевский и Троицкий соборы — вид от дома городского общества. Слева виден край дома губернатора в лесах, справа — небольшой фрагмент здания гимназии. В дальнейшем съемка с этой

точки стала невозможной, так как деревья и кустарники, выросшие в сквере, закрыли вид на соборы.

4. Карамзинская площадь, соборы и мужская гимназия. Те же самые соборы занимают левую половину кадра, а правую заняло здание гимназии, которое видно ровно на две трети. В центре находится памятник Карамзину. Снимок сделан с северо-запада от дома купца Андреева на Спасской улице. Вокруг временной ограды сквера кучи щебня сплошной цепочкой, а внизу на переднем плане — куча песка. Слева на переднем плане фонарь, стоявший на северо-западном углу Спасской улицы и Карамзинской площади у левого угла здания горуправы.

5. Карамзинская площадь и Спасский женский монастырь. Фотограф перешел на северо-восточный угол Карамзинской площади. На предыдущем снимке объектив его фотоаппарата был направлен с северо-запада на юго-восток, а теперь — с северо-востока на юго-запад. Слева на фотографии правое крыло здания гимназии, а большую часть кадра занимает стена Спасского монастыря и церкви за монастырской оградой. На этом снимке памятник Карамзину виден под очень выгодным углом.

6. Дом городского общества. От здания гимназии, с юга на север, через всю площадь — благо посадки, исключая отдельные деревца, были не выше метра.

7. Спасский монастырь со стороны Чебоксарской улицы. Снимок сделан с юго-востока, с колокольни Троицкой церкви. Видна значительная часть Чебоксарской улицы — улица отстраивалась после пожара 1864 г. Монастырь, вся его застройка, которая на кадре № 5 скрыта за стеной — как на ладони. Слева на заднем плане видны фрагменты Спасской и Дворцовой улиц, видна значительная часть дома Языковых. Эта фотография является чемпионом и рекордсменом. Да еще таким, которого практически превзойти нельзя. На протяжении полувека она была единственной фотографией Симбирска времен семьи Ульяновых, которой располагал Центральный партархив при ЦК КПСС. И снабжал репродукциями этой единственной фотографии все центральные издательства. 50 с лишним лет все книги, выходившие в стране и посвященные так или иначе сюжетам, связанным с симбирским периодом в жизни семьи Ульяновых, показывали своим читателям Симбирск 60—80 гг. XIX века с помощью фотографии, которая создавала о городе явно одностороннее впечатление. Симбирск представал городом больших и мрачных церквей, высоких монастырских стен и полудеревянных домов и домишек. К сожалению, даже после передачи Центральному партархиву нескольких десятков репродукций Симбирска эпохи, когда в нем жили Ульяновы, положение не изменилось — в печать попадает все та же злополучная фотография.

8. Дворянское собрание. Фотография сделана с юго-запада, от Николаевского собора. Хорошо видно левое крыло, в котором размещалась Карамзинская библиотека. На переднем плане одна из аллеек Николаевского сада, восстанавливаемого после пожара, скамейка деревенского типа — доска на двух отпиленных от бревна столбиках.

9. «Троицкий собор. — Спасская улица». На двух фотографиях Муренко, о которых речь шла выше, видна исчезнувшая в XX веке верхняя часть Покровской улицы — от Б. Саратовской до Спасской. Видна с востока, со стороны Комиссариатской улицы или от дома Бычковой. А на «усольской» фотографии этот же отрезок улицы снят со стороны Б. Саратовской, с запада. В левом углу на переднем плане виден фрагмент здания уездного училища и часть его двора. На втором плане — купол Троицкого собора. В центре — дом Бычковой на северо-восточном углу Спасской и Покровской улиц, дом, который после пожара 1864 г. был временно резиденцией губернатора. А справа, правда под острым углом, видна сама Покровская улица, тот ее отрезок, где находился дом семьи Рудольф, в котором постоянно жил Н. А. Гончаров и, вероятно, бывал и И. А. Гончаров.

10. Б. Саратовская улица и Гостиный двор. С юга на север.

11 и 12. На паспарту одна и та же надпись: «Овраг по течению р. Симбирки». Один снимок показывает овраг со стороны Б. Саратовской улицы севернее старой дамбы, по которой проходила Дворцовая улица. На юго-восточном склоне оврага видна землянка и ее обитатели. Второй снимок — овраг южнее дамбы, в сторону Свияги.

13. «Овраг р. Симбирки при впадении в Свиягу». С видом на мельничный пруд и Московский тракт — об этой фотографии говорилось выше.

14. «Андреевский металлический завод».

15. «Волжская пристань».

16. «Ильинская церковь» — она же Владимировская. Снимок сделан с юга на север, с западной стороны Спасской улицы напротив дома Языковых. Слева направо: остов дома учителя математики мужской гимназии Н. М. Степанова, дом купца Данилова на северо-западном углу Сенной и Спасской улиц, Ильинская церковь с ее аркой через улицу, которая соединяла колокольню и сам храм, расположенные по разные стороны улицы, дом купца Скорнякова на юго-восточном углу Сенной и Спасской улиц. Впоследствии в этом доме, превращенном в детприемник провел несколько месяцев мальчиком Александр Матросов.

17. «Тихвинская церковь». Снимок сделан со стороны Зотовского переулка, с юго-запада. Слева, на заднем плане виден остов двухэтажного каменного дома Толстых.

18. Тихвинский спуск к Волге. В центре кадра — огороженный забором-решеткой (обратить внимание на совпадение с забором на Лосевой улице на одной из фотографий Муренко) участок, в центре которого находится погреб или склад, вырытый в волжском склоне. Слева в верхнем углу видны маковки Тихвинской церкви и ее колокольни. Расшифровка фотографии не может считаться окончательной.

19. «Вознесенская церковь». Поправка — собор. Лучшая из фотографий этого примечательного архитектурного сооружения в его первоначальном виде, до перестройки в XX в. Снимок сделан с юго-востока. Часов на колокольне еще нет — это уточняет датировку «усольской серии» 1867—1868 гг. Дело в том, что часы были установлены на колокольне весной 1869 г.

20. Троицкая церковь. Вид с запада.

21. Петропавловская церковь. Вид с севера. На переднем плане видны сады на склоне, затем — фрагмент Петропавловского спуска к Волге и на одном из поворотов сама церковь и весь занимаемый ею участок. На заднем плане поблескивает проток Волги Чувич, а за ним необъятная волжская пойма той поры.

22. «Волга. — Смоленская церковь. — Подгорье. — Сады». Снимок сделан с юго-запада.

23. «Лютеранская церковь». Фотография с северо-запада. Одна из двух, показывающих облик этой церкви до ее перестройки в 900-х гг. Справа виден фрагмент левой стороны Анненковского переулка.

24. «Памятник в Киндяковской роще». Фотография запечатлела масонскую часовню в Винновской роще, в имении Киндяковых, построенную в конце XVIII века[19].

25—27. Коллектор для пропуска вод Симбирки под новой дамбой. Основание относить к «усольской серии» — детали оформления (обрезанные уголки) и время завершения постройки коллектора (конец лета 1867 г.). На двух фотографиях — общий вид коллектора и его «фасада», обращенного к Свияге, а на третьей — общий вид коллектора со стороны гостиных рядов, старой дамбы, с востока.

28. Б. Саратовская улица от театра до Московской улицы. Основание отнести к рассматриваемой серии — обрезка углов. Аналогичная фотография Муренко была снята из одного из центральных окон второго этажа театра, по центру улицы. А «усольская» — с северо-западного угла крыши театра, объектив оказался выше и против западной проезжей части улицы. Снимок сделан весной 1868 г. — акация на бульваре еще не покрылась листьями (не исключена, конечно, и осень 1867 г.). Здание уездного училища уже освободилось от лесов — следовательно, эта фотогра-

фия сделана позже, чем снимок Муренко. А вот то, что ежик из акации на бульваре сколько-нибудь заметно не изменился по сравнению с 1867 г., позволяет думать, что фотография сделана в 1868 г.

К «усольской серии» примыкают две фотографии — Карамзинской площади и гимназии, и старого деревянного театра на Б. Саратовской улице с участком улицы перед ним. Оригиналов этих фотографий обнаружить не удалось — в фондах Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина и в частной коллекции сохранились лишь отпечатки 13×18, сделанные явно с негативов контактным образом. Но негативы эти были, видимо, репродукциями с подлинных фотографий, а не самими подлинниками.

Вокруг Карамзинского сквера начали делать основание для постоянной ограды. Но, с другой стороны, саженцы, по сравнению с их размерами в 1867 и 1868 гг. почти не выросли. Таким образом, эта фотография должна дотироваться 1869 или 1870 годом. Ее ценность в том, что здание гимназии видно целиком.

Фотография старого театра, просуществовавшего до 1879 г., является единственной дошедшей до нас. «Здание, действительно, весьма порядочное, — писал в 1856 г. писатель Соллогуб, оказавшийся в Симбирске, — деревянное, с лицевой стороны обшитое тесом и к тому же украшенное навесом для въезда экипажей... Я вошел в залу. Театр не велик, но выстроен умно, два ряда лож, партер, места за креслами...» Фасад здания был, как и все оно, выкрашен в какой-то темный цвет, но все элементы декора были белыми и это придавало зданию нарядный, праздничный вид.

Из «усольских» фотографий были опубликованы в 1972 г. в альманахе «Прометей» №№ 2, 10, 13, 14, 15, 28, а также снимки гимназии и театра[20].

В экспозициях и в фондах Ульяновского краеведческого музея хранится около двух десятков фотографий с видами Симбирска сравнительно большого размера, наклеенных на картон и производящих впечатление страниц из какого-то альбома. Удалось уточнить, что это действительно часть альбома, когда-то принадлежавшего крупному симбирскому и самарскому купцу Аннаеву. УКМ приобрел эти фотографии в 1953 г. у одного из самарских потомков Аннаева[21]. Снимки из этой серии охватывают самое интересное для нас десятилетие — с середины (или с конца) 70-х до середины 80-х гг. XIX века. Датировка основывается на анализе содержания фотографий. Для отдельных фотографий автор не вызывает сомнений — это Б. Р. Бик. Но есть основания предполагать, что и вся серия вышла из его мастерской.

1. «Симбирск, Общий вид города с Казанского тракта. Фотография Бик, собственность издателя».

2. Троицкий собор. С северо-запада. В день какого-то храмового праздника, летом.

3. Николаевский собор. С юго-востока. Лучшая из существующих фотографий этого собора.

4. Губернаторский дом. С юго-запада, от здания мужской гимназии.

5. Карамзинская библиотека. Фотография юго-западного крыла здания Дворянского собрания, в котором размещалась Карамзинская общественная библиотека. Виден вход в библиотеку, вывеска, группа мальчуганов у входа. Фрагмент снимка опубликован в 1972 г. в № 8 альманаха «Прометей».

6. Городская управа. С юго-востока, с колокольни Никольской церкви. Слева — фрагмент Спасской улицы и один из домов купца Андреева. У входа в здание управы — несколько пролеток. Любопытная деталь — тротуар у здания покрывается асфальтом. Возможно, что это первый в Симбирске кусочек асфальтового тротуара. Здание управы (в отличие от 60-х гг.) побелено. Его внешний вид на снимке в наибольшей мере соответствует времени, когда в нем размещались младшие классы гимназии. Многократно увеличенный задний план фотографии представляет собой интересную панораму северо-западной части города. Снимок опубликован в альманахе «Прометей» и в книге Бросмана и Медведева «Ульяновск»[22].

7. Женский монастырь. С северо-востока, с колокольни Никольской церкви, как и снимок № 6. На переднем плане — памятник Карамзину и сквер вокруг памятника с разросшимися по сравнению с 60-ми годами деревьями и кустарниками. Около памятника видны длинные скамейки — те самые, на которых частенько сижывали гимназисты. Фрагмент здания гимназии, уголок этого здания попал в кадр слева. Слева же, но на заднем плане виднеется Вознесенский собор на Б. Саратовской улице. Остальная же часть кадра — это восточная стена Спасского монастыря, центральные, парадные ворота и угловая башенка, как детали этой стены. За стеной оба монастырских храма — старый, с пятью главками, который виден еще на рисунках XVIII века, и новый с колокольней. Композиция кадра превосходна, фотография производит большое впечатление. Она воспроизведена в альманахе «Прометей».

8. Дворцовая улица. Фото Бика. Видна целиком северная сторона улицы от Б. Саратовской до Спасской улицы и (под острым углом) фрагмент южной стороны. Слева — здание Окружного суда на углу Дворцовой и Б. Саратовской. Прямо под вывеской «ОКРУЖНОЙ СУД», прикрепленной к угловому балкону на третьем этаже, на первом этаже вывеска «виноторговля». Вверх по улице

видны вывески других магазинов, вывеска банка, редкие прохожие, несколько пролеток и телег. На заднем плане, перед оградой Карамзинского сквера можно различить тройную временную арку с двумя флагштоками — в момент съемки город был по какому-то случаю украшен. Если по случаю коронации Николая II, то снимок надо отнести к 1894 г. Впрочем, для украшения мог быть и какой-то другой повод — например, посещение города какой-то «августейшей» особой. Фотография не публиковалась.

9. Дворцовая улица. Не исключено, что эта фотография была сделана одновременно с предыдущей с одной и той же точки. Только в первом случае объектив был направлен на восток, а во втором — на запад. Улица видна (главным образом ее южная сторона) от здания гостиных рядов на углу Б. Саратовской и Дворцовой до Ярмарочной площади. Под более острым углом видна и северная сторона. Вся нижняя половина кадра занята однообразной серой плоскостью перекрестка двух улиц и это несколько снижает впечатление от снимка. Съемка не была моментальной — двигавшиеся объекты смазаны. У двух симметричных зданий гостиных рядов (и дальше по улице) видны увитые лентами тонкие столбы — одно из традиционных украшений улиц по случаю торжеств всякого рода. Фотография не воспроизводилась.

10. Большая Саратовская. Восточная сторона от пересечения с Дворцовой до здания духовной семинарии и пересечения с Панской улицей. Снимок сделан явно с крыши северного корпуса гостиных рядов. Одна из лучших фотографий Симбирска второй половины XIX века, показывающая ансамбль каменных зданий напротив гостиных рядов, принадлежащих (исключая здание семинарии) крупным купцам и занятым магазинами и гостиницами. На переднем плане, посередине перекрестка — биржа (стоянка) легковых извозчиков, на заднем — громада Вознесенского собора. Композиция кадра безукоризненна. Фрагмент фотографии (биржа извозчиков) воспроизведен в «Прометее», а вся она — в книге Бросмана и Медведева «Ульяновск». Фрагмент — в книге «Родина Ильича».

11. Б. Саратовская улица. Западная сторона от южного корпуса гостиных рядов до пересечения с Панской улицей. В центре — трехэтажный кирпичный дом, который в 900-х гг. принадлежал потомственной почетной гражданке Софье Васильевне Медведевой. Как установил Г. Сазонтов именно в этом доме в марте 1917 г. заседал только что возникший Симбирский совет рабочих и солдатских депутатов[23].

Фотографии №№ 8, 10 и 11 имеют сейчас особое значение для реставраторов в связи с тем, что отрезок Б. Саратовской (ныне улицы Гончарова) от Московской (ныне улица Ленина) до Старой Казанской улицы (ныне Красноармейская улица) и прилегающий

к ней с востока отрезок Дворцовой улицы (ныне улица Карла Маркса) объявлены весной 1980 года Ульяновским облисполкомом охранной зоной.

12. Дом Марии Петровны Бестужевой на Б. Саратовской улице. Второй от юго-восточного угла этой улицы и Комиссариатской улицы (во второй половине XIX века эта часть Комиссариатской улицы считалась иногда продолжением Лисиной улицы и так и называлась). Дом был построен в 1866 г., сохранился чертеж его фасада[24]. Фотография показывает, что проект в процессе строительства был осуществлен вплоть до мелких деталей отделки. Если бы этот дом сохранился, то он был бы примечательным памятником деревянной архитектуры той эпохи — далеким от стандартов, от т. н. «образцовых проектов»[25]. На фотографии на улице перед домом пририсованы пролетка парой, которая везет военного с дамой, и крестьянка с мальчиком.

13. Московская улица — «парад пожарников».

14. Наплавной мост через Свияги. Снимок сделан с левого берега Свияги. Сразу за мостом — здания ремесленного училища графа Орлова-Давыдова. Основной дом фасадом на набережную Свияги принадлежал до 1839 г. Петру Ивановичу Юрлову. Он продал дом удельному ведомству, которое устроило в нем больницу. В конце 60-х гг. дом перешел к городу. Фотография не воспроизводилась.

15. Симбирск со стороны Свияги. Снимок сделан с одного из островов мельничного пруда, с запада на восток. Средний план — набережная реки Свияги между Московской и Покровской улицами, справа находится винный завод Сусоколова. На заднем плане видна колокольня церкви Покровского монастыря. Слева, на одном из участков между Московской и Покровской улицами видна в саду несколько необычная двухэтажная деревянная беседка. Фотография не воспроизводилась.

16. Подгорье, Волга. Снимок сделан в направлении с юго-запада на северо-восток. На переднем плане — сады на волжском откосе ниже Нового Венца. Еще ниже видно здание 3-ей полицейской части, а дальше Волга и в дымке, без каких-либо деталей — Заволжье. Фотография не воспроизводилась.

17. Симбирск и симбирская пристань. Снимок сделан с востока, с одного из островов. Правый нижний угол кадра занимает пятачок отмели и повешенные на колышках для просушки сети. Ближайшая к острову часть Волги подернута рябью, а дальше вода как зеркало. От пристани отваливает большой пассажирский пароход. В центре кадра и одновременно посередине волжского склона белеет Смоленская церковь. Видны контуры домов по бровке волжского косогора. Фотография воспроизведена в альманахе «Прометей».

18. Плотина и мельница на Свияге. Фотография была выявлена

в частной коллекции. Формат ее — 18×24 см., наклеена на картон, левый нижний угол обломан. Нижняя половина фотографии показывает правый берег Свияги ниже Московской улицы, у мельничной плотины. Группа женщин стирает на мостках белье, водовоз начинает путь от реки с очередной бочкой воды, одна лодка с небольшой мачтой причалена у берега, у другой, на берегу что-то делают двое то ли подростков, то ли взрослых, третья — лежит далеко от берега. Верхняя половина слева направо показывает ледорезы перед плотиной, саму плотину и дорогу, которая проходила по ней (вряд ли эта дорога была проезжей — пользовались в основном наплавным мостом ниже плотины и мельницы; сама мельница, около которой можно различить группу рабочих и слободы за Свиягой. Свияга играла очень большую роль в жизни симбирян — до Волги было далеко, на Волгу выбирались лишь в воскресные дни. А на Свияге были купальни, Свияга тогда была желанным местом для рыболовов и даже охотников, для любителей гребли. Воспроизведена в альманахе «Прометей».

К серии фотографий 70—80-х гг. относятся и виды нескольких учебных заведений, которые мы находим на точно датируемых фотографиях выпусков этих учебных заведений. Фотография первого выпуска Симбирского епархиального женского училища, выполненная Е. Л. Закржевской в 1878 г.[26], показывает нам здание этого училища на Соборной площади (южная сторона площади). Дом для училища был приобретен в 1876 г. у подпоручика Всеволода Алексеевича Карпова[27].

Групповая фотография выпуска Симбирской мужской гимназии 1887 г. — выпуск Владимира Ульянова — включает и вид на здание гимназии с северо-востока, от дома губернатора. Фотография эта была сделана Б. Р. Биком. Она была воспроизведена и в книге Безгина о гимназии[28].

В семье Рогозиных почти столетие бережно хранилась фотография большого формата — выпуск Симбирской Мариинской гимназии 1888 года. В нижней части этой фотографии в небольшом овале оказался снимок здания гимназии. Вход в здание находился, тогда, в его левой части. В результате позднейших перестроек он был перенесен в центральную часть. Фотография выцвела до почти полного исчезновения изображения, но использование в процессе репродуцирования контрастных материалов позволило восстановить изображение[29].

К началу 80-х (или даже к концу 70-х) гг. надо отнести фотографию Б. Саратовской улицы с севера, от пересечения этой улицы с Чебоксарской. Объектив аппарата был направлен точно по оси бульвара, проходившего посередине улицы. Слева видны дом купца Теняева, два дома (каменный и деревянный) аптекаря Рунне,

небольшой фрагмент дома Гончаровых и Троицкая церковь. Справа — дом Соболева и Вознесенский собор. Основания для датировки — каменный дом Рунне был построен в 1876—1877 гг.[30], а дом П. Г. Соболева — в 1879—1880 гг.[31] В то же самое время облик бульвара, высота кустов акации — все это говорит, что со времени, когда бульвар в 1867 г. фотографировал Муренко прошло не больше 10—15 лет. К сожалению, местонахождение подлинника неизвестно, в нашем распоряжении имеется плохая репродукция с репродукции и очень плохое клише для печати.

Серия видов Симбирска работы Г. Степанова датируется точно — 1890 год. Фотографии размером 13×18 наклеены на паспарту. Рамки золотом, надписи на паспарту отпечатаны типографским способом. Первая из надписей (слева направо) — «Издание книжного магазина К. И. Юргенс». Карл Иванович Юргенс приехал в Симбирск из Ревеля Эстляндской губернии[32] в 1855 г.[33]. Но его родиной был не Ревель (ныне Таллин), а далекая от Симбирска Швейцария. Об этом сообщил автору настоящего очерка член общества советско-швейцарской дружбы Эмиль-Альбер Россье в конце 60-х гг. Россье оказался дальним родственником симбирских Юргенсов, у него в Швейцарии оказались уникальные фотографии Симбирска конца XIX — начала XX вв., фотокопии которых он любезно прислал. Свой первый книжный и музыкальный магазин К. И. Юргенс открыл в 1855 г. В 1866 г. этот магазин находился в доме наследниц купца И. И. Макке на Покровской улице[34]. Но уже в 1869 г. магазин разместился в собственном доме Юргенса на северо-восточном углу Анненковского переулка и Лисиной улицы[35] (дом сохранился до настоящего времени), а в июне 1880 г. приобрел «дом Гончарова» на углу Б. Саратовской и Московской улиц[36], который оставался в его руках и руках его сыновей до 1911 г. (сам Юргенс умер в 1898 г.[37]). Вместе с Юргенсом, естественно, переезжал и его магазин.

Серия фотографий Симбирска и его окрестностей, «изданная» Юргенсом явно для продажи и выполненная Г. Степановым, насчитывала больше 38 сюжетов. Выявлено до настоящего времени всего 7 фотографий.

1. № 9. Дом Гончарова. Дом сфотографирован с северо-запада таким образом, что виден не только сам дом, но и вся усадьба как со стороны Московской улицы, на которую выходил северный фасад основного дома и фасад флигеля с мезонином, так и со стороны Б. Саратовской, где, кроме западного фасада дома видны ворота и забор вплоть до Троицкой улицы. За забором видны фрагмент здания кадетского корпуса и фрагмент здания Троицкой церкви.

Можно считать установленным, что фотография дома Гончаровых до перестройки является единственной, которая была известна

даже в 1912 году — в год столетнего юбилея со дня рождения И. А. Гончарова. Свидетельством этого является издание к юбилею кустарным образом фотооткрытки-репродукции с фотографии Степанова. До конца 60-х гг. в Ульяновске была известна только эта открытка, точнее репродукции с этой открытки. А дальше Э. А. Россье прислал из Лозанны превосходную репродукцию с подлинника фотографии Степанова, находившегося в его распоряжении. Наконец, в середине 70-х гг. автору этого очерка удалось приобрести в Ульяновске у частного лица еще один подлинник фотографии дома Гончаровых работы Г. Степанова. Эта фотография была позднее передана в дар Ульяновскому краеведческому музею для его нового филиала, посвященного И. А. Гончарову[38]. Фотография была воспроизведена в 1972 г. в альманахе «Прометей».

2. № 18. «г. Симбирск. Троицкий Кафедральный собор». На фотографии видны с юго-запада Николаевский и Троицкий соборы. Бросается в глаза пустынность и неухоженность площади — щебенка, грунт, островками видна низкая, чахлая травянистая растительность. В правом углу, вдали — спина уходящего в сторону Венца человека. Фотография находится в частной коллекции[40].

3. № 25. Симбирская мужская гимназия. С северо-запада, от угла Спасской и Дворцовой улиц. Деревьев перед фасадом еще нет. Подлинник хранится в фондах заповедника «Родина В. И. Ленина».

4. № 38. «г. Симбирск. Набережная на новом венце». Слева — деревянный павильон на самой бровке волжского откоса (позади должно находиться здание присутственных мест, ныне здание сельхозинститута). Снимок сделан весной — кустарники еще не оделись листвой, трава едва пробивается. Слева полулежит человек, одетый в армяк с поддевкой и обутый в лапти, а перед беседкой стоит и глядит на Волгу гимназист в форменной фуражке и шинели. Второй мальчуган-гимназист виден в глубине беседки. В правом нижнем углу видно подгорье, здание 3-ей полицейской части, а выше — Волга и Заволжье (без каких бы то ни было деталей)[41]. Подлинник фотографии — у автора статьи. Фотография не воспроизводилась.

5. Завод Андреева. По сравнению с 1868 г. произошли заметные изменения — слева от двухэтажного каменного здания, существовавшего уже в 60-х гг., появились каменная пристройка к нему и новый каменный корпус на месте деревянного. Подлинник фотографии находится в Швейцарии, а репродукция у автора настоящей статьи.

6. «Окрестности г. Симбирска. Киндяковская роща». Живописный уголок рощи — мостик через ручей. Эта фотография является пока что единственным видом рощи, которая была

любимым местом прогулок для симбирян. Подлинник хранится в УКМ.

7. «Окрестности г. Симбирска. В Барыкинских лугах». Вид одного из уголков обширной волжской поймы южнее Симбирска (правый берег). Старица или же одно из пойменных озер на переднем плане, на противоположном берегу видна группа «ружейных охотников» с собакой. Вдали просматривается высокий левый берег Волги. Хорошо переданы облака. Подлинник — в УКМ.

8. «Окрестности г. Симбирска. За Волгой. Исток озера Бакалды». Фрагмент озера, похожего на старицу. Левый берег зарос кустами, за которыми виднеется группа высоких деревьев, на левом берегу только кустарники, а перед ними фигура мальчика с удочкой. Подлинник в УКМ.

Примечания

[1] Сытин. С. Таким был Симбирск. «Прометей», № 8, стр. 8. М., 1972 г. В 1969 г. эта фотография была воспроизведена в газете «Ульяновский комсомолец» (29 января), но качество воспроизведения было неудовлетворительным.

[2] Там же, стр. 11.

[3] Сытин С. Симбирск, каким его видел Володя Ульянов. «Призвание» (многотиражка УГПИ им. И. Н. Ульянова), 1968 г., 5 октября, № 23(355). «Прометей», № 8, стр. 10.

[4] Блохинцев А. Н. И жизни след оставили своей..., стр. 19—29. Саратов, 1980.

[5] «Прометей», № 8, стр. 19.

[6] Там же, стр. 15.

[7] Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования, стр. 68—69.

[8] «Прометей», № 8, стр. 18.

[9] Там же, стр. 10—13.

[10] Сытин С. Каким ты был, Симбирск? Ульяновский комсомолец, 1969 г., 29 января.

[11] Памятная книжка Симбирской губернии на 1868 год, ч. II, стр. 84. Симбирск, 1868.

[12] Государственный архив Ульяновской области. Путеводитель, стр. 52. Ульяновск, 1966.

[13] Симбирские губернские ведомости, 1870 г., 25 апреля, № 30.

[14] Красовский В. Э. Хронологический перечень событий Симбирской губернии 1372—1901. Симбирск, 1901.

[15] Симбирские губернские ведомости, 1867 год. 1—6 июля.

[16] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 4.

[17] Памятная книжка Симбирской губернии, 1862—1863, стр. 33.

[18] Симбирские губернские ведомости, 1865 г., 27 марта, № 13; 15 мая, № 19; ГАУО, ф. 32, оп. 2, д. 43.

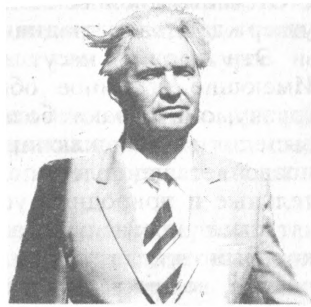
[19] Блохинцев А. Н. Масонский храм в Винновской роще. Рукопись. 1969. Архив С. Л. Сытина.

[20] «Прометей», № 8, стр. 12, 13, 20, 21, 22, 23, 24, 25. 1972 г.

[21] Письмо В. Н. Арнольда С. Л. Сытину от 23 марта 1968 г. Архив С. Л. Сытина.

[22] Бросман А. И., Медведев Н. Н. Ульяновск, стр. 77. Москва, 1973.

[23] Сазонтов Г. Первый совет в Симбирске. Ульяновская правда, 12 марта, 1977 г.
[24] ГАУО, ф. 137, оп. 34, д. 374.
[25] Мартынов П. Селения Симбирского уезда, стр. 317.
[26] Архив С. Л. Сытина.
[27] ГАУО, ф. 401, оп. 1, д. 324.
[28] Безгин И. Г. Симбирская губернская гимназия (1786—1887 г.) Библиографическая монография... С приложением снимка со здания гимназии. С.-Пб., 1888, стр. 376.
[29] Архив С. Л. Сытина.
[30] ГАУО, ф. 137, оп. 34, д. 997.
[31] Там же, д. 1423.
[32] Там же, ф. 317, оп. 9, д. 441.
[33] Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования, стр. 274. Симбирск, 1898.
[34] Симбирские губернские ведомости, 1866 год, 29 декабря, № 141.
[35] ГАУО, ф. 317, оп. 9, д. 441.
[36] Там же, ф. 138, оп. 1, д. 22, л. 57 об.; Г. Челноков, Книжный магазин Юргенса. Ульяновская правда, 1976 г., 25 июля.
[37] ГАУО, ф. 435, оп. 11, д. 93.
[38] Валкин М. Музейный поиск. «Волга», 1980 г., № 8, стр. 187.
[39] «Прометей», № 8, стр. 14.
[40] Архив С. Л. Сытина.
[41] Там же.



Б. В. АРЖАНЦЕВ

Гончаровский мемориал

За последние десятилетия исторический образ Ульяновска изменяется довольно быстро, и этот процесс все ускоряется. Застраиваются не только свободные участки, но и реконструируются существующие.

В исторический центр вошли и заняли ключевые места новые здания, придавшие городу современный урбанизованный вид.

Вместе с тем в планировочной ткани города сохраняются здания, имеющие мемориальное, историческое или культурное значение — драгоценные реликвии прошлого.

Эти здания на фоне происходящих перемен получают новое звучание.

Одним из таких зданий, несомненно имеющим и большое архитектурно-художественное значение, является Дом-памятник И. А. Гончарову.

Большой интерес представляет как история создания Дома-памятника, так и анализ его художественного образа.

Это тем более интересно, что дома-памятники — одна из древнейших традиций в русском зодчестве. В наше время их чаще называют мемориалами.

Достаточно напомнить соборы, построенные в честь Александра Невского, Ивана Грозного, затем уже в недалеком прошлом Дом-памятник С. Т. Аксакову в Уфе, А. Н. Радищеву в Саратове и многие другие.

Созданные в наши дни величественные мемориалы, связанные с Отечественной войной, с другими событиями в истории страны, утверждают эту традицию домов-памятников.

Эти здания несут в себе характерные черты своей эпохи. Имеющие огромное общественное значение, эмоциональную нагрузку, они играют большую роль в градостроении. Такие здания выполняются исключительно по индивидуальным проектам, что позволяет наиболее полно учитывать исторические, градостроительные и природные условия.

Идея поставить на родине известного писателя памятник, который всегда служил бы целям просвещения, светильником разума, возникла вскоре после кончины писателя.* Но средства из государственной казны на эти цели не выделялись. Они собирались, как правило, по подписке.

После нескольких ходатайств 18 июня 1910 года Министерство внутренних дел дало разрешение на всероссийскую подписку по сбору средств на сооружение памятника.

В 1910, 1912 годах деятельность Симбирской ученой архивной комиссии была посвящена сбору средств. От их количества зависел выбор вида памятника или скульптурного при их ограниченности, или архитектурного при определенном достатке.

Место для закладки архитектурного памятника было отведено безвозмездно Симбирским городским управлением в лучшей части города, Николаевском саду, с выходом главным фасадом на бульвар Новый Венец. Площадь застройки принималась от 400 до 600 квадратных сажень.

Закладка Дома-памятника состоялась в 100-летний юбилей со дня рождения И. А. Гончарова 6 июня 1912 г.

На закладке здания присутствовали: известный юрист, академик, член Государственного Совета, друг И. А. Гончарова — Анатолий Федорович Кони, две вдовы родных племянников Гончарова — Елизавета Александровна Гончарова и Дарья Леонтьевна Кирмалова с сыном, а также многочисленные представители города.

С целью получить хороший проект Дома-памятника было проведено два конкурса: один 26 июля, а другой 15 декабря 1912 года.

На конкурсы были представлены соответственно 7 и 9 проектов.

На первом проекты имели такие девизы, как «Акротер», «Два Витязя», «Бог помощь», «Венок», «Орел», «Обрыв» и «Синий Квадрат».

---

* Истории создания Дома-памятника И. А. Гончарову посвящен ряд публикаций (см М. Х. Валкин «Из истории создания Дома-памятника И. А. Гончарову, И. Гончаров. К 65-летию со дня смерти (1891—1956). Ульяновск, с. 25—30).

Все проекты первого конкурса были отклонены Симбирской губернской ученой архивной комиссией после ознакомления и на основании отзывов, представленных двумя местными архитекторами Ф. О. Ливчаком и А. А. Шодэ, которые сами в конкурсе не участвовали.

Все проекты второго конкурса также были отклонены комиссией после ознакомления и доклада, сделанного приглашенным в качестве специалиста архитектором-художником из города Херсона Э. В. Спаннером.

Основные причины отклонения всех проектов как первого, так и второго конкурсов заключались в отступлении авторами от заданной программы, предусматривающей первоначально размещение в этом здании музея, библиотеки и художественно-промышленной школы, а при втором конкурсе только музея и библиотеки.

Отступления выразились в части отклонения от заданных размеров помещений, а также недостаточной художественной проработке уличных фасадов.

В проектах первого конкурса также отмечалось отсутствие центрального коридора, а по проектам второго конкурса было и такое заключение, что ни по одному из проектов, точно придерживаясь его «производить постройку нельзя» (отчет Симбирской губернской ученой архивной комиссии за 1912 г. стр. 55).

В целях ускорения решения затянувшегося вопроса с разработкой проекта комиссия 19 декабря 1912 г. вынесла постановление поручить одному из местных талантливых архитекторов, не принимавших участия в конкурсах, «...в месячный срок представить проекты фасадов и планов Гончаровского дома с желательным приближением к фасадам и планам Радищевского музея, имеющимся у архитектора Августа Августовича Шодэ, который был специально командирован в Саратов для ознакомления с помещением и постановкой дела в Радищевском музее...» (отчет комиссии за 1912 год, 69-ое заседание).

Не прошло и месяца, как 7 января 1913 года А. А. Шодэ представил на рассмотрение комиссии проект Дома-памятника в виде двух фасадов со стороны Нового Венца и Дворянской улицы (ныне ул. Коммунистическая) и планов двух этажей.

Проект более полно отвечал заданной программе, имел выразительные с архитектурно-художественной точки зрения фасады, чем произвел хорошее впечатление на членов комиссии, был одобрен и принят ею для строительства.

Следует отметить, что на удачное решение проекта повлияло знакомство автора с материалами проектов проведенных конкурсов, знание их слабых и сильных сторон, а также его непосредственное

участие в сборе необходимых данных для проектирования в период командировки по заданию комиссии в г. Саратов в музей им. Радищева.

Вместе с тем А. А. Шодэ, как местный архитектор, хорошо знал и чувствовал специфику города Симбирска со всей окружающей участок строительства застройкой и природными особенностями, и, что не менее важно, жил в атмосфере родного города И. А. Гончарова.

В отчете комиссии за 1913 год так описан проект здания: «Двухэтажное каменное здание занимает угловое место в Николаевском саду и выходит фасадом на Венец, другим к дому Дворянства. Исполнено в стиле «Ренессанс». Соединяющий оба фасада угол здания образует круглую башню, красиво заканчивающуюся вверху и доминирующую над всей застройкой. В нише фасада, обращенного к Венцу, помещен бюст И. А. Гончарова — необходимая эмблема Дома-памятника. Основная конструкция всего здания и стильные особенности фасадов и кровли придают дому красивый вид. Удачно выбранные размеры общей высоты и фасадов в длину создают зданию выгодное положение в отношении соседних строений — губернского присутствия, дворянского и губернаторского домов, новое здание их не загородит, не подавит своими размерами и в то же время не будет само подавлено ими...»

Сначала здание строилось быстро, начатое в 1913 году оно было уже почти закончено в конце 1915 года, несмотря на трудности военного времени. Но 4 ноября 1915 г. по предложению Симбирского губернатора распорядительным актом губернского комитета здание было передано под размещение лазарета Всероссийского земского Союза. Спешно стали проводиться работы по приспособлению его под лазарет.

В отчете комиссии за 1916 год содержится перечень отклонений от первоначального проекта, отмеченные А. А. Шодэ: «...Высота здания увеличена на $^{3}/_{4}$ аршина, сделано помещение для архива в подвальном помещении, наружная штукатурка здания с массою украшений, лепные работы в вестибюле, переделки, вызванные приспособлением дома для военного госпиталя и т. д. (отчет комиссии за 1916 г., стр. 32).

Общие затраты на строительство Дома-памятника по состоянию на 15 июня 1916 г. составили 134 587 рублей 88 копеек.

Для выполнения отдельных видов работ по сооружению здания привлекались артели и отдельные мастера. Подрядчиком по слесарным работам был некто Баскин, а плотничным — Кулемин. Штукатурные работы выполняла артель подрядчика Шапошникова. Плиты карнизные и для парадного входа изготовляла самарская фирма Ванюшина. Заказ на дверь и большую дубовую раму выполнила мастерская Симбирской чувашской школы.

Оконные рамы и простые рамы с дверями делал столяр Курзин из деревни Дурасовки Ардатовского уезда Симбирской губернии.

Лепные украшения изготовил мастер Каминский.

Для наблюдения за строительством была избрана строительная комиссия во главе с Л. И. Афанасьевым, членом хозяйственной части избрали И. Я. Яковлева.

Впоследствии И. Я. Яковлев стал заведующим всей постройкой. Он добросовестно и энергично выполнял функции заказчика, своевременно решал все возникающие вопросы и регулярно отчитывался за строительство перед губернской ученой архивной комиссией.

По его предложению архитекторы А. А. Шодэ и В. Г. Иванов, привлеченный в качестве ответственного официального лица, как специалисты обязаны были строго следить за качеством производимых работ и техникой безопасности на стройке.

Заслуги И. Я. Яковлева, связанные с этой уникальной постройкой, были признаны единодушно всеми членами строительной комиссии, которая на своем заседании постановила выразить ему глубокую благодарность.

Таким образом, перед нами раскрывается исключительно важная черта просветителя чувашского народа, его неразрывная связь с наследием передовой русской культуры, ярким представителем которой был И. А. Гончаров, с его любовью к историческому прошлому Симбирска и с ясным пониманием того, какое большое значение это здание будет иметь для будущего города.

Мы подошли к раскрытию архитектурно-художественного образа здания. Но прежде рассмотрим некоторые особенности построения композиции его внешних объемов и главного фасада.

Здание асимметрично в плане и со стороны главного фасада, однако единство его общего композиционного решения не нарушается. Стройная башня уравновешивает центральный объем и хорошо завершает здание со стороны угла. В этом приеме запечатлена древнейшая традиция сооружения башен, колоколен и т. д., создающих выразительный силуэт не только отдельных сооружений, но и целых поселений, а также многих городов, особенно хорошо воспринимаемых со стороны Волги или других многочисленных рек, озер и прочих водных гладей.

Традиционным приемом в архитектуре Дома-памятника стало и сочетание красных плоскостей стен с белыми и зеленой краской крыши, который многократно себя оправдывал при постройках из красного кирпича со штукатуркой, так как все это было основано на использовании художественных свойств самого строительного материала.

В трактовке главного и боковых фасадов, как арочно-стеновой

конструктивной системы, широко использованы ставшие классическими способы выявления основных эстетических свойств массивной стены, придающие ей наибольшую художественную выразительность, а также прочность, устойчивость и долговечность.

Это подчеркнуто массивным и высоким цоколем, несколько выступающим из плоскости стены; первым этажом и мощными пилонами центрального входа, поверхность которых разделана под крупные русты в виде блоков «тесаного» естественного камня, наиболее полно передающими ощущение прочности.

Строго соблюдается и классический принцип несвешиваемости вышерасположенных частей стен фасадов за исключением карнизов.

В обработке второго этажа здания и башни используются приемы, подчеркивающие их сравнительную легкость по отношению к более массивному первому этажу.

Это и более мелкая по сравнению с рустами структура кирпичной кладки, выявленной в штукатурном слое и имеющей несколько типоразмеров, и арочные перемычки оконных проемов, и ниши в пилонах, и, наконец, стройная башня с купольным покрытием и лаконичным шпилем, создающая динамичность зрительного восприятия всего здания.

Особенно удачно и выразительно решен центральный объем здания с восточной стороны, куда обращен его главный фасад. Между пилонами на первом этаже расположен парадный вход с невысоким крыльцом и вазами для цветов на нем. Высокая остекленная двухстворчатая дверь обрамлена небольшими изящными пристенными колоннами.

На втором этаже между пилонами расположен крупный арочный проем, очертания которого повторяет упругая линия архивольта с декоративным элементом в арочном замке, а в самом проеме установлены гнутые переплеты усиливающие эстетическое влияние плановых криволинейных очертаний. За этой аркой внутри помещения расположено сводчатое цилиндрическое покрытие, характерное для триумфальных арок.

Навес над центральным входом выполняет также и функции балкона второго этажа, что указывает на целесообразность такого совмещения как с эксплуатационной, так и с архитектурно-художественной точек зрения в виду предусматриваемой установки на этом балконе бюста писателя.

На участках стены по обе стороны верхней части арочного проема размещены декоративные рельефы в виде лавровых веток с венками, что подчеркивает лиричность общего настроя здания, как памятника писателю-романисту.

Все арочные проемы пластически обработаны архивольтами, выступающими из плоскости стены и имеющими декоративные

элементы в замке и пятах арок, которые пластическими художественными средствами выражают места статической напряженности последних.

Удачно найдено и общее композиционное построение внешних объемов, заключающееся в гармоническом сочетании цилиндрической башни с прямоугольным объемом основной части здания.

Цилиндрическая форма башни наиболее полно выявляет трехмерность объема, как его главное художественное свойство.

Переходя к раскрытию художественных достоинств всего здания следует отметить, что оно имеет преобладающее идейно-образное решение с ярко выраженными типологическими чертами, соответствующими его мемориальному значению, выделяющими его из среды других, рядом расположенных зданий.

Общий архитектурно-художественный образ здания помогает раскрыть башня, которая приобретает главенствующее значение в его облике благодаря своему доминирующему положению в высотной композиции.

Членение третьего верхнего этажа башни пилястрами, продолжением которых в нижней части за горизонтальным пояском являются их пьедесталы, создает иллюзорное изображение беседки-ротонды с круговым обзором, ориентированным на кривую линию Венца, ниспадающую кромку косогора, пространство Волги и заволжские дали. Все это придает всему зданию художественный образ обрыва, на краю которого стоит беседка. Такому рождению художественного образа способствует и непосредственная близость расположения здания от верхней бровки волжского косогора.

В самом деле, если пользоваться архитектурным языком, то пилястры, изображенные на наружной поверхности башни штукатурным слоем, это ни что иное, как проекции колонн, хотя и не существующих, их трансформация. А промежутки между колоннами, называемые интерколумниями, это всегда пространство. Таким образом и возникает перед нами художественное изображение архитектурными средствами беседки, открытой в окружающее пространство.

Башня-мечта, такое поэтическое сравнение невольно возникает в воображении, когда любуешься этим зданием.

Интересно отметить и другое обстоятельство, имеющее прямое отношение к изображенной беседке на башне.

В 1912 году в Симбирске решался вопрос о сооружении в честь 100-летия со дня рождения И. А. Гончарова сразу двух памятников: Дома-памятника и беседки, расположенной вблизи Симбирска с южной стороны в районе событий, описанных писателем в романе «Обрыв».

Возможно образ беседки в Киндяковке и навеял автору

удивительно удачную мысль создания архитектурно-художественного образа Дома-памятника, как обрыва с беседкой.

Беседки в старом Симбирске были не редким явлением. При описании в поэме «Сашка» видов Симбирска М. Ю. Лермонтов упоминает нарядную беседку. На старых фотографиях Симбирска мы видим несколько беседок на Новом Венце и в других местах города. Пожалуй ни один парковый ансамбль в мире не обходится без малых архитектурных форм, среди которых беседки всегда занимают ведущее место. Легкие, насквозь пронизанные воздухом они удачно сочетаются с природным окружением.

В архитектуре многих стран давно подмечена связь и влияние жилых домов на общественную застройку. И мы не можем пройти мимо подобных фактов в истории нашего города. Так на Старом Венце (ныне ул. Пролетарская) беседки размещались над крышами целого ряда деревянных одноэтажных домов. Писатель С. Г. Скиталец в романе «Дом Черновых» при описании Старого Венца называет эти беседки по старому — вышками. Рядом с домом С. Г. Скитальца на этом Венце стоял дом инженера Яковлева, построенный в 1910-е годы по проекту А. А. Шодэ. Оба эти дома имели беседки над крышами.

Можно задаться вопросом, что давало людям и городу такое оригинальное решение. Представим себя жителями такого дома. Вы пришли с работы или учебы, вас на время поглотила домашняя обстановка, но вот вы свободны, на улице лето, и вам хочется подняться в беседку. Отсюда открывается вид на Волгу и заволжские дали, живописный природный ландшафт города, его цветущие сады. И если вы склонны к сочинению стихов, рисованию, фотографированию и т. д., то это как раз то место, где созданы благоприятные условия для творчества. Архитектура такого дома способствует развитию творчества, формирует эстетические вкусы. Беседки над крышами придают асимметричный и жизнерадостный вид самим зданиям, фрагментам улиц и городу в целом. И главное, это являлось одной из местных традиций в архитектуре, уходящей своими истоками к высоким повалушам и теремам. Отсюда становится понятным и оправданным обращение архитектора А. А. Шодэ к башенке, как ведущему элементу в объемной композиции Дома-памятника И. А. Гончарову.

Отчасти, секрет этого здания — в умело найденных пропорциях. Так пропорции башенки «очеловечены», ее ширина четыре раза умещается в ее высоте, а это пропорции человеческого тела, у которого ширина плеч приблизительно кратна четырем частям его роста.

Пропорции арочного проема главного фасада соответствуют пропорциям классических триумфальных арок Древнего Рима.

Заложенный в проекте здания синтез скульптуры и архитектуры к сожалению не был осуществлен.

Так в проекте главного фасада четко различается трехярусная скульптурная композиция. В верхнем ярусе над триумфальной аркой по ее краям выше крыши представлены две скульптурные группы: слева богиня просвещения — Минерва держит венок над головой девушки, сидящей над ручным прядильным станком, справа — такая же богиня венчает юношу с открытой книгой в руках. Эта скульптурная композиция раскрывает одно из основных назначений здания, в котором наряду с музеем должна была размещаться общедоступная библиотека. Прядильный станок имел более широкое значение как символ развивающейся в губернии текстильной промышленности. Венок удачно ассоциировался как с конкретными персонажами, так и с бульваром одноименного названия.

На центральном среднем ярусе в уровне второго этажа на фоне триумфальной арки предусматривалась установка бюста писателя. Основная идея этого синтеза скульптурного бюста и архитектурной арочной формы — это триумф творчества писателя и выражение главного назначения всего здания: быть Мемориалом.

Нижний третий ярус включает две скульптурные фигуры в вертикальных ярочных нишах слева и справа от входа, женскую и мужскую, которые своим содержанием и местом расположения максимально приближены к каждому посетителю этого здания. Так как при разработке конкурсных проектов Дома-памятника часто упоминался роман «Обрыв», то мы склонны считать, что женская фигура — это Вера, а мужская — Марк Волохов. Основное содержание романа в части взаимоотношений Марка и Веры связано не только с тем, что они встречались в беседке у обрыва, но главная тема разрыва или обрыва — разница их мировоззрения.

Основу внутреннего объемно-планировочного решения составляет своеобразный парадный внутренний дворик — атриум с двухмаршевой торжественной лестницей.

В целом интерьер здания напоминает классические образы ренессансных палаццо с внутренними открытыми двориками, только в отличие от последних в Доме-памятнике верхняя средняя часть перекрыта тройным остеклением, сохраняющим тепло внутри здания и пропускающим естественное освещение. Вокруг лестничной части по первому и второму этажам расположены зрительные залы, соединенные между собой анфиладой для удобства последовательного осмотра экспонатов.

Особое внимание при проектировании Дома-памятника было обращено и на его непосредственное окружение. Так один из вариантов конкурсных проектов предусматривал разработку фасада с использованием колонн и композиции главного фасада в иониче-

ском ордере. Но в таком случае небольшой объем этого здания рядом со зданием присутственных мест, имеющим значительно больший объем и протяженный фасад, но тоже в ионической ордерной системе, смотрелся бы как флигель последнего и его роль в ансамбле общей застройки была бы значительно снижена.

Дом-памятник И. А. Гончарову асимметричный, жизнерадостный, не выделяясь общими размерами, внезапно врывается новым мотивом и содержанием в существующую застройку, создавая свободную и живописную композицию.

Асимметричность присущая только этому зданию соответствует самому природному окружению. Здание стало одним из самых интересных узлов бульвара Новый Венец и создает вместе с другими зданиями парадный фасад города со стороны Волги.

С правой стороны Волги расположилось высокое плато с естественными видовыми площадками. Отсюда с высоты «птичьего полета» открывается вид на более низкий противоположный берег, раскрывающий всю полноту и все величие панорамы заволжских далей с ее террасами, чередованием лесных массивов и открытых участков, обилием пространств, наполняющих эту изумительную картину.

В целом Дом-памятник И. А. Гончарову с учетом его окружения создает гармонию природы и камня.

М. М. САВИЧ

Симбирская архивная комиссия

Симбирская губернская ученая архивная комиссия возникла в конце XIX в. на волне глубокого интереса к родной истории. Комиссия просуществовала всего 25 лет, но результаты ее деятельности мы ощущаем до сих пор. Ее вклад в развитие нашего краеведения, культуры края огромен, а опыт работы очень поучителен.

Архивная комиссия как бы сама позаботилась о своей истории, оставив нам подробные отчеты о работе, журналы заседаний, в которых помещались все выступления и научные сообщения членов комиссии. Сохранилась также переписка, различные документы о работе Комиссии, материалы, собранные ее членами.

В Государственном архиве Ульяновской области (ГАУО) есть фонд архивной комиссии (1776 дел!)[1] и личные фонды ряда ее членов. Материалы архивной комиссии хранятся также в областном краеведческом музее. В отделе краеведения Дворца книги им. В. И. Ленина собраны все издания Комиссии, в том числе отчеты и 42 журнала заседаний[2].

Создание Симбирской губернской ученой архивной комиссии, как и всех архивных комиссий в России, было продиктовано велением времени. Во второй половине XIX века возрос интерес к местной истории, а следовательно и к историческим источникам. Между тем в конце XVIII и первой половине XIX веков на глазах ученых гибли целые рукописные собрания.

В интересной статье Н. А. Зубовой «Архивно-просветительные организации в России в конце XIX — начале XX веков»[3] приводятся факты бедственного положения архивов.

«Зло расхищения рукописей пустило столь глубокие корни у нас в России, что припрятать рукопись, как и зачитать чужую книгу, не считалось грехом, и сами хранители архивов бессмысленно уничтожали вверенные их попечению рукописи». (Из отчета о состоянии Московского археологического института за 1912—1913 гг.).

«Общая тенденция отношения к архивам как к обременительному хламу проникла всюду: в Московском дворцовом архиве чиновники в середине XIX в., чтобы облегчить себе работу по разбору архивов, зимой топили печи связками древних документов» (Иконников В. С. «Опыт русской историографии», т. 1, Киев, 1891).

Материалы, имевшие архивную ценность, нередко гибли в дворянских имениях по невежеству владельцев, документы утрачивались в ведомственных архивах, т. к. кончался срок хранения и они подлежали уничтожению или продавались с торгов. Архивные служители возами продавали архивные материалы на бумажные фабрики и на рынки в качестве оберточной бумаги.

Ученые начали бить тревогу, предлагали различные меры по спасению архивов, но безрезультатно. Тогда известный русский юрист, краевед, археограф академик Н. В. Калачев выдвинул идею создания губернских архивных комиссий. Он считал, что их целью должно быть сохранение и спасение русской старины и воспитание уважения к родной истории. Отсюда на архивные комиссии возлагались задачи: создать губернский исторический архив, собрать сведения о древних памятниках края и открыть музей, способствовать распространению археологических и исторических сведений.

13 апреля 1884 года правительством было утверждено «Положение о губернских архивах и ученых архивных комиссиях». В этом же году открылись первые четыре архивные комиссии: орловская, рязанская, тамбовская и тверская. В 1917 году архивные комиссии существовали в 41 губернии России. Симбирская была образована двенадцатой в стране[4]. Хлопоты по созданию ее взял на себя В. П. Поливанов — симбирский дворянин, ученый и общественный деятель.

Прежде всего надо было обеспечить финансовую независимость комиссии. Ведь разбор и издание архивных документов, организация археологических экспедиций, изучение памятников старины требовали немалых средств. Следовало позаботиться о подходящем помещении, привлечь к работе заинтересованных, работоспособных людей.

К 1895 году основные проблемы удалось решить. Симбирское

городское общество, губернское земство и все восемь уездных земств дали согласие субсидировать архивную комиссию. Дотацию выделили Министерства внутренних дел и юстиции. Значительные средства должны были дать членские взносы.

Идея создания архивной комиссии была поддержана многими представителями симбирского дворянства, интеллигенции, чиновничества, купечества.

Однако собственное помещение архивная комиссия приобрести не смогла и по предложению председателя комитета Карамзинской библиотеки А. П. Языкова она временно разместилась в здании Дворянского собрания (ныне Дворец книги им. В. И. Ленина).

Открытие Симбирской губернской ученой архивной комиссии состоялось 30 июля 1895 года. На заседании присутствовали: губернатор В. Н. Акинфов, который по положению являлся непременным попечителем комиссии, директор Императорского археологического института А. И. Труворов, председатель Тверской архивной комиссии А. К. Жизневский и 34 представителя симбирского общества.

Председателем комиссии был избран В. П. Поливанов, товарищем председателя — И. А. Иванов — управляющий Симбирской казенной палатой, имевшей уже опыт работы в Тверской архивной комиссии, правителем дел избрали Д. И. Сапожникова — секретаря казенной палаты.

На первом заседании в действительные члены комиссии вступили 19 человек. Все лица, подписавшие ходатайство о создании комиссии, а также присутствовавшие на первом заседании, стали ее членами-учредителями. Среди них: В. Н. Акинфов, В. Н. Поливанов, И. А. Иванов, Д. И. Сапожников, С. М. Баратаев — председатель губернской земской управы, Благовидов И. А. — помощник инспектора врачебной управы, Н. А. Гернет — управляющий удельной конторой, А. Н. Глассон — правитель канцелярии удельного округа, И. В. Ишерский — директор народных училищ Симбирской губернии, В. А. Копосов — врач, С. С. Медведков — священник, В. Н. Назарьев — помещик, член уездного училищного совета, писатель-публицист, П. Ф. Филатов — врач, Н. А. Якубович — директор кадетского корпуса и другие, всего 55 человек[5].

Действительные члены комиссии избирались на заседании комиссии тайным голосованием, а затем по представлению непременного попечителя утверждались директором Императорского археологического института.

Было решено, что действительные члены уплачивают годовой членский взнос не менее 3-х рублей. Наряду с действительными членами избирались и почетные члены комиссии[6].

В программной речи на открытии комиссии В. Н. Поливанов

говорил, что собирание, описание и хранение дел и документов по местной истории и уцелевших вещественных памятников старины является главной задачей и обязанностью архивной комиссии. Он напомнил, что в губернии известны собрания автографов, мемуаров, неизданные поэтические произведения, древние жалованные грамоты, хранящиеся в помещичьих имениях. Все это должно увидеть свет и сделаться достоянием науки. Предметом особого внимания, отмечал Поливанов, должны быть и «исчезающие все более и более из памяти народной, предания, песни, сказания и другие произведения местной народной жизни»[7].

Симбирскую архивную комиссию приветствовал председатель первой в России Тверской архивной комиссии А. К. Жизневский: «Цветущее совершеннолетие Симбирской архивной комиссии предсказывает избрание председателем ее Владимира Николаевича Поливанова, одного из самых симпатичных археологов, подаривших русской археологии богатые результаты раскопок Муранского могильника»[8].

Действительно кандидатура В. Н. Поливанова на пост председателя ученой архивной комиссии была очень удачной. Он пользовался большим влиянием и авторитетом в среде дворянства, занимал различные придворные должности, был гласным симбирского земства и его представителем в Государственном Совете. В 1898 году В. Н. Поливанов был избран губернским предводителем дворянства и оставался на этом посту до своей кончины в 1915 году. Поливанов составил первую археологическую карту Симбирской губернии. Как ученого-археолога его знали не только в России, но и за границей. Во французском археологическом журнале за 1898 год была напечатана статья члена французского общества археологии барона де Бай о раскопках Муранского могильника, об этих же раскопках он сделал сообщение на конгрессе ориенталистов в Женеве[9].

Был В. Н. Поливанов любителем и знатоком искусства.

Происходил он из знатного образованного симбирского дворянского рода. Дед его Иван Петрович Поливанов был сенатором. В 1812 году, когда армия Наполеона подходила к Москве, он сумел вывезти из столицы сокровища Оружейной палаты, а затем опять вернул их в Москву.

Его отец Николай Иванович был другом М. Ю. Лермонтова. В имении Поливановых в Акшуате имелись прекрасная картинная галерея и музей, разместившийся в специально построенном здании. В музее хранились ценнейшие коллекции: автографы Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Жуковского, альбомы, рисунки, записки, письма, посмертные маски Пушкина, Белинского и многое другое[10].

Современники характеризовали В. Н. Поливанова как человека

доброго, сердечного и отзывчивого ко всяким общественным явлениям.

В день 250-летия Симбирска, обращаясь к Поливанову, симбирский губернатор говорил: «Живя и развиваясь благодаря Вашим заботам и попечению, Архивная Комиссия считает Вас своим сердцем, дающим ей эту жизнь. Вы сумели сгруппировать вокруг себя целую плеяду лиц, с любовью употребляющих свои досуги на разработку древних актов симбирской старины и вносящих много нового в нашу историю»[11].

Действительно, число членов архивной комиссии, особенно в первые годы, быстро росло. Если на первом заседании действительными членами комиссии были избраны 19 человек, то в 1898 году было уже 134 действительных и почетных членов, в 1903 — 156. Затем состав ее стабилизировался и к 1917 году членами архивной комиссии состояли 141 человек[12]. Среди них группа людей, успешно разрабатывавшая вопросы местной истории. Это П. Л. Мартынов, А. К. Яхонтов, М. Ф. Суперанский, В. Э. Красовский, А. Н. Зерцалов и другие. Членами комиссии состояли архитекторы Ф. О. Ливчак, А. А. Шодэ, врачи В. А. Копосов, И. С. Покровский, известный чувашский просветитель И. Я. Яковлев, преподаватель кадетского корпуса А. П. Покровский, помещики С. М. Баратаев, А. А. Мотовилов, Е. М. Перси-Френч, купцы М. Ф. Степанов, Н. Я. Шатров и многие другие[13].

В. Н. Поливанов высоко ценил своих сотрудников «за всегдашнюю готовность, часто несмотря на недостаток свободного от службы времени, трудиться над разработкой вверенного Комиссии архивоведения и изучения памятников местной старины»[14]. Важно отметить, что члены архивной комиссии делали все безвозмездно, не получая вознаграждения за свой труд.

Почетными членами комиссии в разное время были избраны: Акинфов В. Н. — симбирский губернатор; епископ Чебоксарский — Анатолий, ректор Казанской духовной академии; Анучин Д. К.— академик; Бобринский А. А. — граф, председатель Императорской археологической комиссии; Бранденбург Н. Е. — заведующий Петербургским Императорским артиллерийским музеем; Голицын П. А. — князь, директор главного архива МИД; Горемыкин И. Л. — министр внутренних дел; Гурий — епископ, член Святейшего Синода; Де-Бай И. А. — барон, член французского общества археологии; Рамбо Альфред — историк, министр народного просвещения Франции, сенатор Французской Республики; Самоквасов Д. Я. — управляющий Московским архивом министерства юстиции; Бюлер Ф. А. — директор Московского главного архива министерства иностранных дел; Бычков А. Ф. — директор

Петербургской публичной библиотеки; Забелин И. Е.— директор Московского исторического музея; Кони А. Ф.— академик; Корсаков Д. А.— пофессор императорского Казанского университета; Майков Л. Н.— вице-президент Императорской академии наук; Никандр — епископ Симбирский и Сызранский; Покровский Н. В.— директор археологического института; Уваров П. С. — председатель Императорского Московского археологического общества; Сергиевич В. И.— профессор Императорского Санкт-Петербургского университета[15]. Все они с благодарностью приняли на себя обязанности почетных членов комиссии и неоднократно жертвовали интересные материалы в музей и библиотеку комиссии. Кроме того, участие известных ученых в деятельности комиссии положительно влияло на научный уровень ее деятельности.

Симбирская архивная комиссия была одной из наиболее благополучных в финансовом отношении и результативных по научным исследованиям и просветительской деятельности.

В марте 1896 года В. Н. Поливанов был принят в Зимнем дворце императором Николаем II, который интересовался деятельностью комиссии, а также историческим и архивным материалом, подлежащим научной обработке. А через два года Владимир Николаевич Поливанов был награжден орденом Владимира II степени «за труды по званию председателя Симбирской Ученой Архивной Комиссии»[16].

Важнейшей задачей архивной комиссии было создание местного исторического архива, хранение, описание и издание архивных документов.

В Симбирской губернии, как и в других губерниях России, документы, срок хранения которых заканчивался, уничтожались или продавались с торгов.

Уже на своем втором заседании, 1 августа 1895 года, комиссия постановила «циркулярно обратиться к местным правительственным, общественным и сословным учреждениям с просьбой о доставлении в Комиссию на рассмотрение описей делам, предназначенным к уничтожению»[16]. Вскоре такое обращение было направлено в различные учреждения. В нем была просьба сообщить опись дел, предназначенных к уничтожению, «для выделения из них тех документов и бумаг, которые по представляемому ими интересу в научном отношении подлежат передаче для всегдашнего хранения»[17].

В ГАУО хранится переписка с губернскими и уездными учреждениями, земскими начальниками и волостными правлениями о просмотре, хранении и уничтожении дел за 1898—1917 годы[18]. Она дает представление о большой трудоемкой, кропотливой работе по созданию местного исторического архива.

Архивы различных учреждений направили в комиссию громадное количество описей с просьбой сообщить «не встречается ли с ее стороны препятствий к уничтожению означенных в прилагаемых описях дел». Например, Симбирская казенная палата только за один год направила в Комиссию 22 633 дела[19].

Обычно после получения описей кто-либо из членов архивной комиссии просматривал их и отбирал дела, заслуживающие вечного хранения. Все поступившие в архив дела и документы заносились в общий алфавит и опись. В ГАУО есть отчеты членов комиссии о проделанной работе. Так, член комиссии Никольский писал в отчете за 1897 год: «Просмотрены челобитные волостного правления Курмышского уезда с 1866 по 1885 год, по описи 1104 дела, для исторического архива отобрано 16 дел»[20].

Нередко, просмотрев многие сотни описей, члены комиссии сообщали, что «препятствий к уничтожению дел нет», т. к. исторически ценных материалов в них не обнаруживалось. Но бывали случаи, когда ведомства отказывались передавать отобранные по описям документы. Например, в отношении Симбирского удельного округа в архивную комиссию (август 1896 года) сообщалось, что округ не может передать просимые дела, потому что одни из них подлежат вечному хранению в архиве удельного округа, так как ежедневно требуются для справок, другие же «не подлежат передаче в посторонние руки и даже оглашению их, как например, собрание указов и предписаний Департамента Уделов, дело о покупке имения г. Поливановой, дела об определении, увольнении и предании суду нескольких, указанных Комиссией, чинов и тому подобные дела»[21].

Наибольшее количество, отобранных в частных, государственных и ведомственных архивах дел, поступили в архивную комиссию в первое десятилетие ее существования. К 1903 году было рассмотрено 166 999 дел. Для хранения в архиве комиссии было оставлено 3 188 дел, 397 древних актов и рукописей, в том числе дела архива окружного суда, Московского архива министерства юстиции, частные архивы В. П. Мещеринова, П. В. Анненкова, А. В. Толстого, Л. А. Прушакевича, П. Я. Дашкова и др.[22].

Для хранения всех этих материалов требовалось специальное достаточно большое помещение. Первые три года архив размещался в здании Дворянского собрания[23], а затем был переведен в подвальный этаж здания Присутственных мест[24]. Помещение вполне отвечало требованиям хранения архивных документов. Каменное здание Присутственных мест было значительно удалено от других строений. Для большей пожарной безопасности в подвале сделали железную дверь, а в окнах железные ставни. Для просушивания помещения в летнее время в окнах были установлены решетки.

Дела размещались на деревянных шестиярусных полках в связках.

Одновременно с формированием архива велась работа по его разбору, изучению и изданию архивных документов. Благодаря деятельности архивной комиссии в научный оборот были включены сотни документов и не только местных, но и центральных архивов.

В августе 1895 года помощник начальника отдела Московского архива министерства юстиции А. Н. Зерцалов передал в архивную комиссию копии очень ценных документов архива министерства юстиции, относившихся к первым годам существования Симбирска.

А. Н. Зерцалов обнаружил в Московском архиве «Приходно-расходную книгу Симбирской приказной избы за 1665—1667 годы». В эти годы Симбирск числился в Приказе Казанского дворца, документы которого почти все сгорели в 1701 году. Но «Приходно-расходная книга» была спасена и, конечно, являлась редким памятником истории Симбирска и его уезда. А. К. Жизневский назвал официальные документы «Приходно-расходной книги Симбирской приказной избы...» — «метрикой Симбирска». Эти документы были изданы в 1896 году[25].

В 1898 году вышел из печати сборник «Материалов исторических и юридических района бывшего приказа Казанского Дворца» под редакцией В. Н. Поливанова и В. Э. Красовского. В сборнике были опубликованы главным образом фамильные архивы, документы которых знакомили с многими подробностями жизни дворянских семей, их взаимоотношениями друг с другом и с крестьянами. Поэтому в сборнике много жалоб, челобитных, судебных исков и т. д. Член комиссии П. Александров составил к нему именной географический и предметный указатели.

В 1901 году началось издание «Архива Симбирского Окружного суда» в двух выпусках под редакцией П. Л. Мартынова. В книгу были включены многие документы, которые ранее предполагалось продать с торгов. Работа продолжалась около четырех лет. Были изучены 36 448 дел. Исследователям удалось извлечь из этих дел важный материал по истории заселения Среднего Поволжья, в том числе северной части Симбирского края, а также по истории некоторых помещичьих селений. Почти в каждом деле содержался материал по истории симбирского дворянства, данные для составления дворянских родословных в пяти—шести поколениях. Кроме названных сборников, архивной комиссией были изданы дела Буинского суда, архив А. П. Языкова и другие.

В 1919 году П. Л. Мартынов (в то время председатель архивной комиссии) исследовал три частных архива симбирян И. И. Пушкарева, В. И. Баюшева и дворян Ховриных[26].

И. И. Пушкарев — историк и статистик первой половины XIX в.

В 30-х и 40-х годах он служил в Петербурге и работал над историческими сочинениями. Самая известная его работа «История Императорской Российской Гвардии». Это издание редактировал император Николай I. В небольшом архиве И. И. Пушкарева хранились фамильные документы и его письма к матери в Симбирск из Петербурга.

В архиве князя В. И. Баюшева — историка и общественного деятеля первой половины XIX века, Мартынов обнаружил, кроме семейных документов, две тетради подлинных приказов императрицы Екатерины II по лейб-гвардии конному полку, в котором служил дядя В. И. Баюшева. Эти приказы написаны состоявшими при императрице генерал-адъютантами: графом Григорием Орловым, князем Потемкиным, графом Зубовым, князем Васильчиковым, графом Ростопчиным и генерал-майором Аракчеевым. Таким образом, тетради содержали интересное собрание автографов исторических деятелей.

Но самым интересным, по отчету П. Л. Мартынова, был архив симбирских дворян Ховриных. В нем 132 документа на земли в Симбирском, Сенгилеевском, Ардатовском и Сызранском уездах, принадлежавшие как самим Ховриным, так и их предкам по женской линии: Алакаевым, Аристовым, Шильниковым. Кроме того, в этом архиве, писал П. Л. Мартынов, «были собраны документы 18-го и 19-го столетий огромной важности для истории России вообще, которые можно найти только в Полном Собрании законов Российской Империи, а оно представляет библиографическую редкость».

Архив дворян Ховриных П. Л. Мартынов подготовил к печати. Но, к сожалению, он так и не был издан.

После прекращения деятельности архивной комиссии ее исторический архив был передан в губернский архивный фонд (ныне Государственный архив Ульяновской области), некоторые документы остались в музее архивной комиссии (ныне областной краеведческий музей), часть документов попала в Карамзинскую библиотеку (ныне Дворец книги им. В. И. Ленина).

Вместе с изучением и изданием архивных документов члены Комиссии разрабатывали многие вопросы истории края. Первая же книга, изданная комиссией «Материалы г. Симбирска и его уезда», получила одобрение ряда ученых, в том числе И. Д. Иловайского. И в области издательской деятельности особенно плодотворным было первое десятилетие существования комиссии. За это время удалось издать около 30 книг и брошюр по истории края. Среди них можно назвать труды известного историка-краеведа П. Л. Мартынова «Остатки старины, сохранившиеся в Симбирском уезде», «Книга строительная города Симбирска», «Город Симбирск за

250 лет своего существования», «Боярин Богдан Матвеевич Хитрово, симбирский помещик», «Селения Симбирского уезда» и другие. Труды одного из наиболее деятельных членов комиссии Валентина Эдуардовича Красовского «Алатырская старина», «350-летие г. Алатыря», «Прошлое г. Корсуна», «Хронологический перечень событий Симбирской губернии». Первый правитель дел архивной комиссии Д. И. Сапожников написал работу «Сожжение еретика Якова Ярова в Симбирске», преподаватель духовной семинарии А. К. Яхонтов подготовил ряд работ по истории церквей Симбирска. Вышли книги членов комиссии: М. Ф. Суперанского «Симбирск и его прошлое», Ф. В. Виноградова «Следы язычества в домашнем обиходе чуваш», А. Н. Зерцалова «Приходно-расходная книга Симбирской Приказной избы, 1665—1667 годы», «Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашкира во II половине XVIII в.», В. И. Холмогорова «Описание Симбирской и Карсунской десятин патриаршей области» и другие. Все эти работы не потеряли своего научного значения и сегодня.

Важные, часто нигде не опубликованные материалы по истории края содержатся в журналах заседания архивной комиссии, так как в них помещались все выступления членов комиссии.

Хочется еще раз повторить, что члены комиссии делали все безвозмездно и не только не получали вознаграждения за свой труд, но и были вынуждены изыскивать средства для издания своих работ. Вот только один пример.

В августе 1898 года архивная комиссия приняла решение печатать историко-статистический очерк упраздненного г. Тагая, составленный П. Л. Мартыновым. Но так как средства были ограничены, П. Л. Мартынов обратился с письмом к настоятелю Тагайской церкви с предложением купить 100 экземпляров брошюры по 15 коп. Он писал, что Тагай был основан в одно время с Симбирском, тоже Богданом Хитрово, что брошюра нужна и к юбилейным торжествам, и школам села. «Если церковь приобретет 100 экз. брошюры, это позволит Комиссии, которая располагает ограниченными средствами, покрыть часть расходов»[27].

Труды архивной комиссии печатались за счет городских средств, пожертвований, различных ведомств. Например, работа Яхонтова о церквах Симбирска была издана на средства епархиального ведомства.

Вообще издательская деятельность архивной комиссии заслуживает отдельной статьи.

Не следует думать, что свою деятельность по изучению истории края архивная комиссия начала на пустом месте. Основы нашего краеведения были заложены еще в первой половине XIX в. В то время много и плодотворно работал над исследованием симбирской

старины К. И. Невоструев. Не случайно в сборнике, посвященном 10-летию Симбирской губернской ученой архивной комиссии, была помещена большая статья о К. И. Невоструеве. Автор статьи П. Нелюбов назвал Невоструева «великим русским ученым и выдающимся местным археологом».

В 1844 году в Москве вышел «Синбирский сборник», вып. 1, подготовленный Д. К. Валуевым, П. М. Языковым, А. А. Киреевским. Это был один из первых сборников по местной истории. На титульном листе сборника было помещено первое изображение Симбирска — фрагмент лубочной картинки начала XVIII в. Интересно, что именно это изображение Симбирска комиссия сделала эмблемой всех своих изданий, очевидно, желая подчеркнуть, что она продолжает традиции предшествующих поколений местных краеведов.

Деятельность архивной комиссии не ограничивалась исследовательской и издательской деятельностью. Ей удалось организовать ряд археологических раскопок, которые дали интересные результаты: близ с. Сабанчеева (Алатырский уезд), у с. Кайбелы (Ставропольский уезд Самарской губ.), на берегу Суры у с. Карасевки (Карсунский уезд), близ древнего г. Болгары и другие.

В раскопках Муранского могильника вместе с В. Н. Поливановым и его коллегами принимал участие французский археолог барон Де Бай. Его приезду в Симбирскую губернию было посвящено специальное заседание архивной комиссии[28].

Изучение архивов, истории края, археологические раскопки были тесно связаны с деятельностью по изучению и сохранению памятников старины. Уже на первых заседаниях комиссии были сделаны сообщения об остатках старины в Симбирском уезде, о забытой могиле вице-президента Академии художеств А. Ф. Лабзина, высланного в Симбирскую губернию, о перестройке старых церквей по произволу священнослужителей. Архивная комиссия обратилась к Симбирской епархии с просьбой сообщить ей о всех предполагаемых переделках церквей, построенных до 1800 года. Епархия ответила согласием. По сведениям краеведа А. А. Сукайло, первым памятником старины в губернии была объявлена церковь в селе Засарье Карсунского уезда.

Желая как можно шире познакомить население губернии с историей и культурой края, архивная комиссия организовала празднование ряда юбилеев: 100-летие со дня рождения А. С. Пушкина, 100-летие со дня рождения Н. М. Языкова, 250-летие Симбирска, 100-летие со дня рождения И. А. Гончарова. Наиболее интересными и результативными были юбилей Симбирска и гончаровский юбилей.

Празднование 250-летия Симбирска архивная комиссия считала выдающимся событием в общественной жизни города.

Подготовка к юбилею началась в конце 1897 г., после того как П. Л. Мартынов доложил на заседании комиссии, что он нашел неопровержимые доказательства, что Симбирск был основан в 1648 году.

Комиссия была озабочена прежде всего научной подготовкой праздника. Были изданы труды по истории города, в залах дворянского собрания открылась юбилейная выставка, прошло торжественное заседание архивной комиссии, на котором были зачитаны интересные научные сообщения.

В отчете о деятельности комиссии за 1898 год так оценен этот юбилей: «Совершившееся историческое воспоминание, всецело обязанное мысли Комиссии, несомненно останется выдающимся событием местной общественной жизни... Можно сказать, что для города этот исторический праздник явился днем его гражданского совершеннолетия, а для Комиссии признанием ее успешного служения на пользу родной стороны»[29].

А главными событиями гончаровского юбилея были закладка Дома-памятника писателю и организация юбилейной выставки. Эта выставка явилась первой попыткой собрать и систематизировать материалы о жизни и творчестве И. А. Гончарова.

Дом-памятник Гончарову строился на средства, собранные по Всероссийской подписке специально для музея архивной комиссии. Автор проекта здания — симбирский архитектор А. А. Шодэ — член архивной комиссии, распорядителем строительства был известный чувашский просветитель И. Я. Яковлев, тоже член комиссии. Много сил строительству памятника отдавали председатель комиссии В. Н. Поливанов и товарищ председателя П. Л. Мартынов.

Начиная с 1912 года, строительство Дома-памятника стало главной задачей комиссии.

Отчеты о ходе строительства, о расходовании финансовых средств регулярно публиковались на страницах местных газет.

С первых дней существования архивная комиссия занялась созданием своего музея, так как понимала, что именно музей наглядно знакомит самые широкие слои жителей с историей родного края. В те годы многие ученые писали о выдающемся научном и воспитательном значении музеев.

Музей Симбирской архивной комиссии, как и все подобные музеи, создавался и пополнялся путем частных пожертвований. Первые пожертвования были сделаны уже 1 августа 1895 года. В. Н. Поливанов подарил музею образцы глиняной посуды и каменных орудий труда, двое царских врат (из церквей Карсунского уезда Симбирской губернии и Спасского уезда Казанской губернии), фотографии муранских древностей. Губернатор В. Н. Акинфов передал палеонтологические находки, из села Игнатовка Ардатов-

ского уезда прислали 29 монет времен Ивана III и Ивана IV, Бориса и Федора, от Императорской археологической комиссии поступили три картона с предметами раскопок у с. Кайбелы, от французского археолога барона де Бай — 17 книг по археологии и т. д. [30].

Музей систематически пополнялся материалами и среди жертвователей были прежде всего члены архивной комиссии.

В ежегодных отчетах комиссии есть специальный раздел о работе музея и новых поступлениях.

Для посетителей музей открылся 1 января 1896 года. Эту дату назвал В. Н. Поливанов на приеме у императора. Он рассказал, что «музеем заметно начинает интересоваться местное общество и простонародье». Ежегодно музей посещали до трех тысяч человек.

Труднее всего решался вопрос с помещением для музея. Первоначально он разместился в доме симбирского дворянства. Это помещение было выделено бесплатно. Через два года музей перевезли в частный дом на Покровской улице. Этот ветхий деревянный дом не соответствовал своему назначению, поэтому вскоре для музея был арендован каменный дом на углу Стрелецкой и Сенной улиц[31]. В этом доме музей работал до октября 1918 года, когда его перевели в Дом-памятник И. А. Гончарову.

Первые два десятилетия в истории Симбирской архивной комиссии были очень плодотворными и благополучными. Но вот в 1915 году скончался В. Н. Поливанов. Комиссия лишилась авторитетного, влиятельного председателя, заинтересованного в успешной деятельности комиссии. Почти два года дебатировался вопрос, кого же избрать председателем, и только в апреле 1917 года на этот пост был избран П. Л. Мартынов — известный краевед, долгие годы занимавший пост товарища председателя комиссии.

Под руководством П. Л. Мартынова архивная комиссия работала в самый трудный период своей истории.

Деятельность комиссии в 1917—1921 годах до сих пор совершенно не изучена. Более того существует точка зрения, что Симбирская губернская архивная комиссия прекратила существование в 1918 году.

Между тем, сохранившиеся отчеты и протоколы заседаний позволяют сделать вывод, что последние четыре года в жизни Комиссии были очень насыщенными и плодотворными, несмотря на огромные трудности.

В эти годы ее главными задачами стали спасение памятников истории и искусства, развитие музея и перевод его в Гончаровский дом.

Известно, что весной—осенью 1917 года в губернии (как и по всей России) развернулось широкое аграрное движение. Гибли многие помещичьи имения, а вместе с ними и памятники старины.

Московское археологическое общество образовало «Комитет общественных организаций» для охраны памятников.

Симбирская архивная комиссия примкнула к этому комитету и обратилась с просьбой к симбирским дворянам «о заблаговременной передаче в музей на хранение всех предметов, имеющих художественную или историко-археологическую ценность».

В ответ на обращение дворяне передали в музей много вещей, портретов, картин, очерков и другое.

Из губернаторского дома поступили портреты губернаторов и вице-губернаторов, фотографии, карты. Из Дворянского дома — портреты царей и предводителей дворянства, портреты Н. М. Языкова, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, а также вазы и эмблемы уездов.

Ценными книгами и документами пополнилась библиотека музея[33].

Музей был настолько переполнен, что небольшие комнаты были сплошь загромождены вещами, посетителям было трудно просто повернуться. Картины, книги, карты хранились в ящиках[34].

Весной 1917 года П. Л. Мартынов принимал участие в разборе секретного архива канцелярии губернатора[35].

Архивная комиссия сотрудничала с Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В ноябре 1917 года при Совете был создан отдел культурно-просветительной работы, в котором одно место было представлено архивной комиссии, и комиссия делегировала туда своего представителя[36].

После установления Советской власти в Симбирске комиссия осталась без средств, так как лишилась субсидий МВД, министерства юстиции, земства, городских обществ и была вынуждена пользоваться процентами с гончаровского капитала (т. е. средствами от Всероссийской подписки).

Резко сократилось поступление членских взносов, так как многие члены архивной комиссии (представители дворянства, купечества, интеллигенции) покинули Симбирск.

В отчете за 1918 год П. Л. Мартынов писал, что этот год был «годом борьбы за существование».

Но несмотря на это комиссия продолжала работать, и главной заботой оставшихся членов архивной комиссии стал музей.

Еще в марте 1918 года губернский комиссариат по народному образованию сообщил комиссии о своем решении создать в Симбирске единый народный музей из всех существовавших в городе музеев (архивной комиссии, областного естественно-исторического, церковно-археологического) и запросил, на каких условиях комиссия согласна войти в состав этого музея. Обсудив это предложение, комиссия выдвинула ряд условий: единственным

помещением для музея может быть Гончаровский дом, построенный специально для него; музей архивной комиссии должен особым отделом войти в будущий музей, и должен оставаться исключительно в распоряжении и владении архивной комиссии, в состав комитета или совета музея должен войти представитель комиссии с правом решающего голоса. Комиссариат должен оказать материальную помощь комиссии[37].

Но вскоре началась гражданская война, 22 июля пал Симбирск, и вопрос о создании музея остался открытым.

Правда, губернский уполномоченный комитета учредительного собрания 9 сентября собрал представителей различных общественных организаций. На этом собрании была образована специальная комиссия для спасения памятников старины. В ее состав вошел и представитель архивной комиссии. Но эта комиссия не успела приступить к работе. 12 сентября в Симбирске была восстановлена Советская власть.

Местные органы энергично взялись за создание музея, приняв предложения архивной комиссии. Был проведен серьезный ремонт дома-памятнику Гончарову. На него было израсходовано 200 тысяч рублей. В конце 1918 года сюда переехали все симбирские музеи. На базе музея архивной комиссии был создан историко-археологический отдел народного музея, которым заведовал П. Л. Мартынов, совмещая эту должность с должностью председателя архивной комиссии. После его кончины отделом заведовал многолетний активный член комиссии А. К. Яхонтов.

1 июня 1918 года СНК принял декрет «О реорганизации и централизации архивного дела», на основании которого был создан единый архивный фонд страны и образовано Главное управление архивным делом и его учреждения на местах. После этого декрета большинство архивных комиссий прекратило свою деятельность. Симбирская губернская архивная комиссия просуществовала еще около трех лет. Она активно сотрудничала с архивной секцией губоно, договорившись о разграничении функций. Архивной комиссии было поручено научное руководство разработкой архивов, архивная секция взяла на себя решение организационных вопросов[38].

Но отсутствие средств лишило комиссию самостоятельности, возможности издавать свои работы и постепенно деятельность ее сворачивалась.

Очевидно, последнее заседание комиссии проходило 27 июня 1920 года. Во всяком случае это последний протокол, обнаруженный в областном архиве[39]. Но комиссия, очевидно, еще какое-то время работала.

В дневнике А. В. Жиркевича есть запись о посещении им тяжело

больного П. Л. Мартынова 12 марта 1921 года. Они говорили «о существовании (прозябании) Симбирской Ученой Архивной Комиссии. Об этой Комиссии у нас с ним и шел в течение 1/4 часа довольно содержательный разговор»[40].

Вскоре Симбирская губернская архивная комиссия прекратила свою деятельность как самостоятельная общественная организация.

Члены комиссии продолжали заниматься любимым делом в музее, архивном фонде, краеведческом обществе.

Архивная комиссия оставила нам в наследство научные труды, музей, прекрасный дом-памятник на Венце, бесценный опыт своей работы.

Примечания

[1] ГАУО, ф. 732, оп. 1.
[2] Из 105 журналов заседаний Комиссии были изданы 90 журналов (1895—1916 годы).
[3] «Вестник Московского университета», серия 8. История. 1990, № 2, стр. 62—72.
[4] «Советская историческая энциклопедия», т. 4, стр. 872.
[5] ГАУО, ф. 732, оп. 1, ед.хр. 29, лл. 19об., 20.
[6] «Журнал 1-го заседания Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссии 30 июля 1895 года». Симбирск, 1895, стр. 9.
[7] Там же, стр. 6—9.
[8] Там же, стр. 3—4.
[9] «Сборник в память 10-летия Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссии 1895—1905 годы», под редакцией Мартынова П. Л. Симбирск, 1906, стр. 4—5.
[10] «Каталог музея В. Н. Поливанова в Акшуате». Симбирск, 1909.
[11] Мартынов П. «Празднование 250-летия Симбирска». 1899, стр. 28—29.
[12] ГАУО, ф. 732, оп. 1, ед.хр. 29, л. 7об;
ф. 732, оп. 1, ед.хр. 91, лл. 47, 47об.;
ф. 732, оп. 1, ед.хр. 1, лл. 6об, 7—9.
[13] ГАУО, ф.р 968, оп. 1, ед.хр. 1, лл. 6об., 7—9.
[14] Мартынов П. «Празднование 250-летия Симбирска». Симбирск, 1899, стр. 29—30.
[15] ГАУО, ф. 732, оп. 1, ед.хр. 29, лл. 17об., 18, 18об.
[16] «Журнал 2-го заседания Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссии 1 августа 1895 года». Симбирск, 1895.
[17] ГАУО, ф. 732, оп. 1, ед.хр. 158, л. 1.
[18] ГАУО, ф. 732, оп. 1, ед.хр. 11.
[19] ГАУО, ф. 732, оп. 1, ед.хр. 11, л. 69.
[20] ГАУО, ф. 732, оп. 1, ед.хр. 32, л. 1об.
[21] ГАУО, ф. 732, оп. 1, ед.хр. 11, л. 33об.
[22] ГАУО, ф. 732, оп. 1, ед.хр. 96, лл. 3, 3об.
[23] Ныне здание Дворца книги им. В. И. Ленина.
[24] Ныне здание сельскохозяйственного института на Новом Венце.
[25] «Журнал 2-го заседания Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссии 1 августа 1895 года». Симбирск, 1895, стр. 7.
[26] ГАУО, ф.р 968, оп. 1, ед.хр. 1, лл. 62—65.
[27] ГАУО, ф. 732, оп. 1, ед.хр. 45, лл. 16—17.
[28] «Экстренное заседание Симбирской Ученой Архивной Комиссии 19 сентября 1895 года». Симбирск, 1896, стр. 13—14.

[29] ГАУО, ф. 732, оп. 1, ед.хр. 29, л. 1.

[30] «Журнал 2-го заседания Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссии 1 августа 1895 года». Симбирск, 1895, стр. 10—12.

[31] Сенная ул. ныне ул. Дм. Ульянова.

Ул. Стрелецкая не сохранилась. Ныне экспланада к зданию Ленинского Мемориала.

[32] ГАУО, ф.р 968, оп. 1, ед.хр. 1, л. 2об.

[33] ГАУО, ф.р 968, оп. 1, ед.хр. 1, лл. 3об, 4об.

[34] ГАУО, ф. 968, оп. 1, ед.хр. 6, лл. 12, 12об.

[35] ГАУО, ф. 968, оп. 1, ед.хр. 6, л. 34об.

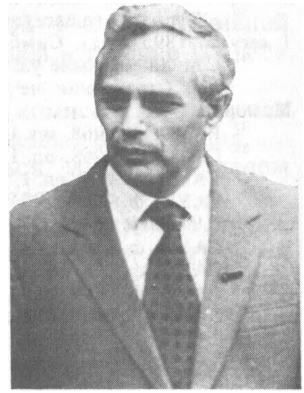
[36] ГАУО, ф. 968, оп. 1, ед.хр. 1, л. 20об.

[37] ГАУО, ф. 968, оп. 1, ед.хр. 1, л. 52.

[38] ГАУО, ф. 968, оп. 1, ед.хр. 1, лл. 73, 74, 79.

[39] ГАУО, ф.р 968, оп. 1, ед.хр. 1, лл. 80—81.

[40] Личный архив Подлесских Н. В. — внучки А. В. Жиркевича (Москва).



М. Х. ВАЛКИН

К истории создания музея И. А. Гончарова.

Рядом с Толстым, Тургеневым, Достоевским стоит имя уроженца Симбирска Ивана Александровича Гончарова. Имя это вписано золотой страницей в историю русской и мировой литературы, в историю его родного города.

17 июня 1982 года, в канун 170-летия со дня рождения великого писателя, в Ульяновске торжественно открылся музей, посвященный его жизни и творчеству. Создание этого музея явилось крупным событием в культурной жизни России. Оно стало и своего рода кульминацией в деле увековечения памяти великого художника слова на его родине.

Автор этих строк непосредственно руководил работой по созданию музея* и поэтому счел своим долгом рассказать о ней то, что сохранилось в памяти**, привлекая по возможности и документальные источники.

Путь, приведший к открытию музея, был долгим — почти полтора столетия. В 1847 году в «Современнике» появилась «Обыкновен-

---

* С 1950 по 1982 год автор настоящей статьи работал в должности директора Ульяновского областного краеведческого музея. Музей Гончарова создавался как его филиал.

** Прошло уже более десяти лет со дня открытия музея.

ная история». Белинский откликнулся на нее следующими словами: «Повесть Гончарова произвела в Питере фурор-успех неслыханный»[1]. В образе своего главного героя — Александра Адуева, Гончаров показал появление на исторической сцене действующего лица новой эпохи — капиталистического предпринимателя, полную противоположность «романтическим ленивцам феодальной эпохи». Многое из того, что видел, пережил писатель в Симбирске, Москве и Петербурге вошло в художественную ткань произведения.

В обществе еще шло обсуждение «Обыкновенной истории», а Гончаров уже задумывает два новых романа. «В 1849 году, на Волге, когда я, после 14-летнего отсутствия, в первый раз посетил Симбирск, свою родину, родился план романа «Обрыв»... когда в то же время оканчивался обработкой у меня в голове роман «Обломов»[2],— писал позднее Гончаров.

Осенью 1852 года писатель отправился в кругосветное путешествие на фрегате «Паллада». Осуществились мечты детства, навеянные рассказами его крестного отца — Н. Н. Трегубова. А в 1858 году вышли в свет очерки об этом путешествии под названием «Фрегат Паллада» — одна из замечательных книг о путешествиях.

И, наконец, в 1859 году вышел в свет «Обломов» — вершина творчества Гончарова. Центральный образ этого произведения встал в один ряд с Дон Кихотом и Гамлетом. И в то же время Обломов это национальный тип. Среди отзывов читателей романа в «Отечественных записках» был помещен и отзыв из Симбирска: «Обломов многим брат и многим обща его судьба. Мы уверены, что многим внутренний голос не раз шепнет:Обломов, Обломов ты...»[3].

«Обломов», «Обломовщина» — эти два слова облетели всю Россию и перешагнули за ее рубежи. Л. Н. Толстой в письме к Дружинину писал: «Обломов» — капитальнейшая вещь, какой давно не было. Скажи Гончарову, что я в восторге от «Обломова» и перечитываю его еще раз»[4].

Совершенно очевидно, что многие картины «обломовки» нарисованы Гончаровым на основе увиденного и пережитого им в родном крае. Еще в большей мере это можно сказать о вышедшем в 1869 году романе «Обрыв» — последнем крупном произведении писателя. В его основе лежит художественное, образное восприятие симбирской действительности через призму общероссийской жизни. «У меня есть (или была) своя нива, — писал Гончаров, — свой грунт, как есть своя родина, свой родной воздух, друзья и недруги, свой мир наблюдений, впечатлений и воспоминаний, и я писал только то, что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил, что близко видел, знал, — словом писал и свою жизнь, и то, что к ней прирастало»[5].

С появлением «Обыкновенной истории» творчество писателя, его жизнь, находились в центре внимания симбирян. Все более утверждалось понимание, что на родном небосклоне появилась звезда первой величины. Как вспоминал Г. Н. Потанин «все кругом только и говорили о нем». Приехавший в 1849 году в Симбирск писатель был встречен всеобщим вниманием и почетом. А «проводы Гончарова были торжественны, как самого почетного и знатного лица в городе»[6]. Также тепло и сердечно симбиряне отнеслись к писателю во время его приездов в город в 1855 и 1862 годах.

Первым официальным актом, свидетельствовавшим об особом уважении к писателю на родине, явилось избрание его в 1868 году почетным членом Карамзинской библиотеки. Тем временем в Симбирске начинают появляться печатные работы, посвященные И. А. Гончарову[7].

В 1881 году Гончаров подарил «карамзинке» большую часть своей личной библиотеки и тем объективно положил начало формированию в Симбирске собрания вещественных памятников, отражающих жизнь и творчество писателя.

Важным событием в деле увековечения памяти писателя, популяризации его творчества, было открытие в Симбирске в 1893 году бесплатной народной библиотеки имени И. А. Гончарова.

В 1898 году, в дни празднования 250-летия Симбирска, Гончаров также не был забыт. На юбилейном торжественном заседании Архивной комиссии в ряду выдающихся «симбирцев» В. Н. Поливанов назвал его имя[8]. На заседании памяти И. А. Гончарова было посвящено выступление М. Ф. Суперанского[9]. В дни юбилея городская дума постановила установить мемориальную доску на доме, в котором родился писатель и ходатайствовать о присвоении 5-му женскому двухклассному училищу наименования «Гончаровское»[10]. Следует отметить также, что на большой юбилейной выставке, размещавшейся в залах дворянского собрания, были представлены два портрета писателя и подлинные его письма[11].

С каждым годом росла популярность писателя в родном городе. В печати появлялись посвященные ему различные публикации. Показательно в этом отношении напечатанное в 1907 году в газете «Симбирянин» музыкальное произведение «Слава Гончарову». Музыку его на слова Яковлева[12] написал регент хора Троицкого кафедрального собора К. А. Моторин.

15 сентября 1909 года[13], во исполнение постановления городской думы об увековечении памяти писателя, принятого еще в 1898 году, на доме, где он родился была установлена мемориальная доска с барельефом работы скульптора Б. М. Микешина.

Росту популярности писателя способствовали художники П. И. Пузыревский и Д. И. Архангельский, посвятившие ряд своих

произведений гончаровской теме («Обрыв», «Киндяковская часовня» и другие). В 1910 году они показали их на совместных выставках в Симбирске и Петербурге[14].

Неоценимый вклад в дело увековечения памяти писателя в родном крае, в научное исследование его жизни и творчества, внесла Симбирская ученая архивная комиссия в 1912 году, в дни столетнего юбилея писателя[15]. Юбилейные торжества начались 4 июня экстренным заседанием городской думы. Дума приняла постановление переименовать главную улицу города — Большую Саратовскую, в Гончаровскую[16], 5 июня в кафедральном соборе была отслужена торжественная панихида по писателю. «Чествование памяти И. А. Гончарова» прошло и в Гончаровской библиотеке.

А 6 июня произошла закладка Дома-памятника писателю и состоялось торжественное заседание Архивной комиссии. Выступая на заседании, ее председатель В. Н. Поливанов проникновенно сказал, что среди корифеев русской мысли « ...блестит яркой звездой Иван Александрович Гончаров, наш согражданин, увидавший первый луч восходящего солнца 6 июня 1812 года в Симбирске»[17].

Заседание внесло определенный вклад в изучение биографии писателя. Содержательными в этом плане были выступления А. Ф. Кони и М. Ф. Суперанского[18]. На заседании было зачитано приветственное письмо известного французского литературоведа А. А. Мазона, в котором он отметил всемирное значение произведений И. А. Гончарова[19].

В юбилейные мероприятия вписалось и посещение участниками торжеств Киндяковской рощи, где в память о пребывании в этих местах Гончарова на средства помещицы Перси-Френч начиналось сооружение беседки[20].

Особо надо сказать, что в дни юбилея Архивная комиссия сделала исключительно важный шаг на пути создания музея писателя, организовав большую выставку, посвященную его жизни и творчеству. Открывшаяся в доме дворянства, выставка явилась первой попыткой собрать воедино, сохранившиеся после ухода из жизни писателя, окружавшие его в петербургской квартире предметы, изобразительные, рукописные и другие материалы, хранившиеся у родных и близких, а также в музеях и библиотеках. К открытию выставки М. Ф. Суперанский составил подробный ее каталог, включавший 189 экспонатов. Но в нем не были учтены экспонаты, переданные на выставку в канун ее открытия (подлинные письма писателя и другие)[21]. Всего на выставке было представлено, по-видимому, более 200 экспонатов. Ее устроители «приняли все, зависевшие от них, меры к тому, чтобы собрать все, что только возможно»[22]. Таким образом в 1912 году была заложена потенциальная основа для создания будущего музея И. А. Гончарова.

После закрытия юбилейной выставки большая часть ее экспонатов была возвращена владельцам. Но ряд из них поступил на хранение в фонды Архивной комиссии. Имелось в виду включить их в постоянную экспозицию музея, который предполагалось разместить в Доме-памятнике И. А. Гончарову.

В связи с начавшейся империалистической войной, а затем и гражданской, осуществить этот замысел удалось лишь в 1918 году, когда в Симбирске в Доме-памятнике стал организовываться единый «Народный музей».

В Центральном, прекрасном зале здания, с видом на Волгу, была создана Гончаровская «комната». О ее составе можно в известной мере судить из ответа Ульяновского музея на запрос Главнауки от 9 мая 1929 года.

«...Гончаровская комната соорганизованная из некоторых экспонатов юбилейной выставки в год 100-летия — 1912, — говорится в ответе, — она впоследствии пополнена многими предметами переданными в музей из кабинета писателя. Об авторе бессмертного «Обломова» здесь много говорит и самый город Симбирск с его видами и многие портреты писателя в разные годы его жизни, и знаменитый «Обрыв» и картины «Обыкновенной истории» и «Киндяковской беседки» и «воспоминания» и мелкие предметы его домашней обстановки и кресла из рабочего кабинета писателя и книги о нем. Не хватает здесь только его письменного стола, чернильницы с пером, дивана с фрегата «Паллады», личной библиотеки, картин из его кабинета, предметов, из которых некоторые имеются совсем недалеко от музея, и приобретение которых должно составить неотложные заботы музея в ближайшее время[24].

Для нас не ясно, о каком хранилище идет речь в конце записки. Возможно, часть экспонатов с выставки 1912 года хранилась в здании бывшего дворянского собрания (ныне Дворец книги) и позднее поступила в Гончаровскую комнату. Ведь в отчете музея за 1929—30 годы указано, что «в отдел памяти Гончарова» поступили «фотографический большой портрет в черной раме за стеклом и металлический венок от студентов Петербургского университета»[25]. Не исключено, что эти и, возможно, некоторые другие гончаровские предметы хранились в Художественном музее (в доме Перси-Френч). Они могли попасть туда в 1919 году при перемещении художественного отдела из Дома-памятника. В общем этот вопрос требует дополнительного исследования.

Вызывает недоумение упоминание в ответе Главнауке «дивана с фрегата «Паллада». Скорее всего это ошибка, вызванная неправильной информацией у автора. Ведь такой экспонат не числится ни в каталоге выставки 1912 года, не упоминается в каких-либо других известных публикациях. Что касается «письменного

стола и чернильницы с пером», то, как известно, они задолго до 1929 года были переданы в Пушкинский дом, где хранятся и в настоящее время[26].

Следует заметить, что в упомянутом выше отчете за 1929—30 годы говорится об особой популярности у посетителей нумизматической выставки, выставки оружия, комнаты Гончарова.

В 1932 году, в связи с вселением в Дом-памятник Художественного музея, Гончаровская комната вошла в его состав и ее экспозиция перемещена в угловую комнату второго этажа (северо-западная сторона). Площадь ее сократилась вдвое — с 80 до 40 кв. м.

Прежде чем продолжить разговор о дальнейшей судьбе гончаровской комнаты, необходимо остановиться на событии, имевшем прямое отношение к памяти писателя. Дело в том, что в 1948 году отмечалось 300-летие Симбирска-Ульяновска. Среди юбилейных мероприятий было и торжественное открытие памятника И. А. Гончарову у здания Дворца книги. К большому сожалению, при благих намерениях, совершился не акт увековечения памяти, а наоборот, кощунство над памятью двух замечательных людей. Дело в том, что бронзовый бюст И. А. Гончарова был установлен на гранитном пьедестале памятника Столыпину[23], снесенного в 1917 году.

Но вернемся к комнате памяти И. А. Гончарова. Автор этих строк в 1950 году начал работать в краеведческом музее. Ознакомившись с экспозицией комнаты пришел к выводу, что по-своему содержанию она больше подходит к профилю именно этого музея. Удалось убедить в этом директора Художественного музея и в 1954 году комната «перекочевала» в Краеведческий музей[27], основу которого составляют коллекции музея Архивной комиссии. Таким образом Гончаровская экспозиция возвратилась к своему «законному хозяину»...

Позднее выяснилось, что некоторые предметы из гончаровской коллекции в момент приемо-передачи не находились в экспозиции и, к сожалению, не были переданы. В качестве примера, укажем на первое издание трех глав «Фрегата Паллады» (1855) с дарственной надписью писателя. Книга была случайно выявлена в библиотеке Художественного музея и включена в экспозицию комнаты. Целый же ряд предметов, экспонировавшихся в комнате в довоенные годы, так и не поступили от Художественного музея[28]. Они или же вообще утрачены, или же хранятся в его фондах без указания в учетной документации о том, что входят в гончаровскую коллекцию. В таком случае необходима кропотливая работа по их выявлению и атрибуции.

Приняв Гончаровскую коллекцию (60 экспонатов), музей стал уделять внимание гончаровской тематике и возникающим в связи

с этим текущим и перспективным вопросам. Прежде всего, было решено в возможно короткий срок построить новую гончаровскую экспозицию. Местом для размещения «Комнаты памяти И. А. Гончарова», как мы стали ее называть, стала небольшая комната на первом этаже, расположенная между отделами природы и дореволюционного прошлого. Оформление экспонатов было выполнено заново. При этом часть экспонировавшихся ранее предметов, не имевших прямого отношения к гончаровской теме, не была включена в экспозицию.

О составе новой экспозиции дает представление изданная в 1962 году иллюстрированная памятка для посетителя[29]. Среди экспонатов комнаты: «Летописец», начатый еще дедом писателя, уникальный портрет матери, портрет И. А. Гончарова кисти художника Н. А. Майкова, портреты Н. Н. Трегубова и Н. А. Гончарова (младшего брата писателя), прижизненный скульптурный портрет писателя работы Л. А. Бернштама, кресла из петербургской квартиры, серебряный венок с портретом писателя, возложенный на его гроб студентами Петербургского университета, акварели, привезенные им из кругосветного путешествия и некоторые другие предметы.

Единственную в бывшем Союзе экспозицию, посвященную памяти И. А. Гончарова ежегодно осматривали десятки тысяч ульяновцев, туристов из разных мест страны, а также из-за рубежа. И в то же время для коллектива музея было очевидно, что по своим размерам, количеству экспонатов, комната не соответствовала масштабу творческой личности писателя, его месту в отечественной литературе, что пришло время поднимать вопрос о создании музея И. А. Гончарова. Однако с точки зрения музееведческой, вопрос этот был совсем не простой. Мысль о том, что музей необходим, высказывалась неоднократно. Но где он должен размещаться, каков должен быть его профиль, не было ясно. Архивной комиссией планировалось для Гончаровской экспозиции выделение в Доме-памятнике лишь небольшой его части, что и было осуществлено, как уже выше отмечалось, в 1918 году. О превращении Дома-памятника полностью в музей писателя думать не приходилось, так как в нем находились экспозиции двух музеев — Краеведческого и Художественного. Можно было вести речь лишь о размещении музея в доме, где писатель родился. Попутно заметим, что дом этот к началу 60-х годов был занят вечерней школой и несколькими мелкими учреждениями.

Итак, как нам представлялось, единственным зданием для размещения Гончаровского музея мог быть дом, где родился писатель. Что касается профиля музея, то здесь преобладало мнение, что Ульяновску нужен литературный музей, в котором наряду

с гончаровскими необходимо экспонировать материалы о других писателях-симбирянах. Такая точка зрения на первый взгляд вполне обоснована. Ведь Симбирск дал стране целую плеяду литераторов. Среди них Н. М. Карамзин, Н. М. Языков, Д. В. Григорович, Г. Н. Потанин, Д. Н. Садовников, Д. Д. Минаев. Здесь творили Денис Давыдов и Н. П. Огарев, С. Т. Аксаков и С. Г. Скиталец и многие другие.

За то, чтобы создавать именно литературный музей, в котором достойное место должны занять гончаровские материалы, выступал известный краевед, исследователь литературной жизни края П. С. Бейсов, некоторые другие представители местной интеллигенции и,в том числе, автор этих строк.

А тем временем, приближался большой юбилей писателя — в 1962 году исполнялось 150 лет со дня его рождения. Необходимо было серьезно готовиться к нему. Примерно за два года до этого события, при встречах с П. С. Бейсовым мы неоднократно обсуждали этот вопрос. Попутно замечу, что Петр Сергеевич довольно часто заходил в музей, мы с ним подолгу беседовали. Как правило, разговоры были не личного плана, а о ситуациях, складывавшихся у него и у меня на работе, а также по вопросам научного краеведения. Что касается предстоявшего гончаровского юбилея, то мы пришли к выводу о необходимости внесения в обком партии предложения о проведении в Ульяновске юбилейных торжеств. Без разрешения этого органа немыслимо было что-либо значительное сделать.

Если не ошибаюсь, в конце 1961 года, письмо и проект решения от имени музея были направлены. Основная идея проекта заключалась в том, чтобы провести юбилей масштабно, широко, привлечь для участия в юбилейных мероприятиях литературоведов из других регионов страны и , таким образом, сделать определенный шаг к превращению Ульяновска в центр изучения творческого наследия писателя.

Наши предложения были приняты, решение бюро состоялось в начале 1962 года. В марте месяце того года была образована юбилейная комиссия, в которую вошли писатели, ученые, работники культуры, представители партийных и советских органов. От музея в комиссию был включен автор настоящей статьи. Деятельность комиссии носила в основном формальный характер, она собиралась два-три раза. Председателем ее был тогдашний заместитель председателя исполкома областного совета М. И. Астапов — человек довольно равнодушный к культуре. Всю практическую работу по подготовке и проведению юбилейных мероприятий провел коллектив Краеведческого музея.

Пожалуй, главным среди этих мероприятий[30] была научная конференция. Она состоялась в Доме-памятнике 14—15 июня

1962 года. В конференции приняли участие ученые из разных регионов страны, занимающиеся исследованием творчества Гончарова. Сделанные ими сообщения были опубликованы в 1963 году в изданном музеем сборнике «Материалы юбилейной гончаровской конференции»[31].

В целом проведенные юбилейные мероприятия способствовали осознанию широкой общественностью, местными властями огромного значения творчества писателя. В дальнейшем это помогало решению практических вопросов, связанных с созданием гончаровского музея.

Празднование юбилея вылилось в крупное общественное событие, нашедшее широкое отражение в средствах массовой информации, в том числе, в республиканских и союзных[32].

Выше уже говорилось, что первоначально сложилось общественное мнение о необходимости создания в Доме, где родился писатель, музея, посвященного литературной жизни Симбирского края, с гончаровским разделом. Но когда этот вопрос стал изучаться, выяснилось, что для создания такого музея потребовались бы десятки лет собирательской работы без твердой уверенности в успехе. Ведь речь шла о музейном показе жизни и творчества целого «букета» имен писателей и поэтов, которые уже давно ушли из жизни. А сколько-либо значительного собрания, посвященных им реликвий, в фондах краеведческого музея не было. Кроме того, следовало учитывать, что в сравнительно скромном по площади доме, где родился Гончаров, конечно, невозможно было создать полноценную экспозицию, посвященную такой теме, как литературная жизнь края.

В начале семидесятых годов П. С. Бейсовым и некоторыми другими была высказана мысль о целесообразности создания в доме писателя мемориальной экспозиции с восстановлением бытовой обстановки, окружавшей его в детстве.

Изучив это предложение, мы пришли к выводу о невозможности создать сколько-либо достоверную мемориальную экспозицию, так как никаких документальных данных о планировке дома, об обстановке в его комнатах, не сохранилось. Как известно, в результате опустошительного пожара 1864 года были уничтожены симбирские архивы, поэтому найти какие-то нужные нам для создания мемориального музея документы надежды не было. Создание такой «экспозиции» явилось бы настоящей фальсификацией, обманом посетителя. Этого нельзя было допустить.

В конце концов, мне стало ясно, что единственно возможным и целесообразным было бы создание в доме, где родился писатель, историко-литературного музея, полностью посвященного его жизни и творчеству. Первоначальным «заделом» его экспозиции должны были быть экспонаты комнаты памяти Гончарова.

В коллективе поддержали эту идею. Надо было действовать. В начале 1975 года в бюро обкома КПСС было внесено предложение о создании в доме, где родился писатель (улица Гончарова, 20), музея Гончарова в качестве филиала областного Краеведческого музея. В проект решения бюро был включен важный «стратегический» пункт: «Обязать Ульяновским горком КПСС (т. Золотова А. С.) оказать необходимую помощь в создании музея». В те времена власть в городе первого секретаря Горкома была огромной и нам крайне полезной оказалась эта запись.

Решение было принято. Теперь надо было добиваться его выполнения. В соответствии с указанным решением, для размещения гончаровского музея выделялся только первый этаж, дома. Весь дом был занят вечерней школой и рядом мелких учреждений (кинопрокат облоно и другие). Освободить для музея даже первый этаж было довольно трудно. Горисполком не торопился выделять необходимую для этого площадь. В течение года с первого этажа «жильцов» все же удалось выселить, школу, к большому сожалению, оставили на втором и третьем этажах дома.

С освобождением помещения предстояло провести в нем ремонтно-реставрационные работы, а тем временем форсировать разработку экспозиционного замысла и художественно-планировочного решения.

Но прежде всего мы решили публично посоветоваться с работниками науки и культуры, с краеведами. 5 октября 1975 года в газете «Ульяновская правда» появилось наше извещение: «7 октября, в 17 часов, в областном Краеведческом музее состоится творческая беседа на тему: «Какой должен быть музей И. А. Гончарова. Приглашаются все желающие». Аналогичная информация была дана по местному радио. Кроме того, были разосланы приглашения членам ученого Совета музея, краеведам.

На беседу пришли 40 человек. Краткая информация о ней была помещена в «Ульяновской правде» за 12 октября (корреспондент Н. Малинин). В корреспонденции, в частности, сообщалось: «Краеведческий музей, начиная работу над созданием гончаровского мемориала, решил обратиться за советом к историкам, краеведам, знатокам и почитателям творчества писателя. Собравшись на днях в музее, они с большой заботой и заинтересованностью обсуждали проблемы будущего музея.

Открывая встречу, директор Краеведческого музея М. Х. Валкин подчеркнул, что гончаровский мемориальный филиал должен носить историко-литературный характер. В его экспозиции следует отразить жизнь и творчество писателя, истоки его литературных образов...

Большой знаток творчества Гончарова, кандидат филологиче-

ских наук, писатель-литературовед П. С. Бейсов, автор известной книги «Гончаров и родной край», сказал, что необходимо прежде всего раскрыть общерусское значение творчества Гончарова, одного из великанов русской литературы...

По мнению руководителя Ульяновской писательской организации В. И. Пыркова, в музее должна быть представлена и современная литература как наследница традиций классического реализма, представителем которого был Гончаров...

Наиболее сильно убеждают подлинные музейные экспонаты и материалы, заметила искусствовед Н. А. Агафонова. Хотя время неумолимо, но можно собрать немало подлинных вещей и документов эпохи Гончарова — мебель, фарфор, произведения искусства...

Участники разговора решили и впредь советоваться по всем вопросам создания музея».

Для нас было крайне важно, что практически все выступавшие поддержали идею создания именно историко-литературного музея.

29 октября того же года в музее состоялась встреча с ульяновскими художниками. На ней обсуждались принципы художественного оформления экспозиций будущего музея. Художники обратили внимание на необходимость подготовки нужной для разработки проекта документации: акта технического обследования, точных обмеров здания, планов старой и новой застройки и др.

Для проведения научно-исследовательской работы по созданию музея была сформирована творческая группа. В нее были включены заведующая научно-методическим отделом музея Мира Мироновна Савич и старший научный сотрудник отдела дореволюционного прошлого Юрий Дмитриевич Ефимов[33]. Они внесли существенный вклад в разработку концепции музея.

В ноябре 1975 года экспозиционный замысел Гончаровского музея был рассмотрен и одобрен видным музееведом, ведущим методистом Государственного Исторического музея (г. Москва) А. Б. Закс. Она рекомендовала создать в экспозиции раздел «Гончаров и современность». Мы согласились и решили включить такой раздел в тематико-экспозиционный план. А тем временем Министерство культуры РСФСР разрешило создать в нашем музее «Мемориальный отдел И. А. Гончарова» в составе трех научных сотрудников. Во вновь созданный отдел были приняты Юлия Михайловна Алексеева, Антонина Васильевна Лобкарева, Маргарита Борисовна Жданова. Каждой из них была поручена разработка отдельного раздела тематико-экспозиционного плана[34].

Молодые сотрудники нового отдела не имели опыта научно-экспозиционной работы. Поэтому им приходилось учиться, постигать основы музееведения, знакомиться с опытом работы литера-

турных музеев и в то же время скрупулезно изучать произведения Гончарова, литературу о нем.

В 1976 году музей издал второй сборник научных статей на гончаровскую тему: «И. А. Гончаров. Новые материалы о жизни и творчестве писателя». Это было, в известном смысле, подкреплением «гончаровских позиций», завоеванных во время юбилейных торжеств 1962 года, продвижением к намеченной цели — сделать Ульяновск центром изучения творчества писателя.

Важной формой пропаганды творчества писателя явились ежегодные Гончаровские праздники в Киндяковской роще. Инициатива их проведения принадлежит коллективу музея. К участию в празднике мы пригласили областное отделение общества охраны памятников. Участие это выразилось в выделении средств на рекламу. Первый такой праздник состоялся в 1979 году. А впереди было самое трудное. Ведь, чтобы создать музей на основе подлинных реликвий, повествующих о жизни и творчестве великого писателя, необходимо было провести огромную научно-собирательскую работу, необходим был музейный поиск.

Прежде всего мы решили через газеты крупнейших городов обратиться с извещениями о начале работы по созданию в Ульяновске музея И. А. Гончарова и с просьбой оказать возможную помощь в этом благородном деле. Такие извещения были напечатаны в газетах Москвы, Ленинграда, Риги, Таллина, Ростова, Саратова, Пензы, Нижнего Новгорода и других.

С разных концов страны в Краеведческий музей стали поступать письма, в которых выражалось желание помочь в создании музея, предлагались старинные вещи, картины, книги. Сенсацией было для нас письмо из Днепропетровска от Н. А. Казас. Она сообщила, что хотела бы передать музею столик, принадлежавший И. А. Гончарову. Автор этих строк побывал в Днепропетровске и встретился с Натальей Марковной — вдовой профессора медицины И. А. Казас. Выяснилась история столика.

Известно, что Гончаров был дружен с начальницей Петербургского Николаевского института Е. Н. Шостак. В знак своего уважения, может быть ко дню рождения, он подарил ей оригинальный кофейный столик. После смерти Шостак столик оказался у любимой ее воспитанницы З. М. Алеевой (по мужу Крумбмиллер), мать которой служила в институте учительницей рукоделия. В конце 1900-х годов семья Крумбмиллер переехала в Екатеринослав (Днепропетровск). В 1922 году Крумбмиллеры подарили столик своим друзьям —семье Казас.

На склоне лет, оставшаяся одинокой, Наталья Марковна решила передать столик в Ульяновск — на родину писателя. Так Гончаровское собрание пополнилось уникальным экспонатом.

Особый интерес для любого литературного музея представляют предметы, окружавшие писателя в жизни, как бы хранящие память о нем. Абсолютное большинство таких реликвий давно уже экспонируется в музеях или хранится «за семью печатями» в их фондах. Трудно представить, что в наше время у кого-то на квартире хранятся, например, часы Пушкина, чернильный прибор Льва Толстого или трость Чехова.

Мы считали, что все, что уцелело из обстановки петербургской квартиры писателя, из его личных вещей, экспонируется в Гончаровской комнате нашего музея, хранится в музее Пушкинского дома в Ленинграде или в московских музеях— Историческом и Литературном. Как правило, получить что-либо ценное из другого музея невозможно, тем более если речь идет о великом писателе.

И все же, как мы убедились, иногда совсем неожиданные, удивительные бывают находки. Одна из самых замечательных находок музея произошла благодаря «подсказке» посетителей. Однажды посетившие комнату памяти И. А. Гончарова москвички мимоходом сообщили экскурсоводу, что в Москве, в семье Резвецовых, они видели вещи, принадлежавшие Гончарову. Но адреса семьи они не смогли сообщить, так как те переехали на другую квартиру.

Помочь разыскать Резвецовых мы попросили большого друга нашего музея, сына выдающегося русского зоолога и путешественника С. А. Бутурлина — Александра Сергеевича Бутурлина. Он узнал адрес Резвецовых и встретился с ними. Глава семьи — Нина Николаевна Резвецова выразила согласие на мою встречу с ней. При первой же возможности я отправился в Москву. Состоялась дружеская беседа. Резвецовы — потомки близких Гончарову людей. Действительно, у них бережно хранилась часть вещей, в свое время принадлежавших писателю.

Напомним кратко об отношении Гончарова к этой семье. Известно, что долгие годы у него служил трудолюбивый и честный камердинер — Карл Трейгут. В 1878 году после тяжелой болезни он умер. Его вдова, Александра Ивановна, с тремя детьми на руках оказалась без всяких средств. Писатель не остался безучастным. Он самоотверженно принимает на себя все заботы об осиротевшей семье своего бывшего слуги. По этому поводу Гончаров писал своей знакомой: «Ко всей адской тяготе лета в городе у меня появилось новое горе: умер мой человек, и на моих руках вдруг оказалась целая чужая семья: болезненная вдова и трое ребятишек! Буквально тону в волнах жизни... Будь у меня, например, вместо любви к ближнему, тысяч пятьдесят, я ... пристроил бы легко и просто детей в учебное заведение и дал бы кусок хлеба вдове. А вот теперь — я с самоотвержением учу их по-русски читать, писать, считать, смотрю, чем они питаются, есть ли обувь и т. п.»[35].

Благодаря Гончарову, семья была обеспечена материально, и дети получили образование. Старшая дочь — Александра Карловна (Саня), особенно любимая Гончаровым, вышла замуж за преподавателя музыки Александра Дмитриевича Резвецова, впоследствии профессора Петербургской консерватории. Это была высококультурная семья. У Резвецовых бывали Глазунов, Римский-Корсаков и другие выдающиеся люди.

После смерти писателя, по завещанию, почти все его имущество перешло в распоряжение А. И. Трейгут. Значительная часть наследства оказалась у Резвецовых. Несмотря на исключительно бережное отношение их ко всему, что связано с памятью о Гончарове, многое погибло в трудные годы гражданской войны. Сын Резвецовых, Борис Александрович, служивший в железнодорожных войсках Красной армии, после войны перевез из Петербурга в Москву сохранившиеся вещи. Некоторые из них он передал в Пушкинский дом, остальные хранились в семье. Чувство глубокого уважения к памяти писателя присуще и ныне здравствующим членам семьи Резвецовых — жене покойного Бориса Александровича — Нине Николаевне, их сыну, доктору военных наук Николаю Борисовичу, его детям..

Мне пришлось много раз встречаться с этими весьма доброжелательными людьми, рассказывать им о ходе нашей работы по созданию музея. Когда Резвецовы убедились, что в Ульяновске делается действительно важное дело, связанное с увековечением памяти писателя, что создание музея встало на реальную почву, они согласились расстаться с большинством дорогих для них семейных реликвий.

Переданные предметы представляют исключительную музейную ценность. Все они принадлежали Гончарову, к ним прикасались его руки.

Из поступивших в музей вещей назовем, прежде всего, карманные золотые часы писателя швейцарской фирмы «Тобиас». Гончаров завещал их старшему мальчику Сани. Когда Б. А. Резвецов окончил гимназию, бабушка торжественно вручила их ему.

Три китайские шкатулки и две фаянсовые тарелки с восточным орнаментом напоминают нам о Гончарове-путешественнике. Они привезены им из кругосветного путешествия на фрегате «Паллада».

Передана была деревянная трость с серебряной рукояткой. Сын племянника писателя — М. В. Кирмалов в своих воспоминаниях замечает, что у Гончарова была большая коллекция тростей, собранных «со всех стран земного шара. Коллекция эта в виде объемистой пачки покоилась на двух кронштейнах над его кроватью»[36].

К свадьбе Сани писатель подарил ей гостиный гарнитур. У Резвецовых сохранились диван, кресло и три стула. Они так же поступили в музей. Передан и бронзовый колокольчик с фигурной ручкой. Он стоял на письменном столе в петербургской квартире писателя. Из других вещей следует упомянуть нож для резания бумаги с монограммой «И. Г.» (Иван Гончаров) и массивный стакан с подстаканником.

От Резвецовых поступили также подлинные фотографии: снимок Гончарова, сидящего в кресле (1872 год) и писатель на смертном одре. Особо надо сказать о двух других полученных музеем снимках. Долгое время в квартире Резвецовых находился фотопортрет писателя (1891 г.). Он был заключен в деревянную рамку, состоящую из двух частей, скрепленных шурупами. Накануне передачи портрета музею Нина Николаевна решила раскрыть рамку и посмотреть, нет ли на обратной стороне портрета автографа писателя. Она была крайне удивлена, когда обнаружила за портретом Гончарова, точно такого же размера портрет неизвестной молодой женщины, выполненный петербургским фотографом А. Ясвоином (80-е годы). Кто она, какую роль играла в жизни Гончарова, выяснить не удалось.

Всего от Резвецовых было получено 22 предмета. Поступление это явилось выдающимся событием не только в жизни нашего музея. Музейный фонд России пополнился уникальным, редчайшим собранием.

В 1977 году отозвался проживавший в Москве правнук младшей сестры Гончарова — Анны Александровны Музалевской (1818—1898) — Владимир Владимирович Музалевский. Его отец — Владимир Юльевич[37], внук Анны Александровны, полковник царской армии, после Октября служил в Красной Армии. Умер в 1922 году[38].

Владимир Владимирович — участник Великой Отечественной войны. Трудовая его деятельность была связана с Московским метрополитеном, где он работал техником.

Известно, что Гончаров с особенной симпатией относился к младшей сестре и ее семье. Зимой 1855 года, возвратившись из кругосветного путешествия на фрегате «Паллада», писатель приехал в Симбирск и побывал в их доме. В этот приезд он привез им всем подарки, в том числе «замечательные японские картинки на рисовой бумаге»[39]. Позднее Гончаров прислал Музалевскому книгу «Русские в Японии в начале 1853—1854 годов»[40] — (изданные в 1855 году три главы «Фрегата Паллады»). На книге дарственная надпись «Петру Авксентьевичу и Анне Александровне Музалевским от брата». В мае—июне 1862 года Гончаров жил у Музалевских. Они предоставили ему «самую лучшую комнату в доме»[41]. В письме к А. В. Никитенко он писал: «Живу я среди своих, собравшихся

тесной семьей около меня в маленьком доме, набитом как улей, все родными обитателями. Мне тут приятно, привольно, покойно и мирно-скучно»[42].

В это время писатель работал над романом «Обрыв». В свободные от работы часы он занимался с дочерью Музалевских — Дунечкой, чтобы подготовить ее для поступления в пансион благородных девиц. В этом же году, уезжая из Симбирска, по пути в Петербург, он с этой целью сопровождал в Москву сестру с Дунечкой. Впоследствии Евдокия Петровна (Дунечка) вышла замуж за московского адвоката Ю. Левенштейна. Летом 1867 года, отдыхавший в Австрии, в Баден-Бадене, Гончаров встретил там Левенштейнов. По свидетельству Евдокии Петровны, эта последняя ее встреча с писателем оставила у нее «воспоминание чего-то светлого, приятного, родного»[43].

К В. В. Музалевскому, в Москву, выехала старший научный сотрудник Ю. М. Алексеева. Оказалось, что у Владимира Владимировича хранились написанные маслом неизвестные ранее большие портреты Анны Александровны и ее мужа Петра Авксентьевича Музалевского (1801—1877 гг.) Портрет любимой сестры писателя несомненно был драгоценной находкой. Большой интерес представляет и портрет П. А. Музалевского. Его знали в Симбирске[44] как замечательного врача, бесплатно лечившего бедноту. Видимо по этой причине Г. Н. Потанин в своих воспоминаниях о Гончарове называет Музалевского «оригиналом»[45]. Следует заметить, что до этого не было известно каких-либо его портретов. Оба портрета, по-видимому, написаны в Симбирске неизвестным художником.

У Музалевского хранилась также никогда непубликовавшаяся фотография Евдокии Петровны (Дунечки). Снимок сделан московским фотографом М. Р. Тиле, вероятно, в 90-х годах прошлого века.

Большой неожиданностью явилось то, что у Владимира Владимировича сохранилось письмо Гончарова к сестре от 26 июня 1877 года[46]. Хотя оно и было частично опубликовано, оригинал письма считался утерянным. И, конечно, находка его — большая удача, тем более, что из огромной переписки Гончарова писем сохранилось очень немного[47].

Все выше перечисленные и некоторые другие предметы В. В. Музалевский передал Гончаровскому музею.

Если учесть огромную роль симбирского окружения, всей симбирской действительности, в творческой биографии писателя становится ясно, какое важное значение имеет всякая новая находка, связанная с этой проблемой. Тем более, что белых пятен в этом смысле, еще много. Например, сегодня мы еще не имеем портрета отца Гончарова, хотя он был в семье. Г. Н. Потанин, посещавший Гончаровых, в качестве домашнего учителя сестер писателя, оставил

его описание: «на портрете старик Гончаров изображен видным мужчиной среднего роста, белокурый с голубовато-серыми глазами и приятной улыбкой, лицо умное, серьезное, на шее медали»[48]. Где сейчас портрет? Какова его судьба? Ответа пока нет.

Кроме Резвецовых и Музалевских, сотрудникам музея удалось разыскать и других потомков родственников писателя и близких к нему людей. Выяснилось, что в городе Бор (б. Горьковской области.) проживает учительница Нина Борисовна Кирмалова. Как сообщила Нина Борисовна, у ее бабушки — Александры Глебовны Кирмаловой, хранилось несколько писем Гончарова, а в семейном альбоме имелись фотографии сестры и дяди писателя. Все это к сожалению погибло при пожаре. У Кирмаловой сохранилось лишь два фотопортрета писателя. Копию одного из них Нина Борисовна любезно согласилась передать в музей. На нем Гончаров изображен сидящим у гостиничного столика со шляпой в руке. Снимок датируется 1870—1872 (?) годами.

Дружба И. А. Гончарова с семьей академика живописи Николая Аполлоновича Майкова (1796—1873) сыграла важную роль в его становлении как писателя. В литературном салоне Майковых, где издавался рукописный журнал «Подснежник», было помещено, как известно, первое прозаическое произведение писателя «Лихая болесть». В салоне Майковых Гончаров прочитал вслух рукопись своего первого романа — «Обыкновенная история».

С того времени прошло полтора века. Давно ушли из жизни писатель, его друзья и знакомые. Но с нами рядом продолжают жить их потомки. В июне 1977 года в «Правде» была опубликована заметка ее ульяновского корреспондента Н. А. Малинина «Реликвия с загадкой»[49], в которой шла речь о поступивших в музей гончаровских реликвиях. Заметку прочла москвичка А. Н. Маркелова, работавшая до ухода на пенсию переводчицей в Академии архитектуры. Вскоре в музей пришло письмо. Александра Николаевна сообщала, что она дальняя родственница Н. А. Майкова.

С Александрой Николаевной в Москве встретилась научный сотрудник А. В. Лобкарева. В результате в музей поступил ряд подлинных фотографий членов семьи Майковых. Среди них снимки Н. А. Майкова (60-е годы) и Екатерины Павловны Майковой (1836—1920) — жены сына Н. А. Майкова — Владимира Николаевича, известного журналиста и переводчика.

Значительное место в экспозиции литературных музеев обычно занимают иллюстрации художников к отдельным произведениям. Они дают возможность посетителю зримо представить облик литературных героев, обстановку, в которой они действуют. Надо сказать, что до последнего времени в Краеведческом музее почти не было оригинальных произведений художников-иллюстраторов

творчества Гончарова. В Гончаровской комнате имелись лишь копии иллюстраций дореволюционного художника Табурина, да два акварельных рисунка (в подлиннике) симбирских художников П. И. Пузыревского и Д. И. Архангельского. Оба они изображают описанный Гончаровым обрыв над Волгой, конечно, каждый по-своему.

Предпринятый научными сотрудниками поиск дал возможность обогатить фонды музея значительным количеством иллюстративных материалов. Среди поступлений: подлинные авторские экземпляры иллюстраций к «Обломову» художницы С. И. Шор (издания 1929 и 1936 годов) и художника Г. М. Пустовойта (издание 1936 года). У художника Д. Бобровского приобретены иллюстрации к «Обрыву» (издание 1958 года). По просьбе музея Министерство культуры РСФСР приобрело у художника И. Глазунова его иллюстрации к этому же произведению (У—У1 тома Полного собрания сочинений, издания 1972 г.).

К просьбам музея об оказании помощи в пополнении фондов изданиями произведений Гончарова, исследовательской литературой о нем, книгами писателей-современников, внимательно отнеслись центральные библиотеки страны — Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина и библиотека им. Салтыкова-Щедрина, многие библиотеки союзных и автономных республик, а также областные. В поступивших от них посылках оказались ценные и даже редкие издания. Например, Куйбышевская областная библиотека прислала первое издание «Фрегата Паллады» (1858 г.), а библиотека МГУ — номер журнала «Вестник Европы» (1869 г.), в котором впервые был опубликован «Обрыв». Издания произведений Гончарова поступили из Венгрии, ГДР, Дании. Некоторые нужные для будущей экспозиции книги удалось приобрести в букинистических магазинах. Так, в Москве был куплен «Литературный сборник с иллюстрациями» (1849 год, приложение к журналу «Современник»), где впервые был опубликован «Сон Обломова», а в Ленинграде — первое издание «Обрыва» (1870 год).

Для воссоздания исторической среды, обстановки, в которой жил и творил писатель, помимо реликвий, имеющих прямое, непосредственное отношение к писателю (принадлежавшие ему вещи, рукописи произведений, фотографии и т. п.), в музейной экспозиции присутствуют экспонаты-памятники эпохи. Приведем пример.

В будущем музее было намечено, хотя бы несколькими штрихами, показать упоминавшийся выше «Салон Майковых», постоянным посетителем которого был Гончаров. Но как это сделать? Известно, что это был салон богатых людей: хозяйка салона Евгения Петровна получила солидное приданое от своего отца — крупного золотопромышленника. И вот авторы экспозиции решили

создать условный уголок салона, в котором должен быть дорогой ломберный столик, изготовленный в XVIII или в начале XIXвв. К сожалению, в фондах музея нужного столика не оказалось, в наличии имелись лишь обычные, заурядной работы. В комиссионных магазинах тоже не удалось найти подходящего.

Помог случай. Из Ростова-на-Дону прислал письмо гражданин Варшавский З. Л. Прочитав в местной газете наше обращение, он решил предложить музею имевшийся у него ломберный столик.

Случайно попавший в ростовскую семью, в период Отечественной войны, столик оказался замечательным произведением прикладного искусства. Неизвестный мастер очень тонко его инкрустировал разными породами дерева (изображены цветы и птицы) и украсил бронзовым литьем. Столик «перекочевал» в фонды музея. У ростовчан были приобретены также оригинальные настольные лампы, ковровая скатерть, изящная шкатулка из папье-маше и другие нужные для экспозиции вещи.

Можно было бы продолжать перечисление поступивших в Гончаровское собрание музея за семь лет (1975—1982) различных вещественных, изобразительных и документальных материалов. Мы назвали лишь некоторые из них, как примеры результативной научно-собирательской работы коллектива, позволившей построить экспозицию, отображающую жизнь писателя, весь его творческий путь.

Постепенно, с учетом результатов собирательской работы, рождалась основная научная разработка — тематико-экспозиционный план. Наиболее успешно шла эта работа у старших научных сотрудников Ю. М. Алексеевой и А. В. Лобкаревой. У них проявились способности к научной работе, глубокий интерес к литературному наследию Гончарова.

Ход работы над тематико-экспозиционным планом еженедельно обсуждался в дирекции музея, где заслушивался каждый научный сотрудник, ответственный за тот или другой раздел экспозиции. В творческих беседах выявлялись пробелы в работе, находились лучшие варианты экспозиционных решений. Раз в две недели рассматривалось художественное решение интерьеров, экспозиционных комплексов. Зачастую возникали разногласия с художником-проектантом В. В. Академовым. Но в конце концов приходили к «конценсусу». Надо отдать должное художнику. Владимир Владимирович Академов весьма способный, творчески мыслящий человек. Он разработал оригинальный проект планировки помещений музея, оформления экспозиционных комплексов.

Как известно, во время симбирского пожара 1864 года дом Гончаровых сильно пострадал (выгорели деревянные конструкции). Купец Юргенс, приобретший остов дома, расширил и надстроил его.

Художник сумел выявить «гончаровскую» часть здания. Это позволило показать в экспозиции особенности провинциального интерьера второй половины XVIII— начала XIX века (деревянные полы, характерная окраска стен, своеобразная форма светильников и другое). Именно в этой части создавался экспозиционный комплекс, рассказывающий о детских годах писателя.

Интерьеры экспозиции в «новой» части здания также создавались с учетом «места и времени». Так, в зале посвященном петербургскому периоду жизни Гончарова (салон Майковых и др)., мы видим характерное для столицы великолепие интерьера: рисунчатые паркетные полы, изящные обои, портреты в богатых рамах и т. п. Эти приемы дают возможность посетителю «настроиться» на восприятие исторической среды, в которой жил и творил писатель.

В. В. Академов успешно решил вопрос с отоплением помещения. Дело в том, что установка батарей центрального отопления в музейном интерьере, воспроизводящем старую планировку, нарушает его достоверность. С другой стороны, восстановление печного или калориферного отопления было бы в современных условиях анахронизмом. Художник нашел выход из этого положения. Он предложил скрыть трубы отопления под полами музейных залов. Эта идея была успешно реализована строителями.

Приведем еще один пример удачного решения интерьера. При входе в музей посетитель оказывался в маленьком, тесном вестибюле. Планировка музея не позволяла ни расширить его, ни перенести в другое место. Чтобы «сгладить» ощущение тесноты, центральная стена была полностью закрыта зеркальным стеклом и вестибюль «расширился».

Дальше мне хочется немного сказать о том, как создавалась материальная база нового музея. Прежде всего, необходимо было на основе разработанной планировки обеспечить проведение в крайне запущенном здании ремонтно-реставрационных работ. Предстояло полностью заменить аварийные коммуникационные сети (отопление, водоснабжение, электросеть), смонтировать противопожарную и охранную сигнализацию. Требовалось выполнить большой объем общестроительных и отделочных работ. Всю эту программу можно было осуществить при наличии соответствующего оборудования и материалов. Чтобы получить их у снабженцев нужны были «дипломатические» усилия и поддержка «сверху».

Тоже самое можно сказать и о подрядчиках. Ремонтно-строительные организации стараются не связываться с музеями, так как выполнение работ с высоким качеством им не выгодно. Утвержденные расценки, как правило, рассчитаны на вал, на количественные объемы (квадратные и кубические метры...).

Заполучить подрядчика, даже при нормальном финансировании, можно было только заручившись поддержкой высокой партийной инстанции (обком, горком КПСС).

Поэтому в проект решения бюро Обкома мы внесли соответствующие пункты. Управление снабжения Облисполкома обязывалось выделить техническое оборудование и необходимые для ремонта материалы. Выделение подрядчика также было предусмотрено. Им стало Ремонтно-реставрационное управление Горремстроя. Курировать его работу было поручено заместителю председателя Горисполкома Б. А. Чеченеву. И все же с проведением работ строители не торопились. У них было много других, более «легких» объектов. Для ускорения работы приходилось неоднократно использовать «тяжелую артиллерию». Я приходил в кабинет первого секретаря Горкома А. С. Золотова и говорил ему: «Александр Семенович, требуется ваша помощь». Он спрашивал: «Что нужно сделать?» Я в ответ: «Вам нужно побывать на объекте...»

Появление Золотова на объекте оказывало «магическое» действие. На все его вопросы был один ответ: «Будет сделано». И действительно происходило заметное ускорение работы.

Примерно такое же положение было и с экспозиционным оборудованием. В соответствии с упомянутым решением заказы на изготовление витрин, стендов, светильников, металлических конструкций были размещены на крупных предприятиях города. Но изготовление оборудования шло очень медленно. Оставалось несколько месяцев до намеченной даты открытия музея, а оборудование не было еще готово. Заказанные нами изделия были не стандартными и сложными по технологии. «Возиться» с ними предприятиям было невыгодно, мешало выполнять план. Пришлось снова обратиться к А. С. Золотову. Он пригласил к себе директоров предприятий, на которых были размещены наши заказы (заводы имени Володарского, тяжелых станков, приборостроительный, мебельное объединение). «Все ли понимают значение юбилея великого писателя?» — спросил Золотов. «Будут ли в срок выполнены заказы?». Все, кроме директора приборостроительного завода, ответили утвердительно. Зорин же сказал: «У меня есть вопрос». Тогда Золотов ему: «Останьтесь». И мне: «Тоже останьтесь». Состоялся «оригинальный» разговор. Золотов: «Какой у Вас вопрос?». Зорин: «Заводу поручено изготовить для музея сложные конструкции под старинное литье. Но у нас некому их выполнять, опытные мастера ушли на пенсию». Золотов: «Учить надо молодых!», Зорин: «И делать такую сложную работу они отказываются». Золотов: «Воспитывать людей надо!, Зорин: «Будем делать, Александр Семенович».

Разговор оказался полезным — все предприятия выполнили заказы своевременно и на довольно высоком уровне. Конечно, обращаться к «первым» руководителям области и города можно было в исключительных случаях, когда нависала угроза срыва работ. Повседневно же приходилось все вопросы материального обеспечения решать дирекции музея.

У нашего художника была идея изготовить вспомогательную мебель (не экспонаты) для всех помещений (комната научных сотрудников, вестибюль и др.) в стиле XIX века. С таким расчетом, чтобы вся обстановка в музее соответствовала эпохе, в которую жил и творил писатель. Нам понравился этот замысел, но осуществить его в Ульяновске не было возможности. Наши предприятия такую мебель не могли изготовить.

И тут мы узнали, кажется в Министерстве культуры нам кто-то сказал, что в Ленинграде имеется фабрика, где изготавливается мебель (новоделы) по антикварным образцам, хранящимся в музеях. Мы поехали туда на разведку. Оказалось, что действительно такая «экспериментальная» фабрика («Интурист») есть, работает она на материалах, получаемых из Франции (гобелен, красное дерево и др.). Ее продукция реализуется только по спецзаказам (для членов правительства, главным образом). Между прочим, в цехе нам сказали, что перед Московской олимпиадой на фабрике была изготовлена мебель для кабинета президента международного Олимпийского комитета.

Нас принял директор фабрики, Герой Социалистического Труда. Он сказал, что фабрика выполняет заказы по лимитам Совета Министров РСФСР. И даже если лимит будет, то заказ за такой короткий срок вряд ли можно выполнить (оставалось до открытия музея немногим больше полугода). Обратив внимание, что Гончаров большую часть жизни провел в Петербурге, заметив, что в Союзе нет другой фабрики, где можно было бы разместить наш заказ, мы все же убедили директора. Он согласился выполнить заказ, если получим лимитную справку.

Справку на сумму в пределах, примерно, ста тысяч рублей удалось получить и в мае месяце 1982 года мебель нам была отгружена. Она прекрасно вписалась в интерьер музея.

И все же, когда начался монтаж экспозиционного оборудования без «цейтнота» не обошлось. Время совсем оставалось мало, а открытие ни на один день отложить нельзя было — юбилейная дата. На предстоящем торжественном митинге мы попросили выступить председателя исполкома областного Совета А. М. Большова. За сутки до открытия, вместе со своим заместителем, нашим куратором, А. А. Ланковым, он посетил музейную стройку. Увидев «свалку», он сказал: «Да у вас еще конь не валялся!» — Я ему

ответил, что у нас все подготовлено, к завтрашнему дню закончим монтаж.

В эту ночь сотрудники музея, художники — все мы работали до трех часов.

А в 16 часов музей торжественно был открыт. В «Ульяновской правде» появилась корреспонденция под названием «Гончаровский, историко-литературный». В ней, в частности, говорилось: «Это событие, приуроченное к 170-летию со дня рождения И. А. Гончарова, готовилось несколько лет. Музейные работники, краеведы, проектанты, художники, строители, просто люди, хорошо знающие и любящие писателя, — каждый вложил в создание музея частицу своей души.

И вот долгожданный день. У дома Гончарова собрались партийные, профсоюзные и комсомольские работники, преподаватели, студенты вузов, писатели, краеведы, книголюбы, общественность города.

Торжественный митинг открывает секретарь Ульяновского Горкома КПСС Д. И. Баранов. Председатель облисполкома А. М. Большов поздравил всех с большим и важным событием в культурной жизни не только нашего города, но и всей страны, говорил о заслугах И. А. Гончарова перед русской литературой, о связях его с нашим краем, о неумирающей славе его творений. На митинге выступили директор Государственного краеведческого музея М. Х. Валкин, кандидат филологических наук, доцент пединститута имени И. Н. Ульянова И. Д. Хмарский, управляющий трестом «Горремстрой» В. Г. Михайлов.

Разрезается красная лента. Распахнута настежь парадная дверь. Экскурсоводы ведут по музею первых посетителей...»[50] Сохранился текст моего выступления на торжественном митинге. Думаю, что он представляет некоторый интерес, как документ, поэтому привожу его полностью: «Дорогие товарищи ульяновцы! Уважаемые гости! Сегодня мы с вами являемся участниками крупного события в истории нашего края, в культурной жизни всей страны. Рождается музей, посвященный жизни и творчеству одного из великанов русской классической литературы.

Здесь, на нашей Симбирской-Ульяновской земле, Гончаров родился. Здесь увидел он многое, что позднее вошло в художественную ткань его произведений. Всю жизнь Иван Александрович поддерживал связь с родным краем, делал, что мог для его культурного обогащения.

Прогрессивные силы старого Симбирска еще в дореволюционные годы начали благородное дело популяризации творчества писателя, увековечения его памяти в родном городе. Создав первый в стране музей писателя, мы продолжили эти традиции.

Товарищи! Создание государственного музея — это плод напряженного труда многих сотен людей. Хотелось бы в эти торжественные минуты отдать должное этим людям. Научную разработку экспозиции осуществили сотрудники областного Краеведческого музея: Юлия Михайловна Алексеева, Антонина Васильевна Лобкарева, Маргарита Борисовна Жданова, Мира Мироновна Савич, Юрий Дмитриевич Ефимов. Проект художественного оформления разработан Виктором Викторовичем Академовым.

Семь лет велся всесоюзный поиск необходимых для музея экспонатов. В результате собрана коллекция уникальных памятников материальной и духовной культуры, всесторонне отражающих жизненный путь писателя, его творческий вклад в русскую и мировую литературу.

Помощь в создании музея оказали работники архивных учреждений, библиотек и музеев Ульяновска и всей нашей страны. Посылки с зарубежными изданиями произведений писателя прибыли из Венгрии, Польши, Германской демократической республики.

Большую помощь в создании материальной базы музея внесли рабочие коллективы области. Реставрацию здания осуществил коллектив Горремстроя. Экспозиционное оборудование изготавливали заводы тяжелых и уникальных станков, приборостроительный, имени Володарского, Кузоватовская фабрика объединения «Ульяновскмебель», Новоспасская бумажная фабрика, Ульяновское отделение художественного фонда РСФСР.

Особо хочется сказать о вкладе в создание музея ныне здравствующих потомков родственников и близких людей писателя: москвичей Нины Николаевны и Николая Борисовича Резвецовых, Владимира Владимировича Музалевского, Александры Николаевны Маркеловой, семьи Рудольф из Саранска.

В работе по созданию музея коллектив научных сотрудников опирался на поддержку и практическую помощь партийных и советских органов.

Мы надеемся, что открывающийся сегодня музей полюбят трудящиеся области и наши гости, что он станет одним из самых посещаемых. Мы считаем, что завершение работы по созданию музея явится для его коллектива началом не менее интересной и напряженной деятельности по пропаганде наследия великого земляка.

Пожелаем же коллективу нового музея, возникшего на великой русской реке «счастливого плавания»!

Я заканчиваю статью. Читатель наверное заметит некоторую неровность ее стиля. Объясняется это тем, что в статье идет речь о двух разноплановых проблемах, вставших перед создателями

музея. С одной стороны, это научно-творческие вопросы (предистория, профиль, экспозиционная структура музея, научно-собирательская работа и др.), а с другой — материальная база. Думается, что краткий рассказ об объеме и методах работы по ее созданию небезынтересен, так как дает представление о времени, в которое создавался музей великого писателя.

Автор не ставил перед собой задачу раскрывать содержание отдельных экспозиционных комплексов, творческие подходы к их решению. Это, по-видимому, предмет другой статьи. Да и сама экспозиция музея дает возможность получить значительную информацию по этому вопросу.

Читателям судить о полезности проделанной автором работы и, в первую очередь, наиболее заинтересованному из них — будущему историку нашей культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 12, М. 1959, с. 352.

[2] Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 томах, М. 1980, т. 8, с. 208.

[3] Гончаров И. А. Очерки. Статьи. Письма. М. «Правда», 1986 г., с. 13 (биографический очерк Т. В. Громовой).

[4] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. т. X, М. 1928—1979, с. 290.

[5] Столетие со дня рождения И. А. Гончарова. Юбилейные празднества в Симбирске. Симбирск, 1912, с. 71.

[6] Потанин Г. Н. Воспоминания об И. А. Гончарове (в сб. И. А. Гончаров. Очерки, статьи, письма. Воспоминания современников. Составитель Т. В. Громова, М. 1986, с. 483).

[7] В «Сборнике исторических и статистических материалов Симбирской губернии» (с. 251—252, 1868 г.) помещена, написанная И. А. Гончаровым, краткая его автобиография. Подробный перечень симбирских изданий, посвященных И. А. Гончарову, имеется в книге П. С. Бейсова «Гончаров и родной край». Ульяновск, 1951, с. 114—124.

[8] Мартынов П. Празднование двухсотпятидесятилетнего юбилея города Симбирска. Симбирск, 1899, с. 28.

[9] Там же, с. 105—110.

[10] Там же, с. 13.

[11] Матвеев А. М. Историческая юбилейная выставка в память 250-летия г. Симбирска. Симбирск, 1898, с. 27.

[12] «Симбирянин», 1907, № 259. Предположительно автором текста является Ф. П. Яковлев — учитель музыки 2-й мужской гимназии.

[13] Бейсов П. С. Указ. соч., с. 37.

[14] В 1918 году произведения П. И. Пузыревского и Д. И. Архангельского были включены в экспозицию Гончаровского зала, созданного в «Народном музее», который разместился в Доме-памятнике И. А. Гончарову.

[15] Подробное описание юбилейных торжеств содержится в книге «Столетие со дня рождения И. А. Гончарова. Юбилейные празднества в Симбирске». Издание Симбирской губернской архивной комиссии.

[16] Там же, с. 6.

[17] Там же, с. 10.

[18] Там же, с. 33—59; с. 69—79.

[19] Там же, с. 11—15.
[20] Там же, с. 29.
[21] Там же, с. 27—28.
[22] Там же, с. 26.
[23] В 1965 г. в Ульяновске, в сквере на перекрестке ул. Гончарова и Ленина установлен памятник И. А. Гончарову работы скульптора Л. И. Писаревского.
[24] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 968, оч. 3, ед. хр. 13.
[25] ГАУО, ф. 968, оп. 6, ед. хр. 1, л. л. 104—109.
[26] Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома. т. V. Издательство АН СССР, М.-Л. 1959. с. 56, 57.
[27] Экспонаты переданы на основании распоряжения областного управления культуры (от 26.05.54).
[28] Например, табакерка из карельской березы, подаренная Гончарову княжной Цертлевой, фарфоровый чайник, дорожный флакон, гильотинка для обрезки сигар и др.
[29] Областной Краеведческий музей имени И. А. Гончарова. Комната памяти И. А. Гончарова. Памятка для посетителя. Составитель М. М. Савич. Ульяновское книжное издательство. 1962.
[30] Описание юбилейных мероприятий содержится в статье М. М. Савич «Гончаровские торжества на родине писателя в 1962 г.» Сборник материалов Юбилейной Гончаровской конференции).
[31] Ульяновский областной Краеведческий музей имени И. А. Гончарова. Материалы Юбилейной Гончаровской конференции. Ульяновск, 1963.
[32] Гончаров И. А. Список юбилейной литературы. Книги и журнальные статьи. Составила Никитина Н. И. (Материалы юбилейной Гончаровской конференции).
[33] Несколько месяцев в этой группе состояли Головко А. А. и Дрягилева А. М., но, к сожалению, реального вклада в работу они не внесли. На заключительном этапе активно участвовала в работе научный сотрудник И. В. Смирнова.
[34] Сотрудники работали над следующими темами:
Лобкарева А. В. — «Первые годы жизни И. А. Гончарова в Петербурге. Служба в департаменте, начало литературной деятельности, «Обыкновенная история», «Фрегат Паллада», «Обломов»;
Алексеева Ю. М. — Учеба И. А. Гончарова в коммерческом училище и в университете, «Обрыв», Гончаров и Симбирск;
Жданова М. Б. — Последние годы жизни И. А. Гончарова, Гончаров и современность.
[35] Гончаров И. А. Новые материалы о жизни и творчестве писателя, Ульяновск, 1976, с. 153—155.
[36] Кирмалов М. В. Воспоминания об И. А. Гончарове (в сб. И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Подготовка текста и примечания А. Д. Алексеева и О. А. Демиховской. Л. 1969, с. 110).
[37] В 1915 г, В. Ю. Левенштейн свою фамилию (немецкого происхождения) из патриотических побуждений сменил на фамилию деда по матери — Музалевского (см. Алексеева Ю. М. «В фонд музея И. А. Гончарова, «Ульяновская правда», 24 января 1978 г.).
[38] Там же.
[39] Левенштейн Е. П. Воспоминания об И. А. Гончарове (в сб. И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Подготовка текста и примечания А. Д. Алексеева и О. А. Демиховской. Л. 1969, с. 96).
[40] Книга экспонируется в музее И. А. Гончарова. К сожалению, дарственная надпись выцвела.
[41] Левенштейн Е. П. Воспоминания об И. А. Гончарове (в сб. И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Подготовка текста и примечания А. Д. Алексеева и О. А. Демиховской. Л. 1969, с. 97.

[42] Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.-Л., 1960, с. 122.

[43] Левенштейн Е. П. Воспоминания об И. А. Гончарове (в сб. И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Подготовка текста и примечания А. Д. Алексеева и О. А. Демиховской. Л. 1969, с. 101.

[44] В 1868 г. Музалевские переехали в Москву, к дочери.

[45] Потанин Г. Н. Воспоминания об И. А. Гончарове. (в сб. И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Подготовка текста и примечания А. Д. Алексеева и О. А. Демиховской. Л. 1969, с. 24).

[46] Письмо написано в связи с разорением семьи сестры.

[47] Гончаров обратился к своим адресатам с просьбой уничтожить все его письма. К сожалению, многие выполнили желание писателя.

[48] Потанин Г. Н. Воспоминания об И. А. Гончарове (в сб. И. А. Гончаров. очерки, статьи, письма. Воспоминания современников. Составитель Т. В. Громова. М. 1986, с. 465, 466).

[49] Малинин Н. Реликвия с загадкой. «Правда», 1977, 20 июня.

[50] Нилина В. Гончаровский историко-литературный. «Ульяновскаая правда», 1982, 19 июня.

Р. Х. САЛАХОВА

О создании музея «Симбирская метеорологическая станция»

Впервые исследованием темы «История метеорологических наблюдений» занялись сотрудники заповедника, когда возникла идея о создании музея «Симбирская метеорологическая станция».

История метеорологических наблюдений в Симбирске является частью развития метеорологии в России.

Первые отечественные сведения о погоде и климате Русского государства относятся к глубокой древности. С возникновением летописания начинается регистрация необычных гидрометеорологических явлений. В 1650 году было положено начало регулярным визуальным наблюдениям за погодой в Москве. Более 2000 ежедневных метеорологических записей, занесенных в «Дневальные записки» Приказа тайных дел и относящихся к третьей четверти XVII столетия, представляют интерес с точки зрения исследования изменений климата.

Сохранилось несколько тысяч регулярных записей о погоде, которые заносились в походные журналы ближайшим окружением Петра I и самим Петром I. Сам факт, что такой государственный деятель, как Петр I, вел наблюдения за метеорологическими явлениями, весьма интересен для истории русской метеорологии. Но еще важнее, что Петр I первым задался целью сопоставить климаты Петербурга и Риги на основе одновременных наблюдений в этих городах.

1 декабря 1725 года Петербургская Академия наук приступила к проведению регулярных инструментальных метеорологических измерений. Появились первые исследования по метеорологии. В середине XVIII в. они привлекли внимание М. В. Ломоносова, который видел одну из главных задач метеорологии в предвидении погоды. По его инициативе было положено начало инструментальным метеорологическим наблюдениям на судах русского флота. Он изобрел ряд метеорологических приборов (анемометр — для измерения скорости ветра, морской барометр). В своих работах М. В. Ломоносов пропагандировал необходимость повсеместного открытия метеорологических станций.

Важным стимулом для развития метеорологии в XIX в. явилось открытие ряда физических законов (газовых, излучения, термодинамики) и успешное применение их для объяснения многих атмосферных явлений.

В 1849 году в России открылось первое в мире научное метеорологическое учреждение — Главная физическая (ныне геофизическая) обсерватория. Основание ГФО было расценено передовыми кругами России как важное событие в развитии отечественной науки. Обсерватория нередко шла впереди метеорологических учреждений Европы. По словам доктора Неймайера, директора Морской обсерватории в Гамбурге, ГФО доставила науке «классические примеры различных климатов». На ее наблюдениях основаны многие разделы метеорологии и земного магнетизма, а «учреждения и издания ГФО служили образцами для всего мира и развивались всегда соответственно «возрастающим требованиям науки».

С обсерваторией связаны имена таких выдающихся ученых, как Купфер, Вильд, Рыкачев, Воейков и другие.

Признавая важность климатических исследований для пользы торговли, земледелия и мореплавания и вообще для практических целей, Академия наук настоятельно требовала проведения метеорологических наблюдений преподавателями учебных заведений. Организацией и развитием метеорологической сети в Казанском округе занимались ректор университета Н. И. Лобачевский и профессор А. Я. Купфер. В Казанский учебный округ входил и Пензенский Дворянский институт. Здесь проводил метеорологические наблюдения старший учитель математики и физики И. Н. Ульянов. Занимаясь метеорологическими наблюдениями, И. Н. Ульянов написал в Пензе две работы: «О пользе метеорологических наблюдений и некоторые выводы из них для Пензы» и «О грозе и громоотводах». Результаты его метеорологических наблюдений в обработанном виде были использованы в ряде исследовательских работ 1857—1858 гг. Данные наблюдений при

Дворянском институте использовал и академик Вильд в своей работе «О температуре воздуха в Российской империи», вышедшей в 1878 г. Он взял данные за 1856—1858 гг. (период наблюдений И. Н. Ульянова), как заслуживающие доверия.

В отчетах по Казанскому учебному округу упоминалась и Симбирская гимназия, в которой проводились метеорологические наблюдения еще в 1812 году бывшим тогда учителем математики Дмитрием Матвеевичем Перевощиковым (впоследствии экстраординарным академиком Императорской Академии наук). Он, в качестве любителя, проводил метеорологические наблюдения и выписки из них доставлял в Казанский университет.[1] Д. М. Перевощиков был одним из самых даровитых и деятельных учителей Симбирской гимназии. С уходом Д. М. Перевощикова из гимназии, в 1816 г., метеорологические наблюдения прекратились.

Согласно Уставу 1828 года метеорологические наблюдения вменены были в обязанность преподавателям физики и с 1835 года при Симбирской гимназии производились систематически. По поручению попечителя округа Мусина-Пушкина метеорологическая обсерватория была установлена по указаниям профессора Кнорра, который снабдил ее необходимыми инструментами и дал инструкцию для производства наблюдений. В 1836 году профессор сам посетил все метеорологические станции на Волге. По составленному им плану, наблюдения заключались в определении атмосферного давления, температуры воздуха, направления ветров и состояния неба по 4 раза в сутки: в 9 часов утра, в полдень, в 3 часа дня и в 9 часов вечера.

С 1869 года метеорологические наблюдения начал проводить преподаватель Симбирской мужской гимназии Н. Н. Панов. Таблицы метеорологических наблюдений за его подписью часто печатались в газете «Симбирские Губернские Ведомости».

В декабре 1871 года Н. Н. Панов, покидая Симбирск, передал заведование кабинетом физики А. Ф. Федотченко.

11 августа 1872 года помощник Г. И. Вильда М. А. Рыкачев проездом из Казани заехал в Симбирск. Он писал: «В Симбирске мне удалось быть только несколько минут, во время остановки парохода. Директора гимназии я не застал; я был у г. преподавателя физики, заведующего физическим кабинетом. Он (А. Ф. Федотченко — Р. С.) изъявил свое согласие производить метеорологические наблюдения: по его словам, в гимназии имеются исправные инструменты; я передал ему инструкции, указал на удобное место на дворе, где можно установить деревянную клетку для психрометра»[2].

С 1873 года метеорологические наблюдения в Симбирске с помощью собственных инструментов проводил земский врач, заведующий Пригородным медицинским участком г. Симбирска

Павел Михайлович Козакевич[3]. Результаты его наблюдений в виде таблиц публиковали «Симбирские Губернские Ведомости». Так, в одном из номеров газеты, по поводу печатаемых метеорологических наблюдений в г. Симбирске, П. М. Козакевич отмечает: «В таблице введена еще рубрика, в которой помещены разницы между наибольшею и наименьшею температурою суток. Эти разницы бывают в Симбирске в самое короткое время нередко очень велики и интересуют нижеподписавшегося как врача, который много раз наблюдал в этом городе сильное влияние на здоровье людей этих быстрых переходов от холода к теплу и обратно».[4]

Наблюдения, производимые П. М. Козакевичем в этот период, хранились для справок в архиве Главной физической обсерватории.

В 1875—1876 годах в Российской империи существовало 127 метеорологических станций, одна из которых действовала в Симбирске.

«Метеорологическая станция здесь учреждена Главною физическою обсерваториею по инициативе врача П. М. Козакевича, в квартире которого на Покровской улице, в доме г. Языкова, помещается и сама станция. Наблюдения на станции начаты с 1 января 1876 года и производятся согласно «инструкции для метеорологических станций», составленной директором гл. ф. о., академиком г. Вильдом, и одобренной академическою комиссией. Наблюдения производятся врачом Козакевичем и его помощниками, г-жею Козакевич и И. Козакевич. Все инструменты станции принадлежат Главной физической обсерватории».[5]

О работе станции, ее личном составе рассказывают Летописи и отчеты Главной физической обсерватории. Так, в Летописях ГФО за 1876 год читаем: «Наблюдения здесь принял на себя доктор Козакевич. Главная физическая обсерватория передала ему инструменты с неустроившейся станции в Самаре и пополнила их остальными инструментами.

Город Симбирск лежит на правом, высоком берегу Волги. Станция находится на западном, весьма легком склоне горы, всего на несколько метров ниже самой высокой части города».[6]

Таблицы метеорологических наблюдений П. М. Козакевич отправлял в Главную физическую обсерваторию, которая регулярно публиковала их в Летописях, издаваемых Г. И. Вильдом. За многолетние и безвозмездно производимые метеорологические наблюдения Павел Михайлович Козакевич был утвержден корреспондентом Главной физической обсерватории.[7] М. А. Рыкачев, осмотрев Симбирскую метеорологическую станцию летом 1881 года, подчеркнул, что станцию можно считать вполне исправною».[8]

О создателе станции П. М. Козакевиче, известно, что он родился 13 декабря 1831 года в с. Выхвостове Черниговской губернии. Отец

его был небогатый чиновник из дворян. П. М. Козакевич воспитывался в Новгород-Северской гимназии. В 1853 году поступил на медицинский факультет Киевского университета. Во время студенчества ему жилось очень тяжело. Приходилось часто бросать занятия и уезжать из Киева на какие-нибудь уроки: этим объясняется, что он кончил курс только в 1863 году, таким образом, пробыл студентом 10 лет.

По окончании курса он был оставлен при университете в качестве помощника прозектора нормальной анатомии, где и работал до 1870 года. В течение 1868 и 1869 года руководил занятиями студентов в анатомическом театре. В то же время он служил ординатором в Киево-Кирилловской больнице, где занимался в хирургическом отделении.

В 1871 году Козакевич переехал в Симбирск по приглашению старшего врача Фененки и пробыл в качестве ординатора губернской больницы до 1876 года.

С 1879 года он стал земским врачом Пригородного участка Симбирского земства. Являлся членом комитета общества попечения о больных и раненых воинах.[9]

П. М. Козакевич был не только практическим врачом, но и ученым. Последние два года жизни, будучи земским врачом, он занялся исследованием воды Симбирска и его уезда. Павел Михайлович часто помещал свои заметки в «Симбирской Земской Газете».

Начиная с 1873 года и до самой смерти (1885 г.) П. М. Козакевич занимался метеорологическими наблюдениями. Именно ему, как метеорологу, была дана следующая оценка в одном из Отчетов ГФО: «Наблюдения здесь производятся знающим и любящим науку лицом...»[10]

В сентябре 1855 года П. М. Козакевич скоропостижно скончался. Он похоронен на кладбище при Покровском монастыре.[11] В Некрологе, прочитанном в Годовом собрании Симбирского общества врачей 19 ноября 1885 года, известный врач А. Кадьян так охарактеризовал Павла Михайловича: это был человек науки и человек честный.[12]

В Киеве, в городском архиве и в фондах музея университета, нам удалось выявить документы, связанные с жизнью и деятельностью П. М. Козакевича.

К сожалению, пока не найдена фотография П. М. Козакевича. Поиск осложняется тем, что утрачен фотофонд Киевского университета, а многие дореволюционные фотографии врачей из бывшего музея Ульяновской областной больницы не сохранились.

После смерти П. М. Козакевича метеорологические наблюдения принял на себя сын доктора, Игорь Козакевич. Ему помогала вся

семья. Отсчеты велись весьма аккуратно. Результаты наблюдений регулярно доставлялись в Главную физическую обсерваторию. В годовом отчете за 1887 и 1888 гг. так оценена работа метеорологической станции: «Положение станции вполне удовлетворительно, а наблюдатель и его помощники относятся с большим рвением к исполнению своих обязанностей, следовательно, станцию в Симбирске надобно считать вполне хорошею».[13] И так же, как и отец, Игорь Козакевич был утвержден корреспондентом Главной физической обсерватории.[14]

А архиве Главной Геофизической обсерватории хранятся таблицы метеорологических наблюдений с января 1876 г. по январь 1888 г., составленные П. М. Козакевичем и членами его семьи.

С февраля 1888 года станция прекратила присылать результаты наблюдений в Главную физическую обсерваторию и уже никогда не возобновляла свою деятельность.

Нам удалось установить, что с 1895 по 1905 гг. метеорологические наблюдения проводились при Симбирском исправительном приюте. Наблюдения вели Л. В. Иванов и Д. А. Кольин, корреспондент Главной физической обсерватории.[15]

В фондах заповедника имеется подлинная фотография исправительного приюта с изображением метеорологических приборов.

В 1892—1894 гг. метеорологические наблюдения проводились и в Кадетском корпусе. Среди наблюдателей — подполковник Линдеберг, капитан Формаковский. Помогали им также кадеты.[16]

Пополнил список наблюдателей врач Щербо, корреспондент Главной физической обсерватории. Он проводил метеорологические наблюдения с 1888 по 1891 гг.[17]

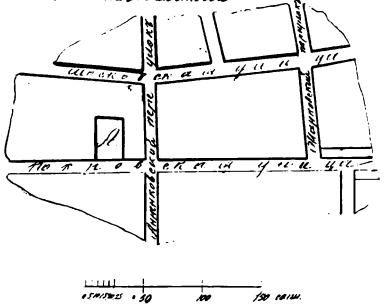
В архиве Главной геофизической обсерватории им. А. И. Воейкова имеется описание метеорологической станции, которая располагалась в доме С. Д. Казеева в 1908—1909 гг. (быв. I пер. Шатальный, ныне его не существует).

«Станция находится при доме С. Д. Казеева в расстоянии менее версты от станции при исправительном приюте и недалеко от набережной, круто опускающейся к Волге. Это — восточная окраина города с широкими немощенными улицами, застроенными небольшими домами, при которых всюду сады. Наружные приборы станции размещены на довольно просторном дворе; кругом невысокие строения, и только с северо-востока двухэтажный каменный дом, в котором живет наблюдатель. Положение станции здесь более закрытое, чем в исправительном приюте, но в общем вполне хорошее, и приборы все размещены удачно и удобно».[18]

Весьма ценной находкой для истории метеорологических наблюдений в Симбирске являются и подлинные фотографии метеорологической станции С. Д. Казеева.

Чертежъ на вновь предполагаемыя деревянныя постройки: конюшень, сарая, навѣсъ, и прачечной, на мѣстѣ принадлежащемъ Титулярнаго Совѣтника Александрѣ Ивановнѣ Языковой. Въ г. Симбирскѣ 1й части по Покровской улицѣ.

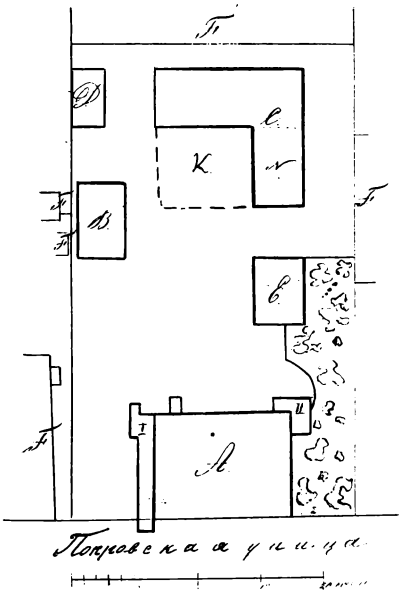
Планъ части г. Симбирска съ показаннымъ на снемъ, подъ лит. А мѣста, принадлежащаго Титулярнаго Совѣтника Александрѣ Ивановнѣ Языковой.



Описание плана мѣстности:

А Существующій деревянный, на каменномъ полуэтажѣ домъ
В Существующіе погреба.
С Предполагаемыя конюшня и сарай
Д Предположенный навѣсъ
Е Предполагаемая прачечная
F Сосѣднія строенія

Планъ мѣстности:



Удалось установить, что метеорологические наблюдения проводились при Симбирской губернской типографии и городской больнице.

В фонды заповедника поступили материалы учителя Андрея Сергеевича Кабанова: личные документы, педагогические записки и т. д. Среди них — метеорологические наблюдения А. С. Кабанова за 1890—1911 гг., 1914—1916 гг. Они составляют несколько тетрадей и отдельных листов.[19] Несомненно, данные наблюдения представляют интерес для изучения климата Симбирска.

Следует отметить, что на мысль о создании музея натолкнуло исследование С. Л. Сытина по дому А. П. Языкова (ул. Л. Толстого, 67), где было указано, что здесь размещалась первая в Симбирске метеорологическая станция и дано подробное ее описание.[20]

Проведенная научно-собирательская работа позволила приступить к созданию в заповеднике музея «Симбирская метеорологическая станция», который разместится в доме Языкова (ул. Л. Толстого, 67). Большая часть здания будет использована для размещения библиотеки, а небольшая площадь, около 75м^2 — отдана под экспозицию музея.

Концепция будущего музея подготовлена В. Н. Ходоровичем и М. Х. Валкиным. Над совершенствованием концепции и созданием экспозиции работает автор этих строк. Воссоздание метеорологической станции явится одним из объектов музеефикации наиболее интересных исторических памятников культуры. Усадьба А. П. Языкова является именно таким объектом.

В областном архиве сохранился план местности с чертежом дома А. П. Языкова, датированный 19 июня 1874 года.[21]

На чертеже (см) показана закрытая галерея (1), расположенная с западной стороны дома. К северо-восточной стороне примыкает также закрытая галерея (2), проходящая не во всю часть дома. Эта галерея-веранда сохранилась.

Исследования позволили выявить данные о местоположении станции. Семья Козакевича состояла из 5 человек. Наблюдения он проводил с женой и старшим сыном. Другие члены семьи также оказывали ему помощь. Можно предположить, что Козакевич снимал квартиру в доме Языкова не менее чем из 3—4 комнат. Квартира была расположена в северо-восточной части дома, примыкающей к открытой галерее; комната, смежная с галереей, не отапливалась.

Одна из комнат квартиры должна была иметь выход в неотапливаемую комнату и открытую галерею для снятия показаний приборов метеостанции. Вторая, отделенная капитальной стеной от неотапливаемой, примыкала к ней и могла служить кабинетом

наблюдателя. Из этих комнат квартиры через галерею по лестнице можно попасть в комнаты антресольного этажа и к слуховому окну дома, из которого даже ночью можно делать по флюгеру наблюдения.

После завершения реставрационных работ во дворе дома будут размещены метеорологические приборы (флюгер, дождемер, психрометрическая будка).

Авторы концепции считают целесообразным представить в историко-документальной экспозиции краткие сведения о метеорологической службе России в XIX в., об истории станции, о ее создателе, П. М. Козакевиче, о метеорологических наблюдениях в Симбирске.

Обогатит будущий музей интерьерная экспозиция: фрагмент кабинета наблюдателя с метеорологическими приборами, книгами и инструкциями для производства метеорологических наблюдений прошлого века, а также уголок врача с медицинским интрументарием XIX века.

Сотрудники заповедника работали в архивах, музеях, библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Самары, Пензы, Екатеринбурга.

В комплектовании книжного фонда будущего музея участвовали многие научные библиотеки России. Особо следует отметить роль Главной Геофизической обсерватории им. А. И. Воейкова, Музея Метеорологии и Экологии (г. Санкт-Петербург).

В фонды заповедника поступили уникальные книги по метеорологии XIX века. Среди них первое издание Императорского Русского географического общества «Сельская летопись, составленная из наблюдений, могущих служить к определению климата России в 1851 году», изданная в Санкт-Петербурге в 1854 году.

Наиболее ценными являются Летописи Главной физической обсерватории за 1880 и 1884 годы, где имеются сведения о метеорологической станции Симбирска, а также прижизненные издания Александра Ивановича Воейкова, известного русского климатолога, биографически связанного с Симбирском.

Основой музейного собрания стала коллекция метеорологических приборов XIX века. Среди них станционный барометр, термометры, барограф, волосной гигрометр, психрометр, кольцо Глазенапа и другие.

В апреле 1992 года в краеведческом отделе Дворца книги им. В. И. Ленина была развернута выставка «Метеорологические наблюдения в Симбирске», на которой были представлены некоторые книги по метеорологии XIX века, фотографии, метеорологические приборы прошлого столетия. Выставка явилась результатом исследовательской и собирательской работы, своеобразной визитной карточкой будущего музея.

Создаваемый музей должен стать одним из центров экологического воспитания жителей Ульяновска, а также гостей города. Экспозиция будущего музея позволит проводить научные чтения, «круглые столы», посвященные проблемам охраны окружающей среды, лекции и литературно-музыкальные вечера по теме «Погода. Музыка. Искусство», циклы занятий по метеорологии для учащихся и т. д.

Примечания

[1] Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет своего существования, 1898 г.
[2] Записки Императорской Академии наук, т. 23, кн. 1. Отчет ГФО за 1871—1872 г.г. Спб, 1873.
[3] ГАУО, ф. 88, оп. 3, exp. 28, л. 3; ф. 88, оп. 3, exp. 37, л. 7.
[4] «СГВ», 1874, № 44, 22 июня.
[5] Календарь Симбирской губернии, 1879.
[6] Летописи ГФО, 1876, Спб, 1877.
[7] Отчет ГФО за 1879—1880 г.г., Спб, 1882.
[8] Отчет ГФО за 1881—1882 г.г., Спб, 1884.
[9] Календарь Симбирской губернии, 1877.
[10] Отчет ГФО за 1875 и 1876 г.г., Спб, 1877.
[11] ГАУО, ф. 134, оп. 22, exp. 11, Л. 430.
[12] «Симбирская Земская газета», 1885, № 475, 15 декабря (См. публикуемый нами текст Некролога, стр. 13—17).
[13] Отчет ГФО за 1887 и 1888 г.г., Спб, 1890.
[14] Отчет ГФО за 1887 и 1888 г.г., Спб, 1890.
[15] Летописи ГФО, 1895—1905 г.г.
[16] Летописи ГФО, 1892—1894 г.г.
[17] Летописи ГФО, 1888—1891 г.г.
[18] Летописи Николаевской ГФО, издаваемые М. Рыкачевым, 1908.
[19] ГИМЗ «Родина В. И. Ленина, 662, 663/1, 3, 4, 664/1—24.
[20] Сытин С. Л. Дом А. П. Языкова на Покровской улице Симбирска (ул. Л. Толстого, 67).
[21] ГАУО, ф. 137, оп. 34, Д. 793, л. 2—3.

Павел Михайлович Козакевич

(Некролог, прочитанный в годовом собрании Симбирского общества врачей 19 ноября 1885 года)*

...На мою долю выпала обязанность представить вам краткий очерк, как жизни, так и ученой деятельности Павла Михайловича Козакевича, скончавшегося 22-го сентября 1885 года.

Павел Михайлович родился 13 декабря 1831 года в с. Выхвостове, Черниговской губернии. Отец его был небогатый чиновник из дворян. Раннее детство он провел отчасти в болотистых лесах северной половины Черниговской губернии, отчасти в степях южной ее половины. Корень учения, пишет сам Павел Михайлович, был для меня уж очень горек, потому что в это время пришлось испытывать самые крайние материальные лишения. («Современная медицина», 1867).

Воспитывался он в Новгород-Северской гимназии. В 1853 году поступил в Киевский университет. Во все это время он очень бедствовал в материальном отношении. Еще в гимназии ему пришлось содержать себя, давая уроки; во время студенчества бывало так плохо, что он по целым неделям не имел квартиры, живя в ботаническом саду на открытом воздухе. Приходилось часто бросать занятия и уезжать из Киева на какие-нибудь уроки; этим объясняется, что он кончил курс только в 1863 году, таким образом пробыл студентом 10 лет. К тому же он женился очень рано, студентом, в 58 году, и к окончанию курса уже имел четырех детей. По окончании курса он был оставлен при университете в качестве помощника прозектора нормальной анатомии, где и работал до 1870 года. В течение 68 и 69 года руководил занятиями студентов в анатомическом театре. В это же время он служил ординатором в Киево-Кирилловской больнице, где занимался в хирургическом отделении.

В 1871 году Козакевич переехал в Симбирск, вследствие приглашения старшего врача больницы Фененки и пробыл в качестве ординатора губернской больницы до 76 года, заведуя сначала хирургическим отделением, потом сифилитическим. Он вышел из больницы вместе со всеми своими товарищами.

Во время восточной войны в 77 и 78-м году Козакевич был старшим врачом лазарета Красного Креста в Репьевке. С половины 79 года он сделался земским врачом пригородного участка Симбирского земства. Во все время своей жизни Козакевич был не

---

* «Земская газета», 1885, № 475, 15 декабря.

только практическим врачом, но и ученым: он постоянно работал. Разбирая бумаги покойного, удивляешься той массе труда, которую он употребил на различные исследования. К сожалению, эти работы остались после смерти в виде сырого материала, который, чтобы появиться в печати, требует еще разработки. Закончить исследование ему всегда мешал недостаток денежных средств, невозможность даже в короткое время отказаться от заработка и всецело заняться обработкой собранного материала. Самый большой труд его — это исследование о мозгах. В течение 68—76 года он производил постоянно взвешивание и измерения человеческих мозгов, он определял величину и вес как всего мозга, так и отдельных частей его, в том числе и спинного мозга. Взвешивал и определял размеры всего тела. Отмечал национальность, занятия и причину смерти вскрываемого. Такие определения у него сделаны относительно 861 трупа — 614 мужских и 247 женских. Этот материал может послужить основанием для прекрасной антропологической работы. Выход Козакевича из больницы поставил его в невозможность продолжать свои измерения.

Другая его большая работа относится к последним двум годам жизни; будучи земским врачом он занялся исследованием воды Симбирска и его уезда, и сделал 155 анализов воды из разных источников в Симбирске и 324 из различных мест Симбирского уезда. Он определял количество хлора и извести. Эта работа тоже осталась в виде материала.

Кроме того, с 1876—85 год он определил температуру воды и высоту стояния ее в колодцах.

Из печатных работ Козакевича мне известны следующие: перевод «Руководства к физиологии» Людвига. Перевод сделан в Киеве в 61—64 гг., вышли в свет только два выпуска: Павел Михайлович стал издавать ее и конечно не имел средств докончить такую большую работу.

Павел Михайлович часто помещал свои заметки в Симбирской Земской Газете; я помню его статьи о картофельном хлебе, где он восставал против мысли кормить мужика картофелем, и статью, произведшую некоторую сенсацию: «О вымирании г. Симбирска».

Начиная с 1873 года до самой смерти, Павел Михайлович занимался метеорологическими наблюдениями, сначала посредством своих собственных инструментов, а затем с 76 года у него помещалась станция физической обсерватории. За свои работы в этом направлении он получил в 1881 году звание Корреспондента Главной физической обсерватории.

Из этого краткого перечня работ видно, насколько Павел Михайлович был человеком науки и как его интересовали разнообразные научные вопросы. При этом надо заметить, что ни в одной из его работ не играют никакой роли ни материальные

выгоды, ни какие-либо другие. Работы его не дали ему ни денег, ни почестей.

Я позволю себе сказать несколько слов по поводу выхода Павла Михайловича из губернской больницы. Он должен был дорожить больницей, во-первых, потому, что с особенной любовью занимался хирургией, а это возможно только в больнице; во-вторых, только больница могла доставить ему материалы для его анатомо-антропологических работ. Выход из больницы заставил его прекратить работу, на которую была уже затрачена такая масса труда. Наконец, для него не была безразлична и материальная сторона службы; громадной практики он никогда не имел, в 1000 рублей определенного содержания при большой семье представляла для него серьезную поддержку.

Несмотря на все это, когда возник ряд недоразумений между тогдашним медицинским персоналом больницы и управой Павел Михайлович счел несовместимым с своими убеждениями продолжать службу, он вышел в отставку, бросил любимое дело и остался почти без средств к существованию.

Павел Михайлович был вообще честный человек, он не кривил душой, всегда поступал так, как считал справедливым, согласно с своими убеждениями. Он не вилял, не приспосабливался к обстоятельствам, твердо проводил в жизнь свои принципы, хотя бы они шли прямо вразрез с выгодами его и его семьи. Я не имею права привести факты, неоспоримо доказывающие это положение, так как они касаются его детей, его семьи.

Большой частной практики он не имел, но во время ординаторства в больнице она все-таки была достаточная, потом стала немного уменьшаться. Такой относительный неуспех среди симбирцев я приписываю его прямоте, его, так сказать, честности, он и тут считал ненужным кривить душой, приспосабливаться к больному. Он часто говорил прямо то,что думал, например, указывал на ненужность своих посещений или по незначительности болезни (хотя бы пациент был выгодный), или по невозможности помочь больному. Но те громадные размеры, до которых довел Козакевич амбулаторию пригородного участка доказывают, что ему население доверяло и ценило его — оно массами шло к нему. По последнему отчету, находящемуся у меня в руках (за 1883 год), число амбулаторных больных у него было 11 249, не считая вторичных посещений, то есть по 34 человека в день.

Павел Михайлович умер так, как он родился и жил — бедняком. После него, кроме книг, инструментов и нескольких неоконченных работ, ничего не осталось.

Подводя итог всему сказанному, я, кажется, имею право охарактеризовать Павла Михайловича так: это был человек науки и человек честный.

Л. П. БАЮРА

Музей В. Н. Поливанова в Акшуате.

Музей, созданный В. Н. Поливановым в селе Акшуат, принадлежал к числу редкостных памятников культуры конца XIX века.

Это был первый на территории Симбирской губернии частный музей, размещенный в специально выстроенном здании. Коллекции поливановского музея сделали бы честь любому государственному собранию. Однако сведения, которыми располагает наше краеведение об акшуатском музее, весьма скудны и отрывочны.

В этой статье сделана попытка на основе архивных документов и публикаций в дореволюционной и современной прессе обобщить разрозненные факты, проследить, насколько это возможно, историю поливановского музея. Коллекция В. Н. Поливанова была чрезвычайно многоплановой, поэтому подвергнуть всестороннему анализу этот уникальный историко-археологический, художественно-архитектурный комплекс невозможно в рамках одной статьи. Основное внимание будет уделено художественной коллекции, наиболее ценному, на наш взгляд, разделу акшуатского музея. В фондах Ульяновского областного художественного музея (УОХМ) сохранилось достаточное количество произведений живописи, скульптуры, прикладного искусства, чтобы определить сферу интересов В. Н. Поливанова как собирателя и коллекционера. Но сначала несколько слов об этом человеке, сыгравшем выдающуюся роль в истории Симбирска на рубеже XIX—XX веков.

Строитель и собиратель акшуатского музея Владимир Николаевич Поливанов (1848—1915) принадлежал к числу тех симбирян, которые воплощали в себе лучшие черты русского дворянства. Обладая энциклопедическими знаниями, он ярко проявил себя в самых разных сферах человеческой деятельности.

В 1870 году Поливанов закончил юридический факультет Казанского университета[1]. Но государственная служба не привлекла его. Молодой юрист решил посвятить себя земской жизни. С 1875 года он неоднократно утверждался почетным мировым судьей по Корсунскому и Симбирскому уездам. Представитель старинного дворянского рода, Поливанов исполнял обязанности придворного, будучи с 1874 года камер-юнкером, а с 1906 года гофмейстером двора его императорского величества. Это не мешало ему с головой окунуться в дела земства, образцово вести хозяйство в своих имениях, не пользуясь услугами управляющего. С 1898 года и до конца жизни Поливанов — губернский предводитель дворянства. В 1906 году Симбирским чрезвычайным земским собранием избран членом Государственного совета от земства. Но неуемной энергичной натуре Поливанова и этого было мало. Он серьезно и основательно занимался лесопосадками, работая с редкими породами деревьев. Владимир Николаевич состоял председателем одного из старейших в России обществ — Симбирского общества сельского хозяйства. Он этнограф, археолог — член-корреспондент французского и бельгийского обществ археологии, почетный член императорского археологического института. В 1985 году он становится инициатором создания и председателем (вместе с П. Л. Мартыновым) Симбирской ученой архивной комиссии. Казалось бы, всего перечисленного уже достаточно, чтобы в полной мере осуществить себя. Но у В. Н. Поливанова, как нам кажется, было любимое детище — это его музей, который он построил у себя в Акшуате в 1890 году.

О музее Поливанова не однажды писали в симбирских газетах. Но первые и наиболее содержательные публикации принадлежали П. А. Александрову. Именно он в «Историческом вестнике» за 1908 год утверждал, что музей представляет собой нечто, рассчитанное на общественный интерес, на научные цели. Музей был открыт для всех, для ученых специалистов и для крестьян окрестных сел. Автор так описывает свои впечатления: «Посетитель входит в роскошный парк, заботливо возделанный на пространстве в 70 десятин. По аллеям, причудливо извивающимся под нависшими лапами елей и кедров, по мосткам, живописно переброшенным через речки и пруды, посетитель выходит на середину парка, где на веселой зеленой поляне открывается перед ним здание музея, белеющее из зеленой чащи своим фасадом с колоннами, отражаясь в зеркальной

поверхности пруда»[2]. Сохранившиеся фотографии музея свидетельствуют, что здание было выстроено в форме античного храма ионического ордера и представляло собой классический образец периптера: корпус здания со всех сторон был окружен колоннадой. Стройные колонны с каннелюрами легко несли антаблемент. «Подножием колоннады,— пишет П. А. Александров в одной из статей,— служит высокий постамент (6 ступеней). На фронтоне значится 1890-й год основания музея. Внутренность музея состоит из одного зала, освещаемого небольшими, высоко пробитыми окнами. Потолок разбит на квадраты и украшен римским гвоздем (кассетирован — Л. Б.)»[3].

В музее находились предметы из раскопок Муранского могильника: 60-ти пудовая надгробная плита с восточной вязью была вмурована в стену напротив входа. На полках, в витринах и планшетах располагались вещи похоронного ритуала — головные уборы, косы, ткани, обувь, серьги, поясные, шейные, ручные украшения, домашняя утварь, монеты. «Кроме того, — продолжает Александров, — в музее имелось значительное количество минералов, древнего вооружения, изразцов, черепков, костей ископаемых животных, окаменелостей»[4]. Из статьи в уже упоминавшемся «Историческом вестнике узнаем, что в экспозицию музея входили две большие каменные цистерны — водоемы из с. Болгары, «древности римские, греческие из Херсонеса Таврического». Среди предметов древнего вооружения имелись кольчуги, сабли, мушкеты, ружья, пистолеты, копья, пики.

Наиболее полное описание коллекции можно найти в каталоге музея Поливанова, напечатанном в 1909 году в Симбирской губернской типографии. Составителем каталога был все тот же П. А. Александров [5]. В этой маленькой брошюрке,являющейся ныне библиографической редкостью, собрание Поливанова было систематизировано, распределено на пять отделов: историко-археологический, скульптуры и живописи, книг, рукописей и автографов, палеонтологический. В последнем, пятом отделе были представлены минералы. Безусловно, наибольший интерес для нас представляют те отделы коллекции, где перечислены произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

Удалось выяснить, что художественные коллекции в специальном музейном здании никогда не располагались. «Часть предметов, — пишет Александров, — по некоторым причинам и соображениям, хранятся не в доме-музее, а в господском доме, находящемся в том же парке и равнодоступном для обозрения»[6]. В симбирских «Известиях» в 1919 году появилась анонимная статья[7], но по стилю, по фрагментам из прежних публикаций можно предположить, что автор ее П. А. Александров. В этой статье

содержится чрезвычайно много важной информации. Вот как описан дом Поливанова: «Дом, построенный 130 лет назад, является историческим памятником. Каменный огромный, в два этажа, он представляется типичным сооружением 18 века. Боковые постройки дома, раскинутые в виде крыльев, и парадный подъезд с колоннадою и балконом придают зданию вид дворца.» Далее с ностальгической ноткой: «Внутри этого дома всюду так и веяло археологией». В доме была так называемая картинная комната, все стены которой от потолка до пола были увешаны картинами. Традиционная для 18 века «шпалерная» развеска сохранилась в поливановском доме до начала 20 века. Автор выделяет работы симбирских художников и «отличные копии» с картин известных мастеров. Любопытно само устройство поливановского дома-музея, так сказать, его экспозиция. «Соседний зал, — пишет автор, — более обширный, с колоннадами, вмещал библиотеку, собрание гравированных портретов и автографов. Портретная галерея состояла из старинных гравюр, изображающих великих людей отечественной истории... Собрание автографов заключалось в нескольких витринах за стеклами: тут были как отдельные письма, так и старинные альбомы, грамоты, документы...».

Мы убеждены, что ядро поливановского музея — это собрание произведений живописи, скульптуры, графики. Попробуем кратко изложить историю художественной коллекции, созданной несколькими поколениями Поливановых, и определить значение этого собрания. И начать, вероятно, нужно с истории имения «Акшуат».

Акшуатские земли в конце 18 в. принадлежали симбирским дворянам Татищевым[8]. В 1792 г. Елизавета Петровна Татищева вышла замуж за генерал-майора Николая Александровича Чиркова, получившего имение «Акшуат» в качестве приданого своей жены. Он и построил акшуатский дом (1792—1795), положил основание его библиотеке и развел сад. Скончался в 1806 году и погребен вместе с женой в склепе акшуатской церкви[9]. Затем имение «Акшуат» вместе с домом переходит к И. П. Поливанову, (1773—1848) сенатору, за которого вышла замуж дочь Чиркова ЕкатеринаНиколаевна[10]. Итак, в начале 19 века в Симбирской губернии появляются Поливановы, принадлежащие к старинному дворянскому роду. Происходит этот род от татарина Кочевы, в крещении Онисифора, выехавшего из Орды к великому князю Дмитрию Донскому. Правнук его Михаил Глебович, по прозванию Поливан, был родоначальником Поливановых. В 17 веке многие Поливановы служили стольниками и стряпчими. Генерал-поручик Иван Игнатьевич Поливанов был в 1781 г. правителем саратовского наместничества[11].

Но вернемся к Ивану Петровичу Поливанову, получившему во владение имение Акшуат. Иван Петрович — личность весьма примечательная в контексте нашей темы. Тайный советник и сенатор

(с 1832 по 1848), он начал службу в лейб-гвардии Преображенском полку, участвовал в сражении против шведов 19 апреля 1790 года. В 1812 году, когда стало ясно, что Москве угрожает опасность со стороны французов, Ивану Петровичу было дано поручение отправить под своим надзором все сокровища Оружейной палаты сухим путем до Коломны, а оттуда водою в Нижний Новгород. Все им было вывезено «в совершенной целости». Известен Иван Петрович был и как искусный токарь по слоновой кости: его изделия экспонировались в 1829 году на первой мануфактурной выставке в Москве. Он удостоился также «поднести свои работы императрице Елизавете Алексеевне»[12]. Эти скупые детали биографии ярко характеризуют И. П. Поливанова как человека, безусловно, художественно одаренного, образованного, умеющего в полной мере оценить огромную историческую и музейную значимость вверенных ему коллекций Оружейной палаты.

Вероятно, Иван Петрович продолжил собирание библиотеки, художественных, исторических ценностей, начатое Чирковым в Акшуатском доме. Судя по каталогу поливановского музея, еще в конце 18 столетия начала складываться типичная для века Просвещения частная фамильная галерея богатой дворянской семьи. В составе такой коллекции обязательными были портреты царей. В каталоге значатся портреты Алексея Михайловича, Павла I и Иоанна Васильевича Грозного. Из собрания Поливанова в Ульяновский художественный музей поступил и превосходный портрет Анны Иоанновны, находящийся в зале русского искусства 18 века. Такая галерея, естественно, включила и изображения членов семьи владельца. Из каталога следует, что в семейную галерею входили портреты Николая Александровича Чиркова, миниатюры с изображениями Петра Алексеевича Татищева, Ивана ПетровичаПоливанова, его жены Екатерины Николаевны, Петра Ивановича Родионова, деда М. Н. Поливановой. К сожалению, многие их этих произведений не дошли до нас. Наряду с портретами, видимо, очень рано начала складываться коллекция произведений, украшающих интерьер (картины, гравюры, редкостные предметы прикладного искусства). Упоминается в каталоге Поливанова шкафчик красного дерева с выдвижными ящиками 1760 года, сундучок-подголовник 18 века и другие предметы. Бережно хранились сделанные собственноручно И. П. Поливановым «принадлежности для курения и разные другие настольные предметы из дерева и слоновой кости». Как семейные святыни передавались из поколения в поколение икона Казанской Божьей матери, принадлежавшая некогда Петру Алексеевичу Татищеву, икона Толгской Божьей матери, которая была списана с чудотворной еще в петровское время. По описанию составителя каталога, немалую ценность представляла со-

бой серебряная риза, вызолоченная, богатой чеканной работы, украшенная самоцветными камнями.

Николай Иванович Поливанов (1814—1874) получил Акшуат в 1853 году по раздельной купчей[13]. После смерти матери Екатерины Николаевны симбирские имения были поделены между братьями Николаем и Александром. Александр получил Водорацкое и равное с Николаем число душ. Но Акшуат становится для Николая Ивановича любимым домом гораздо раньше. И в этом мы легко убедимся, если просмотрим листы так называемого «Поливановского альбома», хранящегося в Ульяновском художественном музее. Альбом получил широкую известность после ряда публикаций московского журналиста Я. Л. Махлевича, исследующего биографию М. Ю. Лермонтова. Н. И. Поливанова и М. Ю. Лермонтова связывала юношеская дружба. В одном из альбомов, хранившемся в акшуатском музее, имелся автограф Лермонтова — стихотворение: «Послушай, вспомни обо мне...», посвященное Н. И. Поливанову[14]. Лермонтовский Кавказ со сценами сражений, колоритными фигурами горцев возникает на многочисленных рисунках Поливановского альбома. Некоторые из них опубликованы и подробно прокомментированы Махлевичем в его недавно вышедшей книге «И Эльборус на юге...»[15]. Вместе с тем, неопубликованными и малоизученными остаются симбирские листы альбома Поливанова. Автор книги прав, когда говорит об огромном историко-художественном значении альбома. Альбом весьма интересен и для нашего краеведения. Более того, он является уникальным памятником усадебной культуры первой половины 19 века. Несомненно, автор рисунков — художник-дилетант, получивший, скорее всего, домашние уроки рисования. Но, вспомним, отец его, Иван Петрович, превосходно резал по кости, в его распоряжении прекрасная библиотека, редкостные произведения искусства. Погрешности в рисунке искупаются глубоким поэтическим чувством, этнографической точностью деталей в таких работах Н. И. Поливанова, как «Мечеть в Тимошкино», «Базар а Акшуате», «Дом Бычкова», «Пикник в Симбирске».

Основная часть коллекции русского и западно-европейского искусства была собрана В. Н. Поливановым. Новый владелец родового имения целенаправленно пополняет фамильную портретную галерею. В числе авторов, которые участвовали в создании портретов нового поколения Поливановых, были художники с академическим образованием. Имена их ныне малоизвестны. Однако портреты М. Н.[16] и В. Н. Поливановых, выполненные Д. М. Болотовым и небольшой портрет Марии Николаевны в рост работы В. В. Князева отмечены чертами профессионализма и импозантности. В коллекции русской живописи представлены

работы художников-академистов и передвижников. В отборе произведений чувствуется ориентация на имена с устоявшейся репутацией. В. Н. Поливанов — коллекционер со строгим вкусом и слегка консервативными взглядами на искусство. Это не помешало ему приобрести работы мастеров различных творческих устремлений. Среди картин художников-передвижников, находившихся в коллекции Поливанова, следует отметить работу М. К. Клодта «Коровы на водопое» и два превосходных крымских этюда И. И. Левитана. Пейзажная и жанровая живопись академического направления представлена работами Ю. Ю. Клевера, И. Е. Крачковского, А. А. Писемского, Г. А. Ладыженского, отличающимися высоким художественным уровнем. Совершенно неожиданна в коллекции Поливанова картина Н. А. Тархова «Парижский рынок в народном квартале». Смелая и звучная живопись Тархова навеяна французскими впечатлениями. Наличие этой картины в собрании Поливанова — свидетельство о расширении сферы его интересов, о внимании коллекционера к новым явлениям в русском искусстве. Ценнейшей частью коллекции Поливанова были произведения старых европейских мастеров 16—18 веков. Среди них работа нидерландского живописца 16 века Гельдорпа Горциуса «Лукреция» и превосходный натюрморт Давида де Хема, голландского художника 17 века. Подлинным шедевром является портрет Пьера Леграна, написанный выдающимся мастером французской живописи рубежа 17—18 веков Никола Ларжильером. Все эти работы постоянно находятся в экспозиции художественного музея и определяют ключевые моменты экскурсии по залам западноевропейского искусства.

Чрезвычайно важным представляется собрание работ симбирских художников. Поливановы были одарены способностью поддерживать и объединять вокруг себя талантливых людей. В начале 1840-х годов, когда хозяином в имении был И. П. Поливанов, в Акшуате расцвел талант В. Г. Худякова, дворового человека Поливановых. Способный юноша получил прекрасное художественное образование, закончил Московское училище живописи и ваяния, затем, уже вольноотпущенником, прошел курс обучения в Петербургской Академии Художеств. Получив звание академика живописи и обретя популярность среди петербургской знати в качестве портретиста, Худяков, видимо, сохранил дружеские отношения с Поливановыми. Во всяком случае в Акшуате бережно сохранили небольшую, но очень ценную коллекцию живописи бывшего крепостного: портреты, пейзажи, этюды разных лет и последнюю картину рано умершего художника «Царица Сююмбике, покидающая Казань». В 1860-е годы в коллекции Поливановых отложились две работы еще одного симбирского художника,

бывшего крепостного В. Т. Тимофеева. Будучи учеником Академии художеств, он в 1864 году «по семейной надобности» провел несколько месяцев в Симбирске. Одаренный художник был замечен Н. И. Поливановым и получил заказ на два портрета.

Продолжая семейную традицию, В. Н. Поливанов оказывал всяческую поддержку П. И. Пузыревскому, М. Ф. Каврайскому и другим местным художником конца 19 начала 20 веков. Последнее имя принадлежит ныне забытому симбирскому живописцу. Лишь благодаря тому, что его работы некогда были приобретены В. Н. Поливановым, мы сегодня имеем представление об этом талантливом симбирском художнике.

К сожалению обзор художественной коллекции Поливановых неполон и фрагментарен, так как далеко не все сокровища акшуатского музея были спасены во время повальной национализации старинных дворянских гнезд в послереволюционный период. Уже в 1919 году анонимный автор в симбирских «Известиях»[17] с тревогой и беспокойством писал об огромном историческом и культурном значении акшуатского имения. Оставшийся без хозяев дом подвергся нещадному грабежу. Не прошло и десяти лет, и в акте проверки земельных имуществ при с. Акшуат от 25 мая 1928 года зафиксировано, что осталось в наличии от усадьбы: «Дом, бывший барский, кирпичный, 2-этажный, крыт железом, без окон и дверей... Бывшие ранее коридоры кирпичные, крытые железом, длиною 18 аршин, высотою 3 аршина, соединявшие флигеля с главным домом, выломаны волостным исполкомом в 1927 г.» И в скобках — «свободен»[18]. Это означало только одно, что пустующий порушенный дом был волен разрушаться дальше. Однако многое из хранившихся в доме ценностей удалось спасти. В ноябре 1918 года[19] «имущество» Поливановых, упакованное в 19 ящиков, было вывезено из Акшуата в Симбирск в запломбированном вагоне. Что же было в этих ящиках? Спустя полтора месяца Комиссия по приему реквизированного имущества, которая работала по поручению Симбирского отдела народного образования, в присутствии представителей сельского совета и комиссии бедноты села Акшуат, вскрыла три (?) ящика. Комиссия нашла в них следующее: «...всего картин оказалось 43, причем упакованы они были в совершенно невозможном виде, переложены сеном, четыре самые большие картины оказались снятыми с подрамников и свернутыми живописью внутрь, вследствие чего они потрескались, особенно пострадала картина старой голландской школы...»[20] Сохранившиеся упаковочные акты от 6 ноября 1918 года, очевидно, вложенные в ящики, свидетельствуют о том, что проводившие «реквизицию» в доме Поливанова, не представляли, увы, с какими ценностями имеют дело. В одном ящике вперемешку «пачка рисунков», кусок слоновой кости, две

картины масляными красками и «лишай с дерева в форме лап птицы». Перламутровая коробочка соседствует с письмами Н. М. Карамзина. Картины без названий и авторов с порядковыми номерами и без всякого описания[21].

Еще один упаковочный акт[22] позволяет узнать, какие книги находились в знаменитой библиотеке В. Н. Поливанова: издания по лесоводству, дендрологии, нумизматике, археологии, богатейшая историческая литература на русском и французском языках, много книг по истории французской революции. Бесценной была коллекция книг по искусству: остающиеся и сегодня важнейшими источниками сведений об отечественном искусстве книги Ф. И. Булгакова, С. Н. Кондакова, Д. А. Ровинского, лучшие художественные альманахи 19 века — «Художественные сокровища России», «Вестник изящных искусств», Библия с гравюрами Доре, книги Мюнца об итальянском Ренессансе и Байе о византийском искусстве, множество изданий о древнерусском зодчестве и иконописи. Любопытны книги, посвященные орнаменту всех времен и народов.

Судьба акшуатского собрания с его уникальными историко-художественными коллекциями, великолепной библиотекой, редкостными раритетами печальна, но не единична для своего времени. Музей, как целостный комплекс, состоящий из нескольких отделов, перестал существовать. Литературные реликвии попали в Пушкинский Дом Ленинграда, лишь часть огромной библиотеки ныне в отделе иностранной литературы Ульяновского Дворца Книги. Некоторые археологические коллекции хранит Краеведческий музей. Около 50 произведений живописи и небольшое количество предметов декоративно-прикладного искусства находятся в фондах Художественного музея. Конечно, не так, как это представлялось В. Н. Поливанову, осуществилась его идея создания Художественного музея в Симбирске. Растворились среди сотен других произведений те, что собраны были несколькими поколениями Поливановых — знатоков и ценителей живописи. Исчез разрушенный в 1917 году белокаменный чудо-музей. Лишь воспоминания современников помогают представить неповторимый облик акшуатского дворца. Д. И. Архангельский так описывал свои впечатления о посещении дома Поливанова: «Здесь все было овеяно таинственностью, поэзией... Царила полная гармония в обстановке: все излучало изящество, комфорт, таинственный уют...»[23]. Редкостный дар эстетизировать среду обитания, добиться гармонии там, где человек, эгоистично думая о хлебе насущном, входит в конфликт с природой, подвигнул В. Н. Поливанова на грандиозное дело — он заложил свой диковинный парк, раскинувшийся на 180 гектарах земли — живое воплощение традиций русского садово-паркового

искусства. Этот парк существует и сегодня, хотя ему тоже угрожает опасность. В симбирской глубинке растут кедры и пихты, голубые ели, стелящаяся горная сосна, карельская береза, другие деревья и кустарники из климатических зон Европы, Азии, Северной Америки[24]. В Акшуате стоят дома, построенные из огнеупорного кирпича, применение которого осуществлялось по инициативе Поливанова. Неподалеку от Акшуата существует железнодорожная станция Поливаново и при ней поселок, где когда-то неутомимый Владимир Николаевич построил здание станции, почту, постоялый двор для гостей, дома для обслуживающего персонала, школу. Вдоль дороги был посажен молодой сосновый лес[25].

Своей брошюре, посвященной двадцатипятилетию лесоразведения в Симбирской губернии, В. Н. Поливанов предпослал такой эпиграф: «Все то будет прочно и нам дорого, что приобретается ценою личного труда и знаний»[26]. Эти слова точно и емко отражают смысл жизни и деятельности Владимира Николаевича Поливанова. И несмотря на то, что время не пощадило музей, созданный трудами Поливанова, память о нем живет в аллеях старинного парка, в залах музеев и библиотек, сохранивших бесценные сокровища Акшуата.

Примечания

[1] Биографические сведения о В. Н. Поливанове взяты из следующих источников: Современники. Альбом биографий Н. И. Афанасьева. Т. 2, 1910; с. 343—344. Формулярный список губернского предводителя дворянства В. Н. Поливанова. ГАУО, ф. 477, оп. 3, д. 152; Сытин С. Л. Симбирское окружение И. Я. Яковлева. Ч.2, 1985, с. 16. Машинопись. (Ульяновская областная библиотека им. В. И. Ленина, отдел краеведения).

[2] П. А. Музей в с. Акшуат Симбирской губернии. Исторический вестник. 1908, сентябрь, с. 982—986 (ГАУО, ф. 832, оп. 1, д. № 5) (далее: Исторический вестник...).

[3] Александров П. А. Археологический музей В. Поливанова в селе Акшуат. Симбирские губернские ведомости, 1900, № 42 (далее: СГВ).

[4] СГВ, 1900, № 42.

[5] Каталог музея Владимира Николаевича Поливанова в с. Акшуат Корсунского уезда Симбирской губернии. Составил П. А. Александров. Симбирск, губернская типография, 1909 (далее: каталог музея Поливанова).

[6] «Исторический вестник...»

[7] Древнее хранилище в селе Акшуат. Известия Симбирского Совета народных депутатов, 1919, 6 марта (далее: Известия...).

[8] Татищев П. А. (1730—1806) — дед жены поэта Е. А. Боратынского, см. «Наше наследие», 1990, № 5, с. 15. Опубликована миниатюра с изображением Татищева. Подобная миниатюра упоминается в каталоге музея Поливанова: с. 22, № 232.

[9] Каталог музея Поливанова, с. 20, № 202.

[10] Екатерина Николаевна Чиркова была родной сестрой жены поэта и партизана Д. В. Давыдова.

[11] Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 47, Спб., 1898, с. 282.

[12] Род дворян Поливановых 14—20вв. Составил по материалам, собран-

ным М. К. Поливановым, А. В. Селиванов. Из книги: Труды Владимирской ученой Архивной комиссии. Владимир-на-Клязьме, 1903.

[13] Имущественные дела Поливановых. ГАУО, ф. 664, оп. 2, д. 3.

[14] ИРЛИ. Отдел рукописей, ф. 524, оп. 1, д. 41.

[15] Махлевич Я. Л. «И Эльборус на юге...» М., 1991.

[16] Мария Николаевна Поливанова (1863—?), урожденная Языкова, жена В. Н. Поливанова. (Сведения о дате рождения М. Н. Поливановой, любезно предоставлены Е. К. Беспаловой, УОКМ).

[17] Известия..., 1919, 6 марта.

[18] Акт проверки государственных земельных имуществ при с. Акшуат, 25 мая 1928 года. ГАУО, ф. 346, оп. 3, д. 150.

[19] Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова. Фонды. Книга документов о поступлениях, № 98, акт № 1 от 13 ноября 1918 г., л. 1 (далее: УОКМ...).

[20] УОКМ... Акт № 2 от 31 декабря 1918 года, л. 2.

[21] УОКМ... Упаковочный акт, л. 3—7.

[22] УОКМ... Упаковочный акт, л. 8—14.

[23] Яценко Н. И. В гостях у Поливанова. В кн.: Вечно живой Сент Экзюпери. Саратов, 1990.

[24] Имение «Акшуат» В. Н. Поливанова. В кн.: Описание отдельных русских хозяйств. Спб, 1898; И. Сайфиев. Деревья умирают молча. Ульяновская правда, 1990, 25 сентября; В. Кругликова. Акшуатский дендропарк. Народная газета, 1992, 13 апреля.

[25] Васильева Л. Станция в лесу. Ленинский путь. 1988, 14 мая.

[26] Поливанов В. Н. Двадцатипятилетие Акшуатского лесоразведения в Симбирской губернии 1883—1908. Симбирск, 1908.

Е. Г. СКОВИКОВА

Собирание и изучение музыкального фольклора в Симбирской губернии

В конце 30-х годов XIX века Симбирск сыграл важную роль в процессе формирования музыкальной фольклористики. Круг работ по этой проблеме невелик. История собирания фольклора, например, нашла отражение в статьях П. С. Бейсова[1], М. А. Енговатовой[2]. Подробно рассмотрен вопрос о собрании П. Киреевского М. К. Азадовским[3].

Исследования велись, как правило, словесниками, этнографами, историками. Музыкальная же сторона фольклора долгое время находилась в тени. Впервые песни Симбирской губернии встречаются в сборниках второй половины XIX века («40 русских народных песен» М. Балакирева, «Песни русского народа» А. Лядова, «Русские народные песни» С. Ляпунова). В дореволюционный период было опубликовано 35 симбирских песен.

В наши дни серьезная работа по изучению песен нашего края проделана преподавателем Музыкально-педагогического института им. Гнесиных кандидатом искусствоведения М. А. Енговатовой и студентами вуза.

Хотелось бы отметить еще один аспект проблемы, практически не затронутый в литературе. Это изучение и систематизация статей, очерков о фольклоре и прежде всего в той их части, которая касается песен и музыкальной стороны обрядов. Цель данной статьи — попытка осмыслить и определить научную и познавательную ценность работ по фольклору и этнографии, публиковавшихся в местной печати.

В 1838 году в «Симбирских губернских ведомостях» был напечатан документ «О собирании русских народных песен и стихов», получивший название «Песенная прокламация». Ее авторы (П. Киреевский, А. Хомяков, Н. Языков) призывали русское общество оказать содействие в деле собирания, записи и систематизации народных песен, чтобы «сохранить

остатки нашей народной поэзии, особенно песни и так называемого стиха» и спасти «нашу своенародную словесность»[4].

Авторы «прокламации» писали: «Опыт нам показал, что необходимо спешить с собиранием этих драгоценных остатков старины»[5].

У истоков этого движения стоял А. С. Пушкин, привлекший к делу собирания фольклора П. Киреевского и Н. М. Языкова. В свою очередь Языков сумел заинтересовать этим делом своих братьев. В 1831 г. он писал А. М. Языкову: «Главное и единственное занятие и удовольствие составляют мне теперь русские песни»[6]. В том же году Александр и Петр Языковы начали записывать песни, сказания, а спустя 2 года вся их семья участвовала в собирании песенного материала. Песни и былины записывались ими преимущественно в Симбирской и Оренбургской губерниях, местах, связанных с крестьянскими войнами и восстаниями. Поэтому в языковском собрании оказалось много бунтарских песен. Первым их начал записывать старший брат поэта Петр Михайлович Языков. Им были найдены уникальные песни «Судил тут граф Панин», «В том сударыня простила».

Всего Языковы передали Киреевскому около тысячи песен.

Призыв — «прокламация» был услышан симбирянами. Кроме восьми представителей семьи Языковых в собирании песен участвовали и другие жители Симбирска, и среди них — отец поэта-сатирика Д. И. Минаев, поэт и переводчик, востоковед Д. П. Ознобишин, поэт — «певец Волги» Д. Н. Садовников. Невозможно переоценить их вклад в симбирскую часть «сокровищницы» Киреевского.

Эта деятельность не прошла бесследно. Увлечение фольклором, этнографией охватило широкие слои населения губернии. Местная газета буквально пестрит, особенно в 40—70-е годы, этнографическими материалами. «Прокламация» была одним из первых в истории русской фольклористики документом, в котором помимо определения задач, стоящих перед собирателями образцов народного творчества, излагались научные принципы записывания народных песен:

1) «...особливо могут быть полезны люди престарелые, они более дорожат верностью дошедших до них песен и менее подвергались нововведениям...»[7].

2) «Записывать надо сначала со слов, потом проверять с голоса, ибо люди, привыкшие петь песни, обыкновенно лучше их вспоминают, когда поют, нежели, когда сказывают»[8]. Подобное указание было совершенно необходимо, так как в запись текста песни могла вкрасться ошибка.

3) «Песни... должны быть записаны слово в слово, все без изъятия и разбора, не обращая внимания на их содержание, краткость, нескладность и даже кажущееся бессмыслие: иногда поющий смешивает части нескольких песен в одну, и настоящая песня открывается только при сличении многих списков, собранных в разных местах»[9]. И в современной фольклористике это положение о недопустимости редактирования нотного или словесного текста — одно из важнейших.

И, наконец, авторы «прокламации» особое внимание советуют обратить на духовные стихи, образцы которого «никогда издаваемы не были».

Возвращаясь к истории публикации «прокламации» Киреевского, Хомякова и Языкова, необходимо сказать, что их обращение встретило

самую горячую поддержку со стороны столичной интеллигенции. На призыв принять участие «в этом общественном деле» откликнулись Н. В. Гоголь, А. Ф. Писемский, П. И. Мельников-Печерский, А. В. Кольцов, В. И. Даль и другие.

Большой интерес вызвал сборник и за границей: в славянских странах Европы, в Германии (братья Гримм), во Франции (П. Мериме). Но в России судьба сборника была трудной, так как он в течение двадцати лет запрещался цензурой к печати. Попытка издать первый выпуск песен в 1848 г. в обход запретов закончилась закрытием издания, увольнением из университета, а затем высылкой из Москвы его редактора — профессора О. М. Бодянского.

В Симбирске фольклорное движение дало толчок к подлинно глубокому изучению родного края. В течение нескольких десятилетий «Симбирские губернские ведомости» регулярно печатали новые материалы.

Тематика этих публикаций была самой разнообразной. Встречаются статьи, посвященные, например, духовному стиху или плачу, причитанию. Множество материалов рассказывают о различных обрядах, среди которых особое, почетное место занимает свадебный. Кроме него есть описание обрядов на канун Рождества Христова, под Крещенье, новогодних обрядов, Пасхи[10], поминания усопших[11].

Положительным моментом является то, что описывался и изучался фольклор не только русских, но и чувашей, мордвы, татар.

Различными были и жанры этих статей: от развернутых основательных исследований-очерков («Симбирские чуваши и поэзия их»[12], «Свадебный обряд в селе Ундоры»[13]), до более или менее подробных описаний какой-либо стороны жизни народа и, наконец, публикации текстов песен без комментариев.

Первые публикации о народном творчестве появились в местной печати в начале 40-х годов XIX века. Они представляют собой не столько рассказ о найденных и записанных песнях, сколько пересказ народных обрядов, то есть происходит смещение акцента с исследования особенностей песни на описание обряда в целом или его частей. Обряды эти записывались в разных селах, уездах Симбирской губернии, что позволяет выявить особенности их бытования.

Среди публикаций больше всего записей свадебного обряда. Так в «Симбирских губернских ведомостях» в № 51, 52 за 1853 г. и в № 1 за 1854 г. помещен подробный рассказ о «простонародном» свадебном обряде и песнях села Усолье Сызранского уезда, а в № 19 за 1855 г. — об обряде в селе Большие Березняки. В №№ 17, 20, 21, 26, 28, 30 за 1858 г. описан свадебный обряд в селе Ундоры, в №№ 12—14 за 1865 г. — в городе Курмыше. Кроме того рассказы о нем публикуются в газетах за 1866 г. (№№ 23—25 «Село Напольное»), 1867 г. (№№ 27, 29, 30, 37 «Заметка о свадебных обрядах в Симбирской губернии»), 1868 г. (№ 112 «Село Красные Четаи»), 1869 г. (№№ 12—15 «Симбирские чуваши и поэзия их»).

Все описанные свадебные обряды сходны в основных своих частях: сватовство, «запой», девичник, сборы к венцу, венчание и горный дом или свадебный пир. И отличаются деталями, обусловленными бытовыми традициями и религиозными представлениями того или иного народа, той или иной местности. Так, например, в мордовском селе Напольное во время

«запоя», наряду с песнями, звучат молитвы, которые «читают нараспев» женщины[14]. На чувашской свадьбе в день венчания друзья жениха, «объехав с веселыми песнями» всех родных, должны остановиться на ближайшем к дому невесты перекрестке и бросить несколько грошей, чтобы предупредить возможные несчастья[15].

Все авторы отмечают, что в течение всего свадебного обряда постоянно звучат песни. При этом напевы нередко характеризуются довольно скупо, чаще отмечается манера исполнения: девушки, приветствуя гостей на «запое», «монотонно» поют[16]; невеста на девичнике «плачет, припеваючи» (свадебный обряд в Курмыше)[17]. А невесты села Усолье в своих многочисленных обращениях к родителям, подругам, родственникам «вопят»[18]. Иногда указываются жанры исполняемых напевов: величальные, плачи, причитания[19], «веселая плясовая песня»[20].

Несомненным достоинством всех этих очерков является то, что текст песен приводится в них полностью. Причем, интересно, что тексты песен, соответствующие одним и тем же моментам обряда, в разных местностях не повторяются.

Но внимание собирателей фольклора привлекал не только свадебный обряд. В очерке «Село Большие Березняки» рассказывается об обычаях «на канун Рождества», «на канун Нового года»[21], «под Крещенье», «на прощенный день»[22]. Описывая эти обряды, автор — профессор Симбирской семинарии Д. Орлов — знакомит читателей с песнями детей: рождественской «Коляда, коляда», новогодними «усеньками».

Интересно описание различных обрядов у мордвы. Пасха, например, отмечается крестным ходом, до окончания которого «песен и хороводов не бывает», но на улице молодежь затевает «забавы»: «играет в гармоники, дудки, в свайку, чушки, лапту, дубинки»[23]. На троицу плетут венки, водят хороводы, поют песни; на Рождество колядуют, «распевая песню с припевом «Ой, коляда». Автор этого «этнографического очерка» утверждает, что все слышанные им песни уходят своими корнями в глубокую древность и, что еще более важно, мало меняются со временем.

Семик в селе Еделеве Буинского уезда отмечался в роще, где собирались девушки, приготовив различные явства. В этот день увеселения чередовались с пиршествами. Каждое действие обряда сопровождалось песнями. Так, выходя из села девушки пели «Троица по улице, семик по задам...», а нарядив «самый кудрявый березов куст», водили хоровод «Как из улицы в конец...»[24]. После обеда, сделав венки из березовых ветвей, снова пели песни, водили хороводы («Уж ты, вон-ли мой веночек»). Заканчивали праздник пением на господском дворе.

Еще один интересный обычай, связанный уже с бытовыми традициями, а не религиозными представлениями, верованиями, описан (правда, очень кратко) в № 19 «Симбирских губернских ведомостей». Речь идет о посиделках в селе Ундоры, которые начинались с 1 октября и продолжались до масленицы. Там собирались обычно «девицы для занятия рукоделием». Иногда приходили парни «покутить, побалагурить и поострить»[25]. Всего напечатаны тексты сорока шести песен.

В фольклорных публикациях нашли отражение и действа во время обрядов погребения и поминовения усопших у чувашей[26] и русских[27]. Через шесть недель после похорон чуваши устраивают «прощальные поминки».

Автор статьи рассказывает, что они «в полночь выходят за село, в овраг с пивом, водкой» и в определенное время начинают играть на принесенных с собой гуслях, балалайках и плясать.

У русских во время этих обрядов звучат церковные песнопения.

Иногда в газете публиковались тексты песен без описания обряда, которому они принадлежали. В 1866 г. (№ 25) были напечатаны две песни. Краткие сведения есть только об одной из них, она пелась во время сева хлеба[28].

В 1867 г. в «Симбирских губернских ведомостях» также были напечатаны тексты песен под рубрикой «Этнографические материалы». Одна, записанная В. Юрловым в селе Подлесном близ Тагая, свадебная и другая — «Волга-матушка, родимая течет», услышанная им в деревне Поливна[29]. В том же году в № 30 газеты были опубликованы песни из сборника 1795 г., найденного у одного старожила Симбирска[30].

Сведений о музыкальных инструментах, которыми пользовались народы, населявшие Симбирскую губернию, очень мало. Лишь в материалах, рассказывающих о народном творчестве чувашей, перечисляются некоторые из них: треугольные ручные гусли, балалайки и «исключительно чувашский музыкальный инструмент — пузырь». Инструментальное исполнение песен, в том числе русских, практикуется в чувашских селениях.

Несколько особняком среди фольклорных публикаций стоит статья «Село Астрадамовка» Арнольдова[32]. Это единственная работа о духовном стихе. Она целиком посвящена одному жанру народного песнетворчества.

В Астрадамовке, видимо, был очень силен религиозный дух. В училище, основанном после отмены крепостного права, преподавал дьячок. Он обучал грамоте и письму пятнадцать мальчиков. Но так как в селе «светских книг... и не видно», то грамотность, делает вывод Арнольдов, «если и даст образование, то только религиозное... Божественными книжками снабжают местное население офени, торгующие на базарах кроме книг также иконами и лубочными картинками преимущественно религиозного содержания, распятиями, складнями и другими божественными предметами»[33].

Но в большей степени, чем книги, считает Арнольдов, способствуют воспитанию религиозного чувства у народа духовные стихи. Объясняет это автор тем, что данные напевы создавал сам народ, они ему понятны и близки.

Пелись духовные стихи чаще у «черничек». После обедни (или во время ее) в келье у какой-нибудь «благочестивой вдовицы» собирались старушки и молодые женщины. Напевы этих стихов такие «жалобные и печальные», что они нередко вызывали слезы: «старушки... плачут навзрыд, умиленные и разжалобленные пением»[34].

В Астрадамовке чаще других поются напевы: «Георгий Храбрый», «Гробы, мои гробы», «О страшном суде», «Уж ли взойдем, братцы, на гору Сионскую», «Красно солнышко просветило» и «более печальные» «Шел старец из пустыни», «Смерть лютая».

Такое пристрастие к духовным стихам, общий суровый религиозный дух жителей села связаны, видимо, с тем, что вплоть до середины 50-х годов в Астрадамовке жили раскольники.

При знакомстве с этими публикациями заметно стремление некоторых авторов выйти за рамки собственно фольклорного материала и создать более

широкую панораму жизни народа. Это, по сути дела, большие статьи этнографического характера. Не случайно в газете появляются новые рубрики «Из истории края», «Статистические очерки», «Этнографические материалы». В работе «Село Большие Березняки» Д. Орлов подробно описывает географическое положение, «произрастания» села, занятия, одежду, пищу крестьян, их «наружный вид», умственные способности, освещая каждый из этих вопросов в отдельном разделе очерка[35].

Несомненно интересным является очерк о жизни мордвы —«Село Напольное»[36], в котором содержатся сведения о природных условиях этой местности, быте, внешнем облике, одежде мордовских крестьян.

Этнографический очерк «Симбирские чуваши и поэзия их» священника Мальхова[37] затрагивает такие серьезные вопросы, как происхождение и мифология чувашей.

В этих статьях, содержащих богатейшие сведения об истории, быте, культуре народов Симбирской губернии, делается попытка научно осмыслить поднимаемые проблемы и раскрыть незнакомые и своеобразные стороны их жизни.

Примечания

[1] Бейсов П. С. Устное народное творчество Ульяновской области. //«Литературный Ульяновск». — 1949, № 3. Бейсов П. С. Фольклор нашей области. //Ульяновская правда. 1950, 16 июля.

[2] Енговатова М. А. Ульяновская песня в истории русской фольклористики. //Музыкальный фольклор. — 1974. Вып. XV.

[3] Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958.

[4] Киреевский П., Языков Н., Хомяков А. О собирании русских народных песен и стихов. //С.Г.В. — 1838. 14 апреля.

[5] Там же.

[6] Блохинцев А. И. И жизни след оставили своей. — Саратов, 1980, с. 97.

[7] Киреевский П., Языков Н., Хомяков А. О собирании русских народных песен и стихов.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Орлов Д. Село Большие Березняки. //С.Г.В. — 1855. 7 мая, 14 мая.

[11] С.Д.О. Обряды у крестьян с. Ундоры при похоронах и поминках. //С.Г.В. — 1858. 18 декабря.

[12] Мальхов. Симбирские чуваши и поэзия их. //С.Г.В. — 1869. 21 января, 11 февраля, 15 февраля.

[13] Свадебные обряды в с. Ундоры Симбирского уезда. //С.Г.В. — 1858. 26 апреля.

[14] Село Напольное. //С.Г.В. — 1866. 3 марта.

[15] Мальхов. Симбирские чуваши и поэзия их. //С.Г.В. — 1869. 15 февраля.

[16] Морозов А. Н. Свадебные обряды в г. Курмыше. //С.Г.В. — 1865. 20 марта.

[17] Морозов А. Н. Свадебные обряды в г. Курмыше. //С.Г.В. — 1865. 27 марта.

[18] Орлов Д. Простонародные свадебные обряды и песни с. Усолье Симбирской губернии Сызранского уезда. //С.Г.В. — 1853. 19 декабря.

[19] Юрлов В. Заметки о свадебном обряде в Симбирской губернии. //С.Г.В.— 1867. 11 марта, 16 марта. Юрлов В. Свадебный обряд в с. Ундоры Симбирского уезда. //С.Г.В. — 1858. 26 апреля.

[20] Мальхов. Симбирские чуваши и поэзия их. //С.Г.В. — 1869. 11 февраля.

[21] Орлов Д. Село Большие Березняки. //С.Г.В. — 1855. 7 мая.
[22] Орлов Д. Село Большие Березняки. //С.Г.В. — 1855. 14 мая.
[23] Село Напольное. //С.Г.В. — 1866. 3 марта.
[24] Семик, празднуемый перед Троициным днем в с. Еделеве Симбирской губернии Буинского уезда. //С.Г.В. — 1856. 14 июля.
[25] Орлов Д. Песни, употребляемые на посиделках в с. Ундоры. //С.Г.В. — 1859. 9 мая.
[26] Бельский Е. Село Красные Четаи. //С.Г.В. — 1866. 21 октября. Мальхов. Симбирские чуваши и поэзия их. //С.Г.В. — 1869. 21 января.
[27] С.Д.О. Обряды у крестьян с. Ундоры при похоронах и поминках. //С.Г.В. — 1858. 18 декабря.
[28] Седо Напольное. //С.Г.В. — 1866. 10 марта.
[29] Юрлов В. Этнографические материалы. //С.Г.В. — 1867. 6 апреля.
[30] Юрлов В. Заметки о свадебном обряде в Симбирской губернии. //С.Г.В. — 1867. 18 марта.
[31] Бельский Е. Село Красные Четаи. //С.Г.В. — 1866. 17 октября.
[32] Арнольдов. Село Астрадамовка. //С.Г.В. — 1866. 29 января.
[33] Там же.
[34] Там же.
[35] Орлов Д. Село Большие Березняки. //С.Г.В. — 1855. 18 апреля, 30 апреля, 7 мая, 14 мая.
[36] Село Напольное. //С.Г.В. — 1866. 24 февраля, 1 марта, 3 марта, 5 марта, 8 марта, 10 марта.
[37] Мальхов. Симбирские чуваши и поэзия их. //С.Г.В. — 1869. 21 января, 11 февраля, 15 февраля.

Сведения об авторах и рецензентах

Аржанцев Борис Васильевич — архитектор-краевед

Баюра Луиза Петровна — заведующая отделом областного Художественного музея

Беспалова Елена Константиновна — старший научный сотрудник литературного музея «Дом Языковых»

Валкин Марк Харитонович — заведующий сектором музеефикации заповедника «Родина В. И. Ленина», заслуженный работник культуры Российской Федерации

Ефимов Юрий Дмитриевич — заместитель директора областного краеведческого музея по научной работе

Зубов Александр Николаевич — директор Государственного историко-мемориального заповедника «Родина В. И. Ленина»

Казюхин Владимир Васильевич — кандидат исторических наук

Козлов Юрий Васильевич — главный инженер проектов Средневолжского филиала института «Спецпроектреставрация», председатель совета областного объединения литераторов «Симбирск»

Кругликов Александр Леонидович — доцент филиала МГУ, кандидат исторических наук

Кутейников Игорь Александрович — директор областного краеведческого музея, кандидат исторических наук

Макеева Ирина Федоровна — заведующая музеем «Симбирская классическая гимназия»

Петров Сергей Борисович — старший преподаватель Ульяновского филиала МГУ, кандидат философских наук

Перфилов Валерий Александрович — директор Историко-культурного центра В. И. Ленина, кандидат исторических наук

Савич Мира Мироновна — краевед, член Ученого совета областного краеведческого музея

Салахова Рауля Халимуловна — старший научный сотрудник Государственного историко-мемориального заповедника «Родина В. И. Ленина»

Сковикова Елена Геннадьевна — зав. отделением музыкального училища

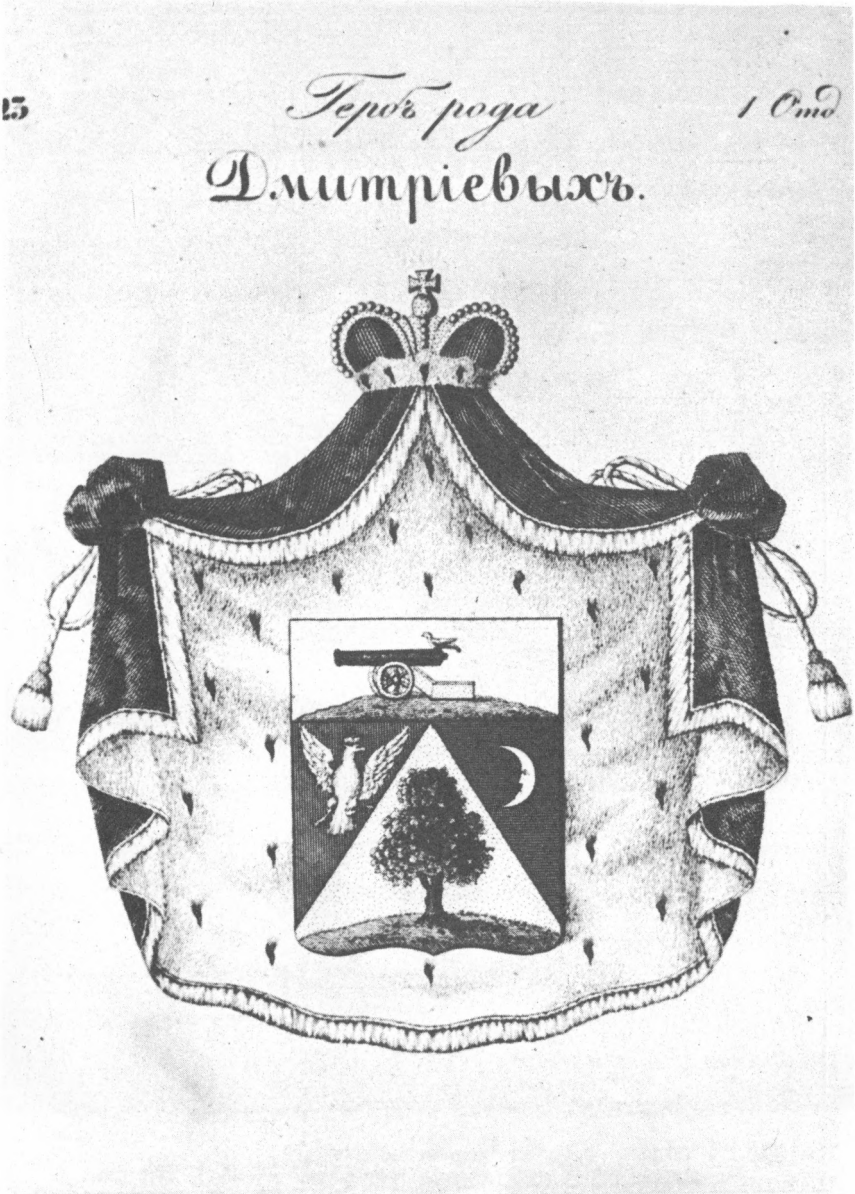
Смирнова Ирина Вениаминовна — старший научный сотрудник Музея И. А. Гончарова

Сытин Сергей Львович — доцент Ульяновского педагогического института, кандидат исторических наук

Трофимов Жорес Александрович — подполковник в отставке, публицист, кандидат исторических наук

На открытии музея.
Симбирская классическая гимназия. 1991 г. (к стр. 11)

И. И. Дмитриев. (к стр. 34)

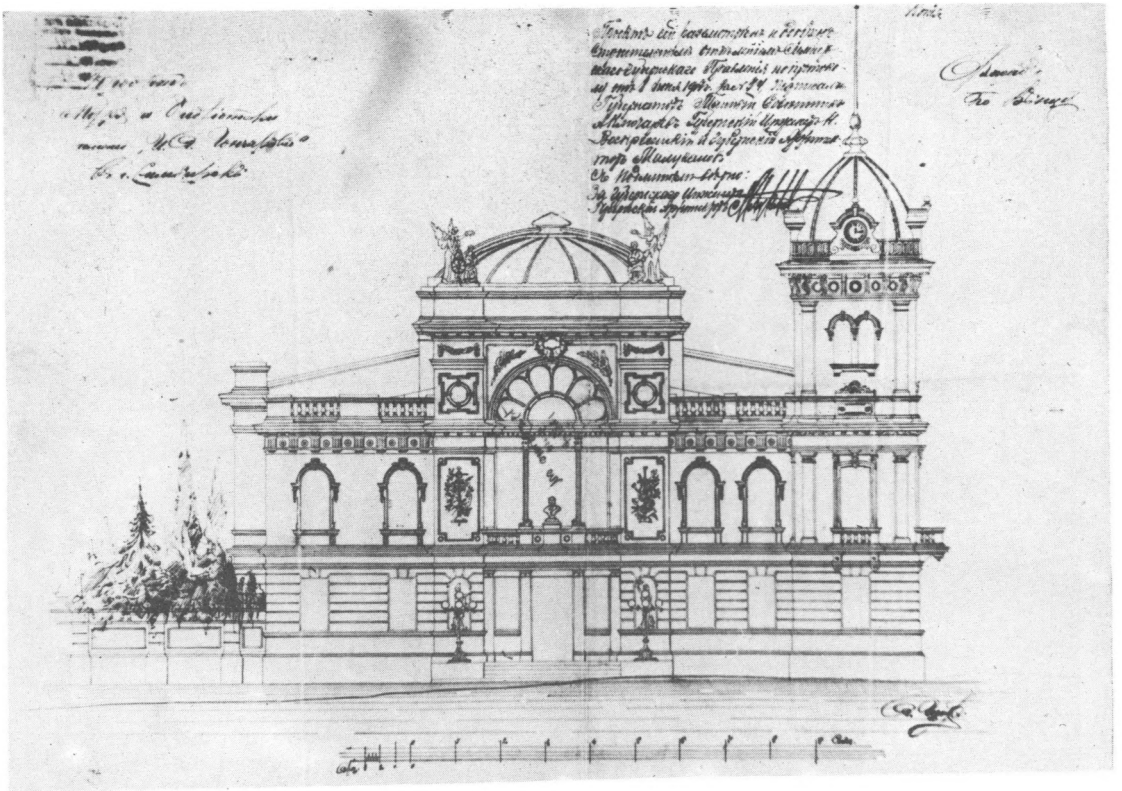


(к стр. 35)

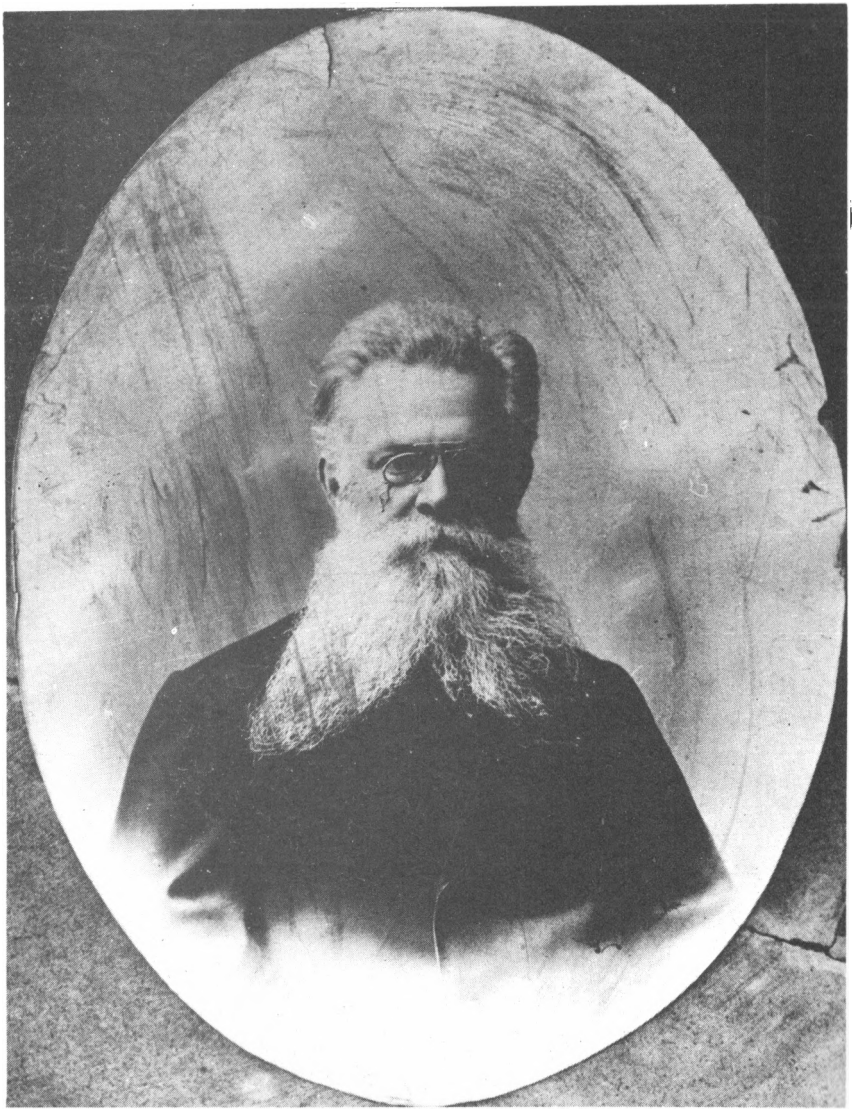
А. М. Загряжский с семьей.
Из фондов Пушкинского дома. Неизв.худ., масло. (к стр. 63)

А. Муренко. Почта после пожара 1864 г. (в центре). (к стр. 106)

Архитектор А. А. Шодэ (фотокопия). (к стр. 125)



Главный фасад Дома-памятника И. А. Гончарову.
АрхитекторА. А. Шодэ (к стр. 126)



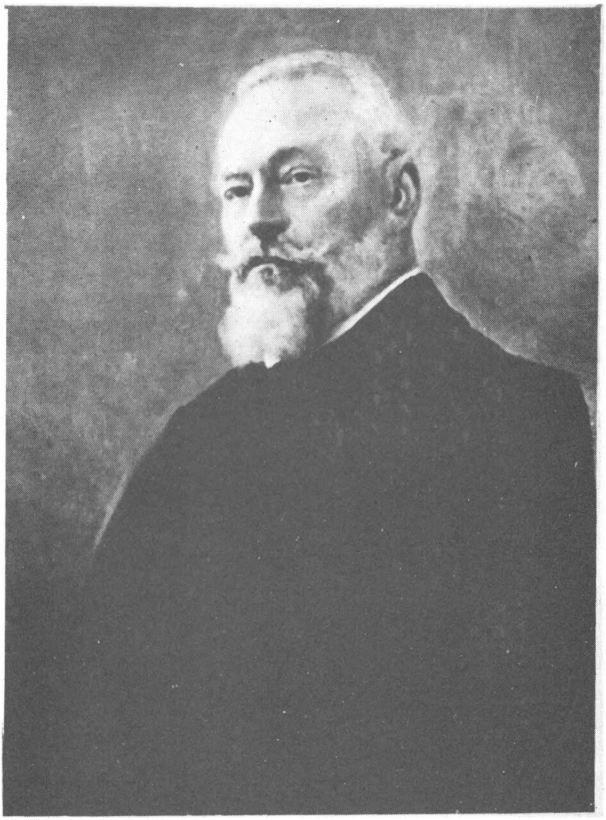
П. Л. Мартынов. (к стр. 137)

Неизвестная. С-Пб, 1980-е годы. (к стр. 164)

А. А. Музалевская. Неизв. худ., масло. (к стр. 165)

П. А. Музалевский. Неизв. худ., масло. (к стр. 165)

Открытие музея И. А. Гончарова, 1982 г. (к стр. 172)



В. Н. Поливанов (с портрета, 1900 г.). (к стр. 190)

Музей В. Н. Поливанова в Акшуате. (к стр. 191)

Дом В. Н. Поливанова в Акшуате (к стр. 193)

СОДЕРЖАНИЕ

Зубов А. Н. Заповедник «Родина В. И. Ленина» 3
Козлов Ю. В. Керенские в Симбирске 13
Беспалова Е. К. Род и предки И. И. Дмитриева 34
Смирнова И. В. Симбирские корни Анны Ахматовой 45
Петров С. Б. Модест Чайковский в Симбирске 51
Трофимов Ж. А. Губернатор А. М. Загряжский 59
Кутейников И. А. Заметки о культурной жизни Симбирской губернии в конце XIX начале XX веков 68
Макеева И. Ф. К вопросу о воспитательном процессе в Симбирской гимназии 76
Ефимов Ю. Д. К вопросу о планировке Симбирска XVII—XVIII веков . . . 88
Сытин С. Л. Облик Симбирска второй половины XIX века (материалы для фотолетописи) 101
Аржанцев Б. В. Гончаровский мемориал 123
Савич М. М. Симбирская архивная комиссия 133
Валкин М. Х. К истории создания музея И. А. Гончарова 150
Салахова Р. Х. О создании музея «Симбирская метеорологическая станция» 177
Баюра Л. П. Музей В. Н. Поливанова в Акшуате 190
Сковикова Е. Г. Собирание и изучение музыкального фольклора в Симбирской губернии 201
Сведения об авторах и рецензентах 208
Иллюстрации 209

СИМБИРСКИЙ ВЕСТНИК

историко-краеведческий сборник

Выпуск I

Художник Б. Н. Склярук

Технический редактор Н. И. Давыдова

Корректоры Г. Н. Гульнова, З. Г. Еленкина, И. А. Давыдова

Сдано в печать 4.12.92 г. Подписано в печать 23.04.93 г. Формат $60\times84^{1}/_{16}$. Бумага тип. № 1. Гарнитура Тип-Таймс. Усл. печ. л. 13,02. Усл. кр.-отт. 13,02. Уч.-изд. л. 13,75. Тираж 2000. Заказ 4381.

Малое предприятие «Симбирская книга»
432021, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 52.

Государственное предприятие, облтипография
«Печатный двор»
432061, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 13.

Замеченные опечатки

граница	Строка	Напечатано	Следует читать
14	3 сверху	завидная	незавидная
55	5 сверху	тетрах	театрах
72	11 снизу	романов	романсов
73	7 снизу	стояли	стоили
78	15 сверху	гимнастический	гимназический
90	19 сверху	на юге Крымские	на юге Водяная,
90	20 сверху	Свияжские	Свияжские ворота.
107	6 снизу	дотируемых	датируемых
114	16 сверху	дотироваться	датироваться
135	19 сверху	В. П. Поливанов	В. Н. Поливанов,
135	21 сверху	имевшей	имевший
139	5 сверху	в Комиссию	в Комиссию описи на
139	16 снизу	рассмотрено	рассмотрено по описям
142	14 сверху	Кашкира	Кашпира
147	19 сверху	дома-памятнику	дома-памятника
202	3 снизу	которого	которых

СИБИРСКИЙ ВЕСТНИК 1993